

СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

БАКУ - 1978

6

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

БАКУ — 1978

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31, Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

А. П. ВОЛОДИН, В. С. ХРАКОВСКИЙ

ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ ИМПЕРАТИВНОЙ ПАРАДИГМЫ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ИНДИКАТИВНОЙ

(НА МАТЕРИАЛЕ АГГЛЮТИНАТИВНЫХ ЯЗЫКОВ)*

Лингвисты довольно давно уже обратили внимание на то, что императивные формы занимают специфическое положение в морфологической системе глагола. Так, в частности, академик В. В. Виноградов отмечал: «Императив в его прямой функции (а не в переносных значениях) находится на периферии глагольной системы. Он стремится отпасть от нее, так как его притягивают междометия. ...Не только интонация, не только синтаксическое значение (ср. особые формы императивных синтагм), но и фономорфологическое строение повелительного наклонения решительно выделяет его из общей системы глагола и других наклонений»¹. Вместе с тем императив традиционно описывается в рамках системы глагольных наклонений. В этой связи интересно отметить, что так же описывает императив и Р. Якобсон², несмотря на то, что он, видимо, первым обратил внимание на особый формально-смысловой статус императива среди других глагольных форм³. Лишь в последнее время в литературе появились попытки нетрадиционного толкования императивных форм. Ряд лингвистов считает, что императив не должен описываться в рамках категории наклонения, хотя предлагаемые при этом трактовки императива различны. Так, по мнению Д. А. Штелинга, категория наклонения свойственна только глагольным формам, выполняющим повествовательную (коммуникативную) функцию; императив же выполняет апеллятивную функцию и потому не может быть причислен к наклонениям⁴. Несколько иначе рассуждает Р. В. Пазухин, который, исключая императив из системы наклонений и переводя его в систему вербоидов, куда им относятся также причастия, деепричастия, инфини-

* Настоящая статья продолжает рассмотрение проблемы императива в языках агглютинативного типа, прежде всего урало-алтайских, в том числе и тюркских, начатое предшествующей публикацией авторов (см.: «Функционально-типологическая характеристика императива». — «Советская тюркология», 1977, № 5). Основное внимание обращено на формальные отличия парадигмы повелительного наклонения (императива) от парадигм других наклонений.

¹ В. В. Виноградов. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Вып. II. М., 1938, стр. 459.

² Р. Якобсон. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — «Принципы типологического анализа языков различного строя». М., 1972.

³ R. Jakobson. Zur Struktur der russischen Verbs. — «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario... oblata». Prague, 1932. Перепечатано: R. Jakobson. Selected Writings, v. II. The Hague, 1971.

⁴ Д. А. Штелинг. Целенаправленность речи и категория наклонения. — «Русский язык за рубежом», 1973, № 3.

тив и его аналоги, рассматривает императив как «гибридную форму глагола и междометия»⁵. Л. С. Ермолаева считает, что «индикатив и императив не противостоят друг другу как категориальные формы наклонений, а образуют категорию побудительности-непобудительности, отличную от категории наклонения и подчиненную ей»⁶. Разделяя мнение о том, что императив не входит в систему категории наклонения по содер­жательным основаниям⁷, мы в данной работе рассматриваем особенности строения императивной парадигмы, отличающие ее от индикативной парадигмы и тем самым подтверждающие справедливость высказанной точки зрения.

Исследование ведется на материале агглютинативных языков (главным образом языков народов СССР) — тюркских, финно-угорских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских, абхазо-адыгских. Предметом анализа послужили императивные и индикативные парадигмы перечисленных языков.

Грамматическая категория, в частности, глагольная категория, представляет собой абстрактный родовой признак, реализующийся в некоторых конкретных видовых значениях, число которых $\geq 2^8$. При этом необходимо отметить, что в одной и той же словоформе не могут быть одновременно представлены формальные показатели этих категориальных значений. Тем самым переход от формы к форме в парадигме, объединяющей все формы данной грамматической категории, в частности, в агглютинативных языках, происходит путем смены формальных показателей одного порядка⁹, причем каждый из этих показателей соответствует одному видовому категориальному значению. В рамках рассматриваемой нами категории наклонения соблюдение указанных теоретических положений означало бы, что при переходе от форм индикатива к формам императива показатель индикатива (или конъюнктива, оптатива или другого наклонения) должен заменяться показателем императива, занимающим тот же порядок, что и показатель индикатива (или другого наклонения). Рассмотрим, какие изменения фактически происходят при переходе от форм индикатива к формам императива в анализированных агглютинативных языках, и насколько они согласуются с исходными положениями теории.

Как было установлено ранее¹⁰, в агглютинативных языках выделяются два типа минимальных структурных моделей индикативных словоформ финитного глагола. Модель первого типа включает в себя три порядка: 1) порядок корня, показатель которого не меняется во всех словоформах данного глагола, 2) порядок времени-наклонения, включаю-

⁵ Р. Пазухин. Так называемое «повелительное наклонение» и его парадигма. — «Studia Rossica Posnaniensia», 1974, № 6, стр. 89.

⁶ Л. С. Ермолаева. Типология системы наклонений в современных германских языках. — «Вопросы языкознания», М., 1977, № 4, стр. 103.

⁷ А. П. Володин, В. С. Храковский. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение). — «Проблемы лингвистической типологии и структуры языка», Л., 1977; их же. Функционально-типологическая характеристика императива (на материале агглютинативных языков). — «Советская тюркология», 1977, № 5.

⁸ А. П. Володин, В. С. Храковский. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение).

⁹ Специально о методике порядкового членения и понятии порядка см.: А. П. Володин, В. С. Храковский. Типология морфологических категорий глагола (на материале агглютинативных языков). — «Типология грамматических категорий. Мещаниновские чтения», М., 1975.

¹⁰ См.: А. П. Володин, В. С. Храковский. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение).

щий показатели времени и косвенных наклонений¹¹, 3) порядок лица-числа субъекта, в который входят показатели, указывающие на определенный тип имени (местоимения), занимающего позицию подлежащего при данной глагольной форме в функции сказуемого. Примером может служить любая индикативная словоформа азербайджанского глагола, в частности, словоформа *ал-ды-м* 'я взял', в которой порядок корня занят морфой *ал-*, порядок времени-наклонения — морфой *-ды* (показатель прошедшего очевидного времени), порядок лица-числа субъекта — морфой *-м* (показатель 1-го лица единственного числа).

Модель второго типа включает четыре порядка: 1) порядок корня, 2) порядок времени-наклонения, 3) порядок вида, 4) порядок лица-числа субъекта. Примером может служить любая индикативная словоформа чукотского глагола, в частности, словоформа *т-рэ-чейвы-ркын* 'я буду ходить', в которой порядок корня занят морфой *-чейвы*, порядок вида — морфой *-ркын* (показатель неопределенного вида), порядок времени-наклонения — морфой *-рэ* (показатель будущего времени), порядок лица-числа субъекта — морфой *т-* (показатель 1-го лица единственного числа).

Изменения, возникающие при переходе от индикатива к императиву, рассматриваются нами для каждого типа минимальной модели отдельно, с учетом того, что, в соответствии с одним из исходных положений грамматики порядков о моносемантичности каждого порядка, все показатели одного порядка являются частными видовыми значениями одной грамматической категории. Как показывает конкретный материал различных языков, при переходе от индикатива к императиву в рамках минимальной структурной модели **первого типа** (порядок корня, порядок времени-наклонения, порядок лица-числа субъекта) формальные изменения затрагивают как порядок времени-наклонения, так и порядок лица-числа, то есть фактически касаются обеих наличных грамматических категорий. Зафиксировано несколько разновидностей формальных изменений, возникающих при переходе от индикативных словоформ к императивным.

1. Все формы императивной парадигмы, как центральные, так и периферийные¹², имеют в порядке времени-наклонения нулевой показатель. В порядке лица-числа центральная форма 2-го лица единственного числа имеет нулевой показатель, а центральная форма 2-го лица множественного числа — специфический показатель множественного числа. Что касается показателей лица-числа периферийных форм, то они либо отличаются, либо не отличаются от показателей соотносительных индикативных форм. В качестве примера можно привести императивную парадигму в азербайджанском языке: 1) *ал-Ø-Ø* 'возьми ты', 2) *ал-Ø-ын* 'возьмите вы', 3) *ал-Ø-сын* 'пусть он возьмет', 4) *ал-Ø-сынлар* 'пусть они возьмут', 5, 6) *ал-Ø-аг* 'возьмем-ка мы', 7) *ал-Ø-ым* 'возьму-ка я'¹³. В этой парадигме порядок времени-наклонения практически редуциро-

¹¹ Специально о трактовке времени-наклонения как единой грамматической категории см.: А. П. Володин, В. С. Храковский. Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение).

¹² О членении императивной парадигмы на центр и периферию, в соответствии с чем центральными являются формы 2-го лица, а периферийными — формы 1-го и 3-го лица, см.: А. П. Володин, В. С. Храковский. Функционально-типологическая характеристика императива.

¹³ Формы императивной парадигмы приводятся в последовательности, принятой в нашей работе «Функционально-типологическая характеристика императива».

ван¹⁴. Что касается порядка лица-числа, то в нем центральная форма 2-го лица единственного числа имеет нулевой показатель (соотносительная индикативная форма имеет показатель *-н*), центральная форма 2-го лица множественного числа имеет показатель *-ын* (соотносительная индикативная форма имеет показатель *-ныз*), периферийная форма 3-го лица единственного числа имеет показатель *-сын* (соотносительная индикативная форма имеет нулевой показатель), периферийная форма 3-го лица множественного числа имеет показатель *-сынлар* (соотносительная индикативная форма имеет показатель *-лар*). Показатели периферийных форм 1-го лица множественного и единственного чисел (соответственно *-аг* и *-ым*) практически не отличаются от показателей соотносительных индикативных форм.

К данному типу относится также императивная парадигма в абхазо-адыгских языках, представленная (судя по имеющимся описаниям) только центральными формами. Примером является императивная парадигма субъектного глагола адыгейского языка: 1) *Ø-к/о-Ø* 'иди ты', 2) *шъу-к/у-Ø* 'идите вы'. Порядок времени-наклонения, занимающий крайнюю правую позицию в словоформе, практически редуцирован. Что касается порядка лица-числа (крайняя левая позиция), то центральная форма 2-го лица единственного числа характеризуется нулевым показателем, центральная форма 2-го лица множественного числа — показателем *шъу-*. Соотносительные индикативные формы выглядят так: *у-к/о-щт* 'ты пойдешь', *шъу-к/о-щт* 'вы пойдете' (будущее время), *у-к/о-гъ* 'ты пошел', *шъу-к/о-гъ* 'вы пошли' (прошедшее совершенное)¹⁵.

2. Только центральные формы императивной парадигмы имеют в порядке времени-наклонения нулевой показатель; периферийные формы в этом порядке характеризуются специфическим показателем императива. В порядке лица-числа при этом специфические показатели имеют центральные формы: форма 2-го лица единственного числа имеет нулевой показатель, форма 2-го лица множественного числа — специфический показатель числа. Что касается периферийных форм, то в них показатели лица-числа либо отличаются, либо не отличаются от показателей соотносительных индикативных форм. Примером может служить императивная парадигма субъектного глагола в эскимосском языке: 1) *таги-Ø-Ø* 'приходи ты', 2) *таги-Ø-тык* 'приходите вы', 3) *таги-ли-Ø* 'пусть он придет', 4) *таги-ли-т* 'пусть они придут', 5) *таги-ль-туң* 'придем(ка) мы двое', 6) *таги-ль-та* 'придем(ка) мы', 7) *таги-ля-ңа* 'приду(ка) я'. Эта парадигма имеет нулевой показатель в порядке времени-наклонения только у центральных форм, тогда как периферийные формы имеют показатель *-ль ~ -ли ~ -ля*, генетически связанный, очевидно, с индикативным показателем будущего времени *-льы ~ -лы*, хотя каких-либо указаний на этот счет в литературе нет. В порядке лица-числа центральная форма 2-го лица единственного числа имеет нулевой показатель (ср. индикат. *таги-ма-тын* 'ты пришел'), а центральная форма 2-го лица множественного числа — специальный показатель *-тык* (ср. индикат. *таги-ма-си* 'вы пришли'). В периферийной форме 3-го лица

¹⁴ Парадигма взята из работы: Н. З. Гаджиева. Азербайджанский язык. — «Языки народов СССР», т. II. М., 1966. По мнению автора, все императивные формы имеют двухкомпонентную структуру: корень + показатель лица-числа. Вместе с тем в формах 1-го лица, являющихся по происхождению оптативными во всех тюркских языках, некоторые специалисты усматривают трехкомпонентную структуру: корень + показатель оптатива *-а* + показатель лица-числа. Если согласиться с такой трактовкой, то следует признать, что налицо неполная редукция порядка времени-наклонения в императивной парадигме тюркских языков.

¹⁵ М. А. Кумазов. Словоизменение адыгских языков. М., 1971.

единственного числа нулевой показатель не совпадает с соотносительным показателем индикатива (ср. *таги-ма-к* 'он пришел'), а в форме 3-го лица множественного числа имеется совпадающий с индикативным числовой показатель *-т* (ср. *таги-ма-т* 'они пришли'). Периферийные формы 1-го лица обнаруживают различные показатели в двойственном и множественном числах: в императиве соответственно *-туң* и *-та*, в индикативе — *-жуң* и *-кут* (ср. *таги-ма-жуң* 'мы двое пришли', *таги-ма-кут* 'мы пришли'); в формах 1-го лица единственного числа императив и индикатив характеризуются одинаковым показателем *-ча* (ср. *таги-ма-ча* 'я пришел')¹⁶.

Формы индикатива эскимосского глагола, насколько можно судить по имеющимся описаниям, структурно неоднородны. Так, формы прошедших времен, как и императива, имеют трехкомпонентную структурную модель; что же касается форм настоящего, близкого будущего и будущего времен, то они имеют четырехкомпонентную структуру: **корень + время + показатель индикатива + лицо-число**, например: *агляг'-а-жу-ча* 'я иду', *агляг'-на-жу-ча* 'я сейчас пойду', *аглях-льы-жу-ча* 'я пойду', в которых морфа *-жу* определяется как «суффикс изъявительного наклонения»¹⁷. Переход от этих индикативных форм к императивным захватывает три порядка (порядок изъявительного наклонения при этом редуцируется).

Разновидностью рассмотренного случая является императивная парадигма, где в порядке времени-наклонения нулевым показателем характеризуется только одна центральная форма — 2-го лица единственного числа, тогда как все другие формы (как центральная форма 2-го лица множественного числа, так и периферийные) характеризуются специфическими показателями императива. Примером может служить императивная парадигма финского языка: 1) *anna-Ø-Ø* 'дай ты', 2) *anta-kaa-Ø* 'дайте вы', 3) *anta-ko-on* 'пусть он даст', 4) *anta-ko-oi* 'пусть они дадут', 5, 6) *anta-kaa-mme* 'дадим (ка) мы'¹⁸. В этой парадигме в порядке времени-наклонения центральная форма 2-го лица единственного числа имеет нулевой показатель, центральная форма 2-го лица множественного числа и периферийная форма 1-го лица множественного числа имеют специфический показатель *-kaa-* (*-kää*), периферийные формы 3-го лица имеют специфический показатель *-ko* (*-kö*). В порядке лица-числа центральные формы 2-го лица характеризуются нулевым показателем (ср. соотносительные индикативные формы настоящего времени: *anna-Ø-t* 'ты даешь', *anna-Ø-tte* 'вы даете'), периферийные формы 3-го лица характеризуются специфическими показателями *-on* (*-ön*) и *-oi* (*-öi*) соответственно (ср. индикативные формы *antaa-Ø-Ø* 'он дает' и *anta-Ø-vat* 'они дают'); показатель периферийной формы 1-го лица множественного числа совпадает с соотносительным показателем индикативной парадигмы (ср. *anna-Ø-mme* 'мы даем')¹⁹.

¹⁶ Г. А. Меновицков. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. II. Л., 1967. В эскимосском различаются единственное, двойственное и множественное числа; поэтому как в индикативной, так и в императивной парадигмах субъектного глагола насчитывается по девять личных форм. Формы двойственного числа имеют следующий вид: *таги-Ø-тык* 'приходите вы двое' (индикат. *таги-ма-тык* 'вы двое пришли'), *таги-ли-к* 'пусть они двое придут' (индикат. *таги-ма-к* 'они двое пришли').

¹⁷ Г. А. Меновицков. Указ. раб., стр. 94.

¹⁸ «Грамматика финского языка». М.—Л., 1958.

¹⁹ Финский императив имеет «два времени» — презенс и перфект («Грамматика финского языка», стр. 167, А. Penttilä. Suomen kielioppi. Porvoo—Helsinki, 1963, стр. 614). Нами была рассмотрена форма презенса; перфект, имеющий только периферийные формы 3-го лица (*olkoon lukeut* 'пусть читал', *olkoot lukeneet* 'пусть читали'), образуется аналитически и здесь специально не рассматривается; кроме того, данные формы практически неупотребительны.

3. Все формы императивной парадигмы, как центральные, так и периферийные, имеют в порядке времени-наклонения специфический показатель императива, причем центральные формы получают один показатель, а периферийные — другой. В порядке лица-числа обязательно заменяются показатели центральных императивных форм: форма 2-го лица единственного числа получает нулевой показатель, а форма 2-го лица множественного числа — специфический показатель множественного числа. Что касается личных показателей периферийных форм, то они могут и отличаться и не отличаться от соотносительных показателей индикативных форм. Примером может служить императивная парадигма ближайшего будущего в нанайском языке: 1) *дѣбо-ру-Ø* 'работай ты', 2) *дѣб-о-су* 'работайте вы', 3) *дѣбо-ги-ни* 'пусть он работает', 4) *дѣбо-ги-чи* 'пусть они работают', 5, 6) *дѣбо-ги-ту* 'поработаем(ка) мы', 7) *дѣбо-ги-та* 'поработаю(ка) я'²⁰. В этой парадигме в порядке времени-наклонения центральные формы имеют показатель *-ру ~ -ро ~ -о*, а периферийные формы — показатель *-ги*. В порядке лица-числа центральная форма 2-го лица единственного числа имеет нулевой показатель (ср. индикативную форму прошедшего времени *дѣбо-ка-си* 'ты работал'), а центральная форма 2-го лица множественного числа имеет показатель *-су ~ -со*, совпадающий с соотносительным индикативным показателем (ср. *дѣбо-ка-су* 'вы работали'). Показатели периферийных форм в нанайском языке отличаются от личных показателей соотносительных индикативных форм (ср. индикат. *-Ø* 'он', *-л* 'они', *-пу* 'мы', *-би* 'я').

В нанайском языке, помимо императива ближайшего будущего, имеется еще императив отдаленного будущего, парадигма которого состоит из двух центральных форм: 1) *дѣбо-хари-Ø* 'работай ты (потом)', 2) *дѣбо-хар-су* 'работайте вы (потом)'²¹. Эти формы в порядке времени-наклонения имеют специфический показатель *-хари ~ -хар*, а в порядке лица-числа их показатели аналогичны показателям соотносительных императивных форм ближайшего будущего.

Следует отметить, что центральные формы императивной парадигмы имеют специфический ненулевой показатель императива, по-видимому, только в том случае, если в языке представлены минимум две императивные парадигмы. Как показывает материал нанайского языка, только наличие специфических ненулевых показателей в порядке времени-наклонения позволяет отличать одну от другой императивные формы ближайшего и отдаленного будущего времени²². В языках с одной императивной парадигмой, где нет проблемы различения соотносительных форм из разных парадигм, центральные императивные формы в порядке времени-наклонения имеют, как правило, нулевой показатель.

При переходе от индикатива к императиву в рамках минимальной модели, включающей четыре порядка (корень, время-наклонение, вид, лицо-число), формальные изменения также затрагивают два порядка: времени-наклонения и лица-числа. Все формы императива в порядке времени-наклонения имеют либо нулевой показатель, либо (в исключительных случаях) — отдельные показатели из индикативной парадигмы.

²⁰ В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. II. М.—Л., 1961, стр. 123.

²¹ Там же.

²² Аналогичная картина наблюдается и в других тунгусо-маньчжурских языках (за исключением ороцкого, где имеется только одна императивная парадигма, состоящая из двух центральных форм); см. статьи по соответствующим языкам в кн.: «Языки народов СССР», т. V. Л., 1968, а также: О. П. Сунник. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. М.—Л., 1962.

В порядке лица-числа эти формы имеют специфические показатели, отличающиеся от показателей соотносительных индикативных форм на протяжении всей парадигмы. Примером может служить императивная парадигма предельного действия субъектного глагола в чукотском языке: 1) *кы-Ø-чейвы-ги* 'сходи ты', 2) *кы-Ø-чейвы-тык* 'сходите вы', 3) *ны-Ø-чейвы-гээн* 'пусть он сходит', 4) *ны-Ø-чейвы-нэт* 'пусть они сходят', 5, 6) *мын-Ø-чейвы-мык* 'сходим(ка) мы', 7) *мы-Ø-чейвы-гээк* 'схожу(ка) я'²³. В этой парадигме порядок времени-наклонения практически редуцирован. Что касается порядка лица-числа, то показатели лица-числа субъекта у каждой императивной формы регулярно отличаются от показателей соотносительных индикативных форм:

индикативный ряд	т	Ø	Ø	мыт	Ø	Ø
императивный ряд	м	к	н	мын	к	н
значение	'я'	'ты'	'он'	'мы'	'вы'	'они'

В чукотском выделяются две императивные парадигмы, различающиеся по видовому значению: побудительно-повелительное I и II (соответственно предельное и непредельное)²⁴. В парадигме императива не-предельного действия, где различается столько же лиц-чисел, сколько и в парадигме императива предельного действия, порядок вида занят показателем не-предельности *-ркын*: 1) *кы-Ø-чейвы-ркын* 'ходи ты', 2) *кы-Ø-чейвы-ркыны-тык* 'ходите вы', 3) *ны-Ø-чейвы-ркын* 'пусть он ходит', 4) *ны-Ø-чейвы-ркынэ-т* 'пусть они ходят', 5, 6) *мын-Ø-чейвы-ркын* 'давай мы будем ходить', 7) *мы-Ø-чейвы-ркын* 'давай я буду ходить', ср. соотносительные индикативные формы: *т-рэ-чейвы-гээ* 'я пойду' (будущее I, предельное), *т-рэ-чейвы-ркын* 'я буду ходить' (будущее II, не-предельное). Аналогичная картина наблюдается и в других языках чукотско-камчатской группы: корякском, алюторском и керекском. Для всех этих языков характерно наличие двух императивных парадигм, передающих видовые различия.

Ительменский язык, стоящий в чукотско-камчатской группе особняком, имеет четыре императивных парадигмы, которые также передают видовые различия²⁵. Порядок лица-числа субъектного глагола в ительменском образуется циркумфиксами, компоненты которых занимают крайние левую и правую позиции в словоформе; инициальные экспоненты этих разрывных морф в императиве отличны от индикатива на протяжении всей парадигмы. Материально они очень близки к чукотским (ср. выше): 1) *к-ну-кзу-Ø-хч* 'ешь ты', 2) *к-ну-кзу-Ø-сх* 'ешьте вы', 3) *хйн-ну-кзу-Ø-үен* 'пусть он ест', 4) *хйн-ну-кзу-Ø-үе?н* 'пусть они едят', 5, 6) *мэн-ну-кзу-Ø-кичен* 'поедим(ка) мы', 7) *м-ну-кзу-Ø-кичен* 'поем(ка) я'. Приведенная парадигма определяется как императив результирующего действия: на этот его характер указывает видовой аффикс *-кзу* (ср. выше чукотск. *-ркын*). Ему противостоит императив результативного действия: 1) *к-ну-Ø-Ø-хч* 'съешь ты', 2) *к-ну-Ø-Ø-сх* 'съеште вы' и т. д.; на результирующий характер указывает нулевой аффикс. Порядок времени (позиция непосредственно после видового аффикса) здесь практически редуцирован. Однако известны случаи, когда этот порядок занят аффиксом *-с ~ -з*, определяемым как показатель настоящего времени индикатива. Сочетания этого аффикса с видовыми показателями дают императив постоянного действия: *к-ну-кзу-с-хч* 'ешь ты (постоян-

²³ П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. II. М.—Л., 1977.

²⁴ Там же, стр. 74 и сл.

²⁵ А. П. Володин. Ительменский язык. Л., 1976.

но)' и императив момента речи: *к-ну-Ø-с-хч* 'ешь ты (именно сейчас)' (все парадигмы различают по шесть лиц-чисел, но мы не приводим их здесь в целях экономии места).

Анализ формальных отличий, соответствующих смысловым отличиям императивных форм от индикативных, показывает, что эти формальные отличия не позволяют описывать индикатив и императив в рамках грамматической категории наклонения. Как уже отмечалось выше, в агглютинативных языках все показатели одной и той же грамматической категории занимают один и тот же порядок (или, в относительно редких случаях, два или более порядков, показатели которых находятся в отношении дополнительной дистрибуции)²⁶, и, следовательно, переход от одной категориальной формы к другой должен формально маркироваться заменой показателей в одном и том же порядке. Именно так осуществляется переход от различных временных форм индикатива к формам сослагательного наклонения, например, нанайск. *дѣбо-ам-би* 'я работаю' — *дѣбо-дям-би* 'я буду работать' — *дѣбо-ка-и* 'я работал' — *дѣбо-мча-и* 'я работал бы'; чукотск. *ты-Ø-чейвы-ркын* 'я иду' — *т-рэ-чейвы-ркын* 'я буду ходить' — *ты-Ø-чейвы-гъэк* 'я ушел' — *т-ъы-чейвы-гъэк* 'я сходил бы' — *т-ъы-чейвы-ркын* 'я ходил бы'.

Что же касается перехода от индикатива к императиву, то здесь формальные изменения касаются не только категории времени-наклонения, но и категории лица-числа, то есть захватывают два порядка. Первый из них — это порядок времени-наклонения, который в императивной парадигме либо редуцируется полностью (ср. выше материал азербайджанского, адыгейского и чукотского языков), либо частично (только в центральных формах, тогда как периферийные формы получают специфические показатели императива — ср. материал эскимосского и финского языков), либо получает специфические показатели императива для всех личных форм как центральных, так и периферийных (ср. материал нанайского языка). Отмечаются случаи, когда в порядок времени-наклонения императивной парадигмы переходит ограниченное число показателей из индикативной парадигмы (ср. материал ительменского языка). Второй — это порядок категории лица-числа, показатели которого у центральных форм императива всегда, а у периферийных форм в большинстве случаев отличаются от показателей этого порядка в соотносительных индикативных формах. Изменения в порядке лица-числа в соответствии с теорией представляются неожиданными, если рассматривать переход от индикатива к императиву как переход от одной категориальной формы наклонения к другой.

Опираясь не только на смысловые²⁷, но и на формальные отличия индикатива от императива, можно сделать вывод, что индикатив и императив не являются категориальными формами одной и той же глагольной категории наклонения. Речь идет о двух независимых глагольных парадигмах — индикативной, служащей для выполнения повествовательной (коммуникативной) функции, и императивной, служащей для выполнения апеллятивной функции. Именно в силу различия выполняемых ими функций эти парадигмы имеют различную структурную орга-

²⁶ Например, в чукотско-камчатских языках (исключая ительменский) показатели категории лица-числа объекта занимают два дополнительно распределенных порядка; один занят аффиксом *инэ-~эна* (объект 1-го лица единственного числа), другой — всеми остальными показателями объекта. В чукотском показатели этой категории занимают даже три порядка: отдельный порядок занимает также аффикс *-тку~тко* (объект 1-го лица множественного числа).

²⁷ А. П. Володин, В. С. Храковский. Функционально-типологическая характеристика императива (на материале агглютинативных языков).

низацию. В индикативной парадигме, как известно, центральными являются формы 3-го лица единственного и множественного числа, тогда как в императивной — формы 2-го лица единственного и множественного числа. Известно, что именно центральные формы чаще всего характеризуются нулевыми показателями, что в отдельных случаях приводит к формальной омонимии, ср., например, финск. *syö* 'ешь ты' и 'он ест', *vie* 'унеси ты' и 'он уносит', *myy* 'продай ты' и 'он продает' — эти формы определяются как индикативные или императивные по окружению и интонации.

Еще одним доводом в пользу тезиса о независимости индикативной и императивной парадигм может служить существование языков, в которых нет личной парадигмы индикатива, но имеется личная парадигма императива. К их числу относится, например, нивхский. При отсутствии категории лица-числа в индикативе императивная парадигма нивхского глагола состоит из шести личных форм: 1) *ви-йа* 'иди ты', 2) *ви-вэ, ви-бэ* 'идите вы', 3, 4) *ви-оазо* 'пусть он идет', 'пусть они идут', 5) *ви-нытэ* 'пойдем(ка) мы (я с тобой)', 6) *ви-да* 'пойдем(ка) мы (я с вами)', 7) *ви-ныкта* 'пойду(ка) я'²⁸.

²⁸ В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. II. М.—Л., 1965, стр. 129 и сл. Что же касается личной парадигмы индикатива, то в современном нивхском языке можно отметить лишь слабые ее признаки (см.: В. З. Панфилов. Указ. раб., стр. 109—110).

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

ПО СЛЕДАМ БЕЛОГО ВОЛКА

В фольклоре тюркоязычных народов, в том числе татар, образ волка или благородного Белого Волка занимает заметное место. Образ этот часто упоминается в татарских народных пословицах: «Пища волка и пища молодца — в дороге», «Подружись с волком, собака должна быть рядом», «Голод волк вынесет, не потерпит рабства»¹. На основе анализа подобных пословиц известный татарский писатель и ученый Н. Исанбет приходит к следующему выводу: «В пословицах волк выступает как ненасытный, хищный, коварный зверь. В то же время он превосходит собаку тем, что сохраняет свою свободу, не становится рабом человека»². Это заключение близко к высказыванию В. А. Гордлевского: «В животном эпосе волк — олицетворение глупости и над ним часто потешается представитель хитрого склада ума — лисица... Труднее, конечно, сказать, — от тюрков ли, от половцев ли пошли приметы о волке как о предвестнике добра»³. По этому поводу надо заметить, что нет необходимости выяснять, от кого пошли приметы доброго волка — от тюрков или от половцев-кыпчаков, ибо и в том, и в другом случае речь идет о тюркоязычных племенах⁴.

В татарских народных сказках, особенно сатирических, волку приписываются лишь отрицательные черты. Э. С. Касимов, например, пишет, что главным качеством волка, «резко бросающимся в глаза, является кровожадность... Сказка наделяет волка и второй, но очень существенной чертой: он очень глуп. Однако это его качество неотделимо от первого: из-за чрезмерной жадности он при виде своей жертвы теряет рассудок и соглашается на все, лишь бы скорее утолить жажду крови»⁵.

Как видим, в татарских народных пословицах образ волка обрисован шире и объемней, нежели в сатирических сказках.

Однако трактовка образа волка не во всех татарских народных сказках одинакова. В качестве примера проанализируем эпическую

¹ Н. Исанбет. Татар халык мәкальләре. Т. I. Казан, 1959, стр. 644—645. (Перевод наш. — Ф. У.).

² Там же, стр. 643—644.

³ В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? (К толкованию «Слова о полку Игореве»). — «Известия АН СССР», 1947, т. VI, вып. 4, стр. 336.

⁴ Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969, стр. 269 и сл.

⁵ Э. С. Касимов. Сатира и юмор в татарских народных сказках. Автореф. канд. дисс. Казань, 1966, стр. 10; см. также: Х. Х. Ярмухаметов. Поэтическое творчество татарского народа. Автореф. докт. дисс. Казань, 1969, стр. 28.

сказку «Белый Волк»⁶. В ней образ волка трактуется весьма своеобразно. Старший сын царя во главе сотни воинов отправляется на поиски похищенной матери. Путники разбивают бивуак на опушке леса. Появляется Белый Волк, возмущенный их вторжением в его владения, и требует, чтобы они ушли. Сын царя в оскорбительной форме отказывается это сделать⁷. Тогда Белый Волк обращает их в камни.

Двух средних сыновей царя в дальнейшем постигает та же участь. Лишь младший сын царя, в сказочных традициях, ведет себя умнее и находчивее своих старших братьев. Поведение его импонирует Белому Волку, и он возвращает его братьям прежний вид, помогает также спасти похищенную дивом мать⁸.

Известно, что сатирические сказки возникли и сложились гораздо позднее волшебных. В сатирических сказках волк выступает лишь как отрицательный персонаж, несущий и определенное социальное содержание.

В волшебных же сказках нашли отражение лишь первобытные, в целом вполне реальные, а в данном случае связанные с тотемизмом представления людей. Видимо, в древних волшебных сказках животные, тем более — тотемные, никогда не изображались отрицательно.

Таким образом, волк сатирических сказок отделен от волка волшебных не одним веком. В приведенной выше татарской сказке Белый Волк выступает как могущественный хозяин леса, образ которого сильно отличается от аналогичных персонажей других произведений татарского фольклора: он последовательно положителен.

Данное явление связано с древними традициями татарского народного творчества. В татарском фольклоре известна такая легенда: «Когда-то в древности, когда татарский народ кочевал по горам и лесам, он заблудился, попал в окружение врагов и был обречен на гибель. Белый Волк взял тогда татар под свою защиту, вывел их из гор и лесов лишь ему известными тропами и спас от гибели»⁹. Этот мотив встречается и в некоторых других легендах¹⁰.

В творчестве некоторых других тюркоязычных народов можно обнаружить еще более древние корни такого же уважительного отношения к волку. Почитание волка, отношение к нему как к существу могущественному и в известном смысле — божественному, распространено в башкирском фольклоре. А. Н. Киреев пишет об этом следующее: «Характерно, что даже происхождение этнонима „башкурт“ (башкир) некоторые историки и этнографы связывают с древним обычаем почитания волка как своего тотема, имевшего распространение среди некоторых племен. В юго-восточной Башкирии распространена легенда, согласно которой мифический волк (на языке этих племен „курт“ или „корт“) был предводителем башкирских племен в период их переселения на Южный Урал»¹¹.

Как указывалось выше, аналогичная легенда имеется и в татарском народном творчестве. Только в ней волку принадлежит более серьезная роль — он спасает целый народ (речь, видимо, идет о племени) от полного уничтожения.

⁶ «Татар халык әкиятләре», 1 китап. Составители Г. Разин, Х. Ярми. Казан, 1946, стр. 35—60; см. также: «Татар халык ижаты. Әкиятләр» (беренче китап). Составители Х. Х. Гатина, Х. Х. Ярми. Казан, 1977, стр. 185—202.

⁷ Там же, стр. 185.

⁸ Там же, стр. 187.

⁹ Н. Исәнбәт. Татар халык мәкальләре. Т. 3. Казан, 1967, стр. 565.

¹⁰ «Татары Среднего Поволжья и Приуралья». М., 1967, стр. 352.

¹¹ А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970, стр. 25—26.

«Можно предположить, — продолжает А. Н. Киреев, — что этот этноним „Баш курт” (главный волк или голова волка), возникший у бурзянцев и тантаурцев, впоследствии стал общим названием башкирских племен и всего башкирского народа»¹².

Интересно также сообщение А. Н. Киреева о том, что в языке указанных башкирских племен волк называется «курт» или «корт». В современном татарском языке для обозначения волка употребляется слово «бүре». В дастане же татарско-болгарского поэта конца XII — начала XIII века Али «Кыссаи Юсуф» волк называется «корт»¹³. Возможно, что в диалектах башкирского языка и в письменном памятнике болгаро-татар сохранилось древнее название этого животного. Данное предположение можно аргументировать высказыванием ряда ученых о том, что в этногенезе башкирского народа вместе с кыпчаками весьма существенную роль сыграли и древние болгары¹⁴.

В. А. Гордлевский считал, что этноним «башкир—башкорт» относится к половцам, и писал по этому поводу следующее: «Один половецкий князь носил тотемное имя „Башкорд” — „Матерый волк”; за этого половца вышла замуж вдова князя Владимира Давыдовича...»¹⁵. Относительно этнонима «башкир» следует сказать также, что происхождение его относится, очевидно, к далекому прошлому, ибо этноним этот как обозначение одного из тюркских племен зафиксирован в письменном памятнике первой половины X века, притом — почти в таком же звучании, что и в настоящее время — башкирд¹⁶.

Если идти дальше по следам Белого Волка и обратиться к более древним источникам, то можно выявить еще более важные факты. С этой точки зрения представляют интерес данные монгольского (быть может, тюркского) народно-поэтического творчества, отраженные в монгольской хронике 1240 года «Сокровенное сказание»: «Предком Чингисхана был Борте-Чино, родившийся по изволению Вышнего Неба. Супругой его была Гоа-Марал»¹⁷. Первым историком, обратившим внимание на эту легенду, был Рашидэддин¹⁸. В переводе с монгольского языка Буртэчино¹⁹ значит «серый волк». Имя его жены Гоа-Марал переводится как «прекрасная лань»²⁰.

Обращаясь к материалам по истории монгольских племен, следует иметь в виду, что легенды и предания, связанные с образом волка, появились первоначально в тюркоязычной среде, причем задолго до того, как монгольские племена вышли на историческую арену. Это позволяет предположить, что приведенная легенда о происхождении Чингисхана попала в монгольскую хронику или из более ранних тюркоязычных письменных источников, или из уст представителей тюркских племен, обширные территории которых в XIII веке были заняты монголами.

¹² А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос, стр. 25—26.

¹³ «Борынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 102, 103, 141.

¹⁴ Р. Г. Кузеев. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974, стр. 399; М. З. Зәкиев. Татар халкы теленен барлыкка килүе. Казан, 1977, стр. 176—180.

¹⁵ В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? стр. 322.

¹⁶ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». М.—Л., 1939, стр. 66, 102.

¹⁷ С. А. Козин. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 года. М.—Л., 1941, стр. 79; см. также: Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973, стр. 53.

¹⁸ И. Н. Березин. Сборник летописей. История монголов. Соч. Рашид-Эддина. История Чингис-хана до восшествия его на престол. — «Труды Восточного отделения Императорского Археологического Общества». Часть XIII. СПб., 1868, стр. 148.

¹⁹ Так у И. Н. Березина.

²⁰ Там же.

Об этом же свидетельствуют и материалы эпоса «Чингиснаме», который в XIII—XIV веках сложился в тюркоязычной среде и «впитал в себя многое из древнетюркского фольклора»²¹. Вот что сообщается о рождении Чингиса в указанном памятнике: «Алангова забеременела без мужа. Она заявила: „На меня спускается луч солнца, от меня уходит волк“. Тогда решили удостовериться. Трое мужчин... стали караулить у шатра Аланговы. Незадолго до рассвета они заметили, как с неба спустился белый блестящий свет... Через некоторое время он обернулся светлогривым серым волком»²².

О типологической близости историко-эпических сказаний тюркских и монгольских народов о волке свидетельствуют и некоторые другие данные. Известное отношение к образу волка имеет, например, главный герой киргизского героического эпоса «Манас», характеризующийся эпитетом «сивогривый» (*көкжал*). По этому поводу В. М. Жирмунский писал, что «„сивогривым“ в творчестве тюркоязычных народов называется волк. Этот образ широко распространен в эпосе и фольклоре как тотемное животное»²³.

В киргизском народно-поэтическом языке *көкжал* — синоним слов: «богатырь», «храбрец»²⁴.

Известно, что мотив чудесного рождения героя генетически связан с древнейшими мифологическими представлениями. Имеется он и в эпосе «Манас». Говоря о типологических параллелях этого мотива, В. М. Жирмунский писал, что можно привести «аналогичные исторические легенды о рождении персидского царя Кира, Чингисхана и других»²⁵.

Существенное место занимает образ волка в огузском народном эпосе, в мифах, легендах и преданиях, в которых Огуз изображается как «легендарный предок тюрков, рожденный серым волком»²⁶.

Типологически близкий к этому мотив встречается и в «Огузнаме» — уйгурской рукописи, хранящейся в Парижской национальной библиотеке»²⁷. В ней, в частности, сообщается, что «зачат Огуз-каган от лучей света, которыми озарились глаза Ай-каган — матери героя»²⁸. Примечательна эта деталь тем, что к ней близка, несомненно, более поздняя легенда о рождении Чингисхана.

Дальнейшие действия Огуз-кагана, как сообщается в указанном источнике, тоже связываются с волком. В частности, обращаясь к народу в начале своих завоевательных походов, Огуз-каган говорит: «Я стал вашим каганом, возьмем-ка луки и щиты, тамгой пусть будет нам „благодать“, „сивый волк“ пусть будет ураном...». Сивый волк приносит Огуз-кагану победу в одном из боев, а в трудный момент указывает герою путь к спасению: «Теперь двигайся с войском, Огуз-каган. Веди сюда народ и беков, я буду тебе показывать дорогу»²⁹.

²¹ Х. Короглы. Огузский героический эпос. М., 1976, стр. 75.

²² Там же, стр. 76.

²³ См.: В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? , стр. 317—339. (Примечание В. М. Жирмунского).

²⁴ В. М. Жирмунский. Введение в изучение эпоса «Манас». — «Киргизский героический эпос „Манас“». М., 1961, стр. 122.

²⁵ Там же, стр. 99; соответствующие параллели см.: «Манас». — «Киргизский народный эпос». — В кн.: «Героический эпос народов СССР», т. 2. М., 1975, стр. 328; Е. И. Кычанов. Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир. М., 1973, стр. 133.

²⁶ В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? , стр. 328.

²⁷ Х. Короглы. Огузский героический эпос, стр. 38—39.

²⁸ Там же, стр. 39.

²⁹ Там же.

Ряд эпизодов этих легенд перекликается с эпизодами приведенных выше легенд татарского и башкирского народов. Во всех этих произведениях волк выступает не только как тотемный предок племени или отдельных исторических личностей, но и как могущественный, всесильный покровитель и помощник. Это значит, что процесс отчуждения образа волка от достаточно древних тотемических представлений начался в далеком прошлом — раннем средневековье.

Очевидно, в тот же период образ волка, вернее — Белого Волка, проникает и в эпические сказания тюркоязычных народов. Об этом свидетельствуют некоторые конкретные произведения, например, хакасский народный эпос «Албынжи»³⁰. В нем *Ах-Пуур* — Белый Волк изображается как постоянный помощник богатыря Албынжи:

А встанет Ах-Пуур — белый волк, пред тобой,
Волк-богатырь с гривой густой.
Он вместо коня будет тебе,
Он верным помощником будет тебе³¹.

(Перевод И. Кычакова).

Белый Волк в хакасском народном творчестве, видимо, выступает как «традиционный помощник героя, который нередко заменяет ему коня»³². Заметим, что Белый Волк в одноименной татарской сказке тоже приходит на помощь герою в трудную минуту, заменяет ему коня, превращается в птицу Симург и помогает подняться на гору Каф³³. Этот эпизод сказки имеет аналогии не только в хакасском эпосе, но и в дастанах народов Средней Азии, в которых Симург тоже изображается как «сказочная птица вроде древнего феникса», который «живет на Каф-горе, то есть на Кавказе, имеет большое тело с человеческою головою и обладает разумом и даром слова»³⁴.

Материалы эпоса алтайцев позволяют проследить эволюцию образа Белого Волка с еще более давних времен. Заслуживает внимания алтайское героическое сказание «Ак-Тойчы». Главным покровителем героя здесь является Белый Волк³⁵.

С этим сюжетом перекликается легенда о рождении Чингисхана. И там, и здесь главным покровителем героя выступает Белый Волк. В алтайском сказании впоследствии он превращается в родного старшего брата героя; в татарской сказке Белый Волк оборачивается прекрасным молодым человеком.

Внимание многих ученых привлекла легенда о происхождении алтайских тюрков: «Среди нескольких легенд о происхождении тюрков туг-ю, записанных в китайскую летопись, одна особенно ценна. Сообщив, что в 40-х годах V в. туг-ю жили на Южном Алтае и добывали железо для жуань-жуаней, китайский историк передает версию о том, что туг-ю происходят из племени со, обитавшего некогда на север от хунну. Первоначально их было 70 братьев. Старший из них Нишиду родился от волчицы...»³⁶.

³⁰ «Героический эпос народов СССР». Т. 1. М., 1975, стр. 461—532.

³¹ Там же, стр. 499.

³² Там же, стр. 556.

³³ «Татар халык ижаты. Экиятлар» (беренче китап), стр. 192.

³⁴ «Рустамхан. Узбекский героико-романический эпос». М., 1972, стр. 329; «Хурлук-га и Хемра. Саят и Хемра». — «Туркменский героический эпос». М., 1971, стр. 413.

³⁵ Л. П. Потапов. Героический эпос алтайцев. — «Советская этнография», 1949, № 1, стр. 122.

³⁶ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М.—Л., 1949, стр. 276.

Этот вариант легенды является, видимо, одним из самых древних. Об этом свидетельствует его тесная связь с первобытными тотемическими представлениями.

Интересен этот вариант легенды и тем, что, по мнению некоторых ученых, происхождение отдельных этнических групп татар, особенно — западносибирских, по всей вероятности, может быть связано с Алтаем: «...татары отнюдь не являются аборигенами края»³⁷. В 880 г. в китайских известиях встречаются упоминания о „таттан” (татарах). Судя по китайским источникам, „таттан” жили у горы Иншан, т. е., очевидно, у Алтая»³⁸.

В работах Н. Я. Бичурина приводится еще несколько вариантов указанной легенды, обычно связанных с хуннами или гуннами. По мнению исследователей, первые известные в истории тюркские народы назывались «хуннами» или «гуннами»³⁹. Как пишет А. Х. Халиков, «настоящее название этого народа было, конечно, не такое. „Хунну” называли их древние китайцы. „Хунну” — по-китайски значит „злые дикари” или „варвары”. В западной Европе хунну называли „гуннами”»⁴⁰.

В работах последних лет выдвигаются и некоторые другие предположения. М. З. Закиев и А. Г. Каримуллин высказывают обоснованную, подкрепленную детальным анализом исторических и лингвистических данных, мысль о том, что тюркские племена обитали в Центральной Азии и прилегающих районах задолго до хуннов—гуннов⁴¹. Это предположение требует дальнейших углубленных исследований. Важно то, что упомянутые и приводимые Н. Я. Бичуриным легенды рассказывают о предках гуннов и древних уйгур: у Шаньюя хунну «родились две дочери чрезвычайной красоты», — говорится в легенде. Вельможи Шаньюя считали их богинями. Шаньюй решил, что люди недостойны его дочерей и посвятил их Небу. Построил терем севернее столицы и там поселил своих дочерей со словами: «Молю Небо принять их». Через четыре года около одинокого терема появился старый волк, вырыл себе нору под теремом и не уходил. «Меньшая дочь, — рассказывается далее в легенде, — сказала: наш родитель поместил нас здесь, желая предоставить Небу; а ныне пришел волк; может быть, его прибытие имеет счастливое предзнаменование... Меньшая сестра... сошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потомство от них размножилось и составило государство»⁴².

Чтобы в какой-то мере понять смысл приведенного варианта легенды, следует соотнести его с историей известных племен хунну или гуннов, которые, если и не являлись «чистыми тюрками», то имели в своем составе мощный компонент таковых⁴³.

³⁷ Речь идет о Юго-Западной Сибири.

³⁸ И. И. Авдеев и И. П. Струкова. Тобольские и тюменские татары (Историко-этнографический очерк). — «Омская область», 1937, № 3, стр. 66.

³⁹ А. Х. Халиков. Татар халкының килеп чыгышы. Казан, 1974, стр. 19.

⁴⁰ Там же; К. Иностранцев. Хунну и гунны. — «Труды тюркологического семинара», 1. Л., 1926.

⁴¹ М. З. Закиев. Татар халкы теленен барлыкка килүе. Казан, 1977, стр. 30—63; А. Каримуллин. О возможном родстве отдельных индейских языков с тюркскими. — «Вопросы тюркского языкознания». Казань, 1976.

⁴² Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. 1. М.—Л., 1950, стр. 214—215. Параллели к данному сюжету см.: П. А. Гринцер. Эпос древнего мира. — «Типология и взаимосвязи литератур древнего мира». М., 1971, стр. 201; Б. Н. Путилов. Русский и южнославянский героический эпос. М., 1971, стр. 152.

⁴³ А. Н. Бернштам. Очерк истории гунов. Л., 1951, стр. 166—167.

Если в этом варианте легенды речь идет о сыне, родившемся от младшей дочери Шаньюя, и его потомках, то в другом варианте легенды говорится о рождении предков некоторых тюркоязычных племен от волчицы. Содержание его таково: предки тукуюского Дома составляли отдельную ветвь Дома хунну по прозванию Ашина. Один из соседних правителей истребил эту ветвь хунну. В живых остался лишь десятилетний мальчик. Ратники не стали его убивать, а отрубили ему руки и ноги и оставили у озера. Появившаяся вскоре Волчица стала кормить мальчика мясом. Вторичная попытка того же правителя убить мальчика тоже не удалась. Волчица и мальчик нашли убежище в пещере. «Со всех четырех сторон пещеры, — пишет Н. Я. Бичурин, — лежат горы. Здесь укрылась Волчица и родила десять сыновей, которые, пришед в возраст, пережились и все имели детей. Впоследствии каждый из них составил особый род. В числе их был Ашина, человек с великими способностями, и он был признан государем: почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головой — в воспоминание своего происхождения»⁴⁴.

Легенда эта интересна во многих отношениях. Прежде всего любопытно изображение на знамени волчьей головы. По своему происхождению этот обычай, несомненно, тюркский, ибо связан с племенами хунну и с Домом тукю Ашина. Впоследствии он, очевидно, вместе с тюркской легендой о волке-прародителе или волчице-прародительнице был заимствован и монголами. Как свидетельствует легенда, Чингисхан тоже родился от серого волка, «чтя своего предка, монголы изображали на знамени золотую голову волка»⁴⁵. Обычай этот имел, очевидно, среди тюркоязычных племен столь глубокие корни и был так широко распространен, что монголы сочли необходимым принять его и объявить своим. Это имело и определенное политическое значение, ибо как бы подтверждало близость монгольских племен с тюркскими, составлявшими значительную часть населения империи монголов.

Видимо, эта традиция распространилась позже и среди некоторых других тюркоязычных племен. К примеру, у башкир: «Почитание волка было весьма распространено в Башкирии. Вожди племен, а позже ханы и нередко даже волостные старшины как символ их административной власти носили знак с изображением волчьей головы»⁴⁶.

Не менее интересны легенды, связанные с именем Ашины. Китайские источники сохранили, следует думать, более достоверные исторические сведения, нежели легенды. В результате межплеменных войн в середине V века Ашина с пятьюстами семействами вынужден был бежать к жужаньцам — в Южный Алтай и начал добывать для них железо⁴⁷. По мнению Л. Н. Гумилева, Ашина был вождем дружины, с которой и бежал от хунну и сяньбийцев⁴⁸. И сама дружина Ашины имела, если можно так выразиться, непосредственное отношение к легендарному прародителю. Е. Э. Бертельс об этом пишет следующее: «...Китайские хроники VI в., сообщая данные о народе Тукью (Кок-Турк), указывают, что дружина тюркских вождей носила название *фу-ли*, что значит (волк)»⁴⁹. Причина того, почему Ашина и его дружина приняли для се-

⁴⁴ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. 1, стр. 220—221. По мнению Н. Я. Бичурина, действие легенды происходит в центре Алтайских гор.

⁴⁵ В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? стр. 328.

⁴⁶ А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос, стр. 26.

⁴⁷ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 221.

⁴⁸ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 12.

⁴⁹ Е. Э. Бертельс. К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов. — «Советское востоковедение», т. IV. М.—Л., 1947, стр. 74.

бя наименование *тугю*, тоже объясняется китайскими историками. Дело в том, что конфигурация Алтайских гор напоминает шлем. На монгольский язык слово «шлем» переводится — *тукюе*, откуда и пошло название рода — *тугю* или *тукю*⁵⁰.

Слово *ту-кю* учеными расшифровывается как *тюрк-ют*, то есть «тюрки» с суффиксом множественного числа на монгольском языке⁵¹.

В VI веке род Ашина создал государство «Тюркют» — Великую Державу, территория которой простиралась от Приазовья до Маньчжурии и от Южной Сибири до Ирана, Индии и Китая⁵². В этот период, то есть в середине VI века, на востоке, надо полагать — в составе державы Ашина, вместе с другими племенами обитали тридцать татарских племен⁵³. Местом обитания этих племен были Маньчжурия, берега Амура. По мнению А. Х. Халикова, гунны и тюркоязычные племена доходили до Среднего Поволжья⁵⁴.

В 30—50-е годы VII века в прикаспийских степях Северного Предкавказья возникает Хазарский каганат, где господствующим языком был тюркский⁵⁵. В состав этого государства входят территории современного Дагестана, Крыма, Приазовья, Придонья, Нижнего и Среднего Поволжья. После убийства последнего хана Западного Тюркского каганата в 650 году хазары оставляют у власти представителя династии Ашина — «некогда могущественного тюркского рода Ашина»⁵⁶. И это вполне объяснимо, ибо хазары были наследниками Тюркского каганата.

В этот же период приазовские степи и Таманский полуостров были заняты болгарами. В 635 году их вождь Кубрат создал самостоятельное государство — Великую Болгарию⁵⁷. Впоследствии болгары вошли в состав Хазарского каганата. Так возникла «федерация равных, возглавляемая хазарским (тюркским) родом Ашина и номинально управляемая каганом, происходящим всегда из этого рода»⁵⁸. Династия Ашина правила страной до начала IX века. Таким образом, могущественный род Ашина в продолжение 350 лет стоял у власти — во главе различных (в основном) тюркских держав.

На основе анализа многочисленных исторических и лингвистических данных М. З. Закиев приходит к заключению, что, по-видимому, тюркоязычные татарские племена были известны китайцам еще в конце III века до нашей эры. По его мнению, и те тридцать татарских племен, которые, как говорилось выше, в VI веке обитали в Маньчжурии — на территории державы Ашина, тоже были тюркоязычными⁵⁹.

Это предположение М. З. Закиева подтверждается, помимо рассматриваемой здесь эволюции образа Белого Волка, и некоторыми другими материалами фольклора тюркоязычных народов, в частности, историческими преданиями якутов, собранными и изученными Г. В. Ксенофоновым. Он называл их «устной летописью» и на этой основе пытался воссоздать древнюю историю якутов, некогда обитавших на своей пра-

⁵⁰ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений..., т. I, стр. 221.

⁵¹ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, стр. 22.

⁵² Там же, стр. 29 (см. карту).

⁵³ Там же, стр. 31.

⁵⁴ А. Х. Халиков. Татар халкының килеп чыгышы, стр. 24—25.

⁵⁵ М. З. Закиев. Татар халкы теленен барлыкка килүе, стр. 65.

⁵⁶ С. А. Плетнева. Хазары. М., 1976, стр. 22.

⁵⁷ Там же, стр. 21.

⁵⁸ Там же, стр. 22.

⁵⁹ М. З. Закиев. Татар халкы теленен барлыкка килүе, стр. 8, 40—41.

родине — в Южной Сибири и центральноазиатских степях⁶⁰, то есть там же, где и названные тридцать татарских племен. Эта концепция Г. В. Ксенофонтова нашла подтверждение и в рунических надписях на древнетюркском языке «в бурятских степях», которые, по мнению ученого, «были письменами предков якутов», «письменами Эллей»⁶¹. В книге Г. В. Ксенофонтова «Эллейада» представлены многочисленные исторические предания о первопредках якутов Омогое и Эллее. В них сообщается и о том, кем же были эти герои по своей этнической принадлежности. В одном из первых преданий, помещенных в сборнике, например, рассказывается следующее: «Отца Эр-Соготоха звали Татаар-Тайма. Это был глубокий старик... Царем у них был Хаан-Боллох. Эр-Соготох-Эллей был при нем богатырем, вроде главного должностного лица...»⁶². Близкие к этому данные приводятся и в предании «Омогой и Эр-Эллей»: «Сначала в эту страну переселился со всем своим семейством, людьми и скотом по реке (Лене) Омогой... Он родом был татарин, раньше жил в братской земле. Ушел оттуда потому, что там происходили постоянные войны. Поселился здесь и жил себе припеваючи, шумно и весело... Значительно позже его приплыл оттуда же татарин Эр-Эллей»⁶³. Такого характера сообщения в исторических преданиях якутов повторяются довольно часто: «Эр-Соготох-Эллей был сын татарского царя»; «Рассказывают, что он (Эр-Соготох-Эллей. — Ф. У.) происходил из татар, а его старший брат был у них царем»; «Эр-Соготох-Эллей прибыл с юга, его отец, как рассказывают, происходил из татар» и т. д.⁶⁴ Можно предположить, что такие сообщения, многократно повторяемые в народных преданиях, имеют под собой определенную историческую основу.

К этому следует добавить, что, по аргументированному предположению М. З. Закиева, татарские племена впоследствии входили в состав различных тюркоязычных этнических и государственных образований: уйгуров, огузов, хазар, болгар, печенегов, половцев, в XII—XIII веках — татаро-монгол⁶⁵.

Для того, чтобы выяснить, какое отношение имеют данные всех этих источников к образу Белого Волка и к тюркскому правителю Ашине, следует раскрыть значение имени этого сказочно-мифологического персонажа. Слово *ak* переводится с тюркских языков как «белый, чистый, прекрасный, чудесный, роскошный, великолепный»⁶⁶. Семантика этого определения нашла соответствующее отражение и в фольклоре.

Очевидно, по древним представлениям царь любого вида животных обязательно должен был быть «белым». Например, в татарской народной сказке змей — «Царь Змеев Шахмара» — белый⁶⁷. Так же, как царь змеев в сказании «Йир Тюшлюк»⁶⁸. Анализируя татарские народные сказки, К. Насыри писал, что в них «все змеи изображаются черными, белым бывает лишь их царь. Черные змеи представляются врагами лю-

⁶⁰ Г. В. Ксенофонтов. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Иркутск, 1937.

⁶¹ Г. В. Ксенофонтов. Эллейада. Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М., 1977, стр. 7.

⁶² Там же, стр. 16.

⁶³ Там же, стр. 24.

⁶⁴ Там же, стр. 29, 32, 34; см. также стр. 35, 41, 50, 54, 55, 127 и др.

⁶⁵ М. З. Закиев. Татар халкы теленен, барлыкка килүе.

⁶⁶ Э. В. Севортян. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1974, стр. 116—117.

⁶⁷ «Татар халык әкиятләре», 1 китап. Казан, 1946, стр. 221—226.

⁶⁸ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IV. СПб., 1872, стр. 359.

дей, не любят их. Белый змей его (человека) защищает, любит, осведомляет о чем-либо, приносит ему пользу»⁶⁹.

В башкирском народном сказании «Урал-батыр» изображается «падишах Змей — белый змей Кяхкаха»⁷⁰.

Г. П. Снесарев пишет, что в Средней Азии распространено поверье, по которому «водящаяся в домах „белая змея“ неприкосновенна, хотя по отношению ко всем другим пресмыкающимся существуют строгие указания»⁷¹.

Почтительное отношение к белому цвету наблюдается и у многих других народов⁷². По древним представлениям, белый цвет имел ритуальное, вернее — магическое значение⁷³.

У древних тюрко-монголов вообще было распространено представление о белом цвете как атрибуте власти божественного происхождения⁷⁴. В огузском героическом эпосе сообщается о том, что «Байындырхан, по давно установившейся среди огузов традиции, устроил пир для беков иля. При этом он приказал поставить белые шатры для тех, у кого есть сыновья, красные для тех у кого нет сыновей, но есть дочь, и черные шатры для бездетных беков»⁷⁵. Почитание белого цвета отразилось и в древнетюркских рунических надписях⁷⁶.

Иногда предпочтительное отношение к белому цвету находит отражение в фольклоре в весьма своеобразной форме. Известно, что в восточном, в том числе татарском, фольклоре див обычно изображается как злобное чудовище, враждебно относящееся к человеку. Можно обнаружить лишь отдельные исключения из этого правила. Например, в татарской народной сказке «Дутан-батыр» див предстает в совершенно ином облике⁷⁷. Он попадает навстречу богатырю и его товарищам в виде безобидного белобородого старца, что вообще-то вполне в духе фольклора⁷⁸. Возможно, это реликт древнейших, существовавших до зороастризма и «Авесты» верований иранцев. В данном случае образ дива перекликается с образом доброжелательного белого дэва у таджиков⁷⁹, являющимся, видимо, пережитком древнего язычества. «В Индии див и теперь почитается как божество»⁸⁰. Установлено, что до зороастризма дивы — дэвы выступали как покровители человека⁸¹. Например, в Средней Азии «образ дэва — это прежде всего образ строителя»⁸². И это представление дошло до наших дней. Однако зороастризм в своем священном своде «Авесте» низверг дэвов — добрых персонажей языческой мифологии, и объявил их демонами, против которых боролись авестийские богатыри⁸³. В облики вот таких злых духов и вошли дэвы в

⁶⁹ Каюм Насыри. Сайланма эсэрлэр, т. II. Казан, 1975, стр. 46.

⁷⁰ «Башкирский народный эпос». М., 1977, стр. 16.

⁷¹ Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969, стр. 114.

⁷² См., например: У. Б. Далгат. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, стр. 419.

⁷³ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 157—159.

⁷⁴ В. А. Гордлевский. Что такое «босый волк»? стр. 327.

⁷⁵ Х. Короглы. Огузский героический эпос, стр. 106.

⁷⁶ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 31.

⁷⁷ «Татар халык ижаты. Әкиятләр» (беренче китап), стр. 357—367.

⁷⁸ О. Мурадов. Представления о дэвах у таджиков средней части долины Зеравшана. — «Советская этнография», 1973, № 1, стр. 150.

⁷⁹ М. С. Андреев. Среднеазиатская версия Золушки. — «По Таджикистану», вып. 1. Ташкент, 1927, стр. 73—74.

⁸⁰ Х. Короглы. Узбекская литература. М., 1976, стр. 23.

⁸¹ О. Мурадов. Представления о дэвах..., стр. 148.

⁸² Г. П. Снесарев. Реликты домусульманских верований, стр. 29.

⁸³ «Литература древнего Востока». М., 1971, стр. 121.

восточный фольклор. Лишь в редких случаях встречаются образы благородных белых дэвов, подобные белому диву-старцу в сказании «Дутан-батыр».

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что слово *ак* 'белый' в фольклоре употребляется как эпитет чего-то священного, божественного, царственного. В рассмотренной выше татарской сказке нет прямого указания на то, что Белый Волк является царем. Об этом можно догадываться лишь по тому, что он — могущественный хозяин леса. И это, в свою очередь, приводит к имени основателя рода — Ашины, ибо оно тоже обозначает волка⁸⁴. Об этом отчасти, можно было судить по упоминавшейся легенде, связанной с рождением Чингисхана. Волк «по-монгольски *шоно/чино*. „А” — префикс уважения в китайском языке. Следовательно, „Ашина” значит „благородный волк”»⁸⁵, то есть условно — тот же самый, несомненно, благородный Белый Волк, требующий к себе глубоко уважительного, почтительного отношения.

Упомянутые или приведенные здесь легенды, предания и сказания алтайского фольклора зафиксированы в источниках V—VIII веков. Поэтому они существенно отличаются от произведений огузского, башкирского и татарского фольклора. В них речь идет лишь о происхождении племен тукю, гуннов, уйгуров. То есть сложный исторический процесс, продолжавшийся десятки и сотни лет, в них «умещается» в двух-трех эпизодах. И речь в них идет не столько о самих важных исторических событиях, сколько о явлениях бытовых, в которых они так или иначе отразились. Древние тотемистические взгляды находят в них как бы «материальное воплощение». Здесь выступает весьма архаическая, говоря словами Б. Н. Путилова, одна из «обобщенно-фантастических форм историзма»⁸⁶, когда сюжет произведения невозможно связать с какими-либо конкретными историческими событиями. Связь с историей здесь опосредованная. Лишь имя персонажа — Ашина может послужить основанием для соотнесения этих произведений с крупными историческими процессами. Таким образом, в данном случае историзм народного эпоса в широком смысле слова проявляется в том, что сюжет конкретного повествования «формируется на основе типовых, устойчиво повторяющихся явлений и отношений действительности»⁸⁷.

По своей жанровой специфике указанные произведения должны быть, очевидно, отнесены к легендам, изрядно отошедшим от конкретной истории и обогатившимся архаической фантастикой, генетически связанной с общинно-родовыми воззрениями, с первобытными мифологическими представлениями.

Несколько иная картина наблюдается в башкирском фольклоре, произведения которого непосредственно нельзя связать с происхождением какого-либо определенного племени. Здесь можно видеть лишь следы почитания волка, поклонения ему, что указывает, как думается, на более высокую ступень эстетического восприятия и отображения действительности.

Произведения же фольклора татар Поволжья как бы вообще находятся в отрыве от первобытных тотемистических воззрений. Сказка «Белый Волк» не имеет никакого отношения к происхождению народа

⁸⁴ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, стр. 23.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Б. Н. Путилов. Типология фольклорного историзма. — «Типология народного эпоса», М., 1975, стр. 168.

⁸⁷ Там же, стр. 170.

и является лишь выразительным образцом сказочного эпоса. Так, постепенно сказания о Белом Волке, проходя через различные этапы развития, попадают в совершенно новое жанровое окружение и воспринимаются в новом художественном свете.

Предполагается, что все эти легенды возникли очень давно, еще в период обитания хуннов-гуннов «на южной окраине великой пустыни Гоби»⁸⁸. Если же попытаться конкретизировать этот период, то, по словам А. Н. Бернштама, «сложение гуннского общества на Востоке относится к концу III в. до н. э.»⁸⁹. Отдельные ученые относят эту дату даже к XXIII—XIX векам до нашей эры⁹⁰. Сюда можно добавить высказывания М. З. Закиева о возможности обитания тюркоязычных племен в Центральной Азии и в прилегающих регионах задолго до гуннов⁹¹.

Возникнув в основном в тюркоязычной среде в глубокой древности, легенды и сказания или их отдельные мотивы о волке, вернее — о царственном Белом Волке, начали свое многовековое странствие по странам Востока, войдя в состав фольклора различных племен и народов: гуннов, алтайцев, хакасов, огузов, хазар, болгар, половцев, башкир, татар и др. В Поволжье они могли проникнуть из Центральной Азии вместе с древними тюркоязычными племенами, в составе которых могли быть и непосредственные предки татар, гуннов, уйгуров и других народностей, сыгравшие огромную роль в тюркизации края, возможно, вместе с татарскими племенами, обитавшими в V веке в Маньчжурии. И если этноним татар Западной Сибири и Среднего Поволжья восходит к Великой Державе рода Ашина, в состав которой они входили еще в VI веке, нет ничего удивительного в том, что образ Белого Волка, возникновение которого, очевидно, связано с древнетюркскими племенами III—I веков до нашей эры, дошел до наших дней и в поэтическом творчестве поволжских татар.

⁸⁸ Л. Н. Гумилев. Древние тюрки, стр. 22.

⁸⁹ А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, стр. 21.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ М. З. Закиев. Татар халкы теленең барлыкка килүе, стр. 30—41.

ОНОМАСТИКА

С. М. МОЛЛАЗАДЕ

О ЗНАЧЕНИИ ДИАЛЕКТНЫХ ДАННЫХ В ИЗУЧЕНИИ ТОПОНИМИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ СЕВЕРНОЙ ЗОНЫ АЗЕРБАЙДЖАНА)

Выявление лексических значений географических названий, неясных с точки зрения современного языка, — одна из важных задач в области лингвистических исследований. В ее разрешении значительную роль могут сыграть данные древнетюркских письменных памятников.

Сказанное в полной мере относится и к топонимии Азербайджана. Однако в составе топонимов Азербайджана немало слов, отсутствующих в памятниках древнетюркской письменности, поэтому для установления их семантики особую важность приобретают данные диалектов и говоров азербайджанского языка, сохранивших древние слова и их формы. Иногда в той или иной местности республики встречаются топонимы, возникшие на основе слова, ныне функционирующего в диалектах и говорах совершенно другого ареала. Так, например, в Шекинском районе имеется село *Kiś*. Это слово отсутствует в северной группе диалектов и говоров. В кубинском диалекте оно встречается в форме *keş* и означает «место между двумя горами, откуда течет вода»¹. Примечательно, что это значение довольно точно отражает реальное расположение села. Отметим, кстати, что в некоторых диалектах и говорах слова, содержащие компонент *keş*, связаны с понятием «вода»; например: *keşgal* (Барда и Мингечаур), *keşkel* (Шекинско-Куткашенская зона Азербайджанской ССР) «маленький арык», *keşälmä* (Ордубад) «промокнуть» (АДЛ, 254). Таким образом, можно предположить, что некогда в азербайджанском языке существовали глагол *keş-//kiś-* «течь, вытекать (о воде)» и существительное *keş//kiś* «течение, вытекание воды».

Существование в древности синкретических глагольно-именных корней считается доказанным. Сохранившиеся исторические данные указывают, что ойконим *Kiś*² имеет весьма древнюю историю. Албанский историк VII века Моисей Каланкатуйский упоминает ойконим *Kiś* в связи с событиями семидесятых годов нашей эры³.

¹ «Азәрбајҹан дилинин диалектологи лугәти». Бақы, 1965 (далее — АДЛ), стр. 254.

² Данный ойконим Г. Ворошил связывает с «авестийским» и древнеперсидским *kaosh/kiish*, означающим «жертвенник», «место жертвоприношения». (См.: Г. Ворошил. Об иранско-удинских языковых контактах. — В кн.: «Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков». Орджоникидзе, 1977, стр. 197—200).

³ См.: «История Агван Моисея Каганкатваци». СПб., 1861, кн. I, стр. 6—7.

Первый компонент оронима **Taxtagaja** (Шекинский район Азербайджанской ССР) формально совпадает со словом **taxta** 'доска', функционирующим в современном азербайджанском языке. Однако это значение не имеет реального смысла и не раскрывает географического содержания обозначаемого объекта («дошатая скала»). Материалы же диалектов и говоров азербайджанского языка указывают, что слово **taxta** имеет и топонимическое значение. Так, в казахском диалекте и лачинском говоре оно употребляется в значении «ровное место», «равнина между двумя ущельями» (АДЛ, 378). Таким образом, ороним **Taxtagaja** означает «скала на равнине».

Слово **taxta** в форме **tagt** и **tagta** встречается в качестве топонимического форманта и в туркменском языке, где оно также означает «ровное место, равнина». Все это позволяет заключить, что слово **taxta** в древности в азербайджанском языке выражало именно это значение, сохранившееся лишь в некоторых его диалектах и говорах.

Не случайно в северной зоне республики представлены оронимы, образованные на основе указанного форманта: **Taxtadaly**, **Taxtaly** (Кахский район), **Taxtatpul**, **Pir taxtasy** (Кубинский район). Возможно, что второй компонент оронима **Taxtatpul** — формант **tpul** — соответствует слову **tarul**, встречающемуся в таузском говоре азербайджанского языка в значении «небольшой стог травы» (АДЛ, 372).

В Шекинском районе Азербайджана существует ороним **Sarpdaş**. Слово **daş** 'камень', выступающее в качестве второго компонента этого оронима, употреблено здесь в значении «скала». Что же касается первого компонента, то раскрытие его семантики, с точки зрения современного азербайджанского литературного языка, связано с определенными трудностями. В древнетюркских письменных памятниках слово **sarp** зафиксировано со значением «трудный»⁴. Однако это значение в данном случае не соответствует географическому содержанию обозначаемого объекта. В то же время в казахском диалекте азербайджанского языка имеется слово **sarp** со значением «обрыв, образованный селом» (АДЛ, 355). Именно эта семантика, соответствующая и географическим особенностям обозначаемого объекта, послужила основой при образовании сложного топонима. Слово **sarp** в значении «крутой, неприступный» встречается также в дастанах «Кёр-оглы»: **Sarp gajalar jerindāmi?** 'На месте ли крутые скалы?'.⁵

Семантика второго компонента оронима **Daşly irmä** (Шекинский район) также может быть установлена на основе материалов диалектов и говоров другого региона. В сочинении Махмуда Кашгари «Дивану лугат-ит-тюрк» это слово зафиксировано в значении «солнечная сторона горы»⁵. На первый взгляд может показаться, что именно с этой лексической единицей связан элемент **ir-** в слове **irmä**. Однако в этом случае значение компонента **-mä** остается необъясненным. В шекинском и казахском диалектах азербайджанского языка, в его варташенском, куткашенском и таузском говорах существует слово **igämä**, означающее «гористая местность с ущельями» (АДЛ, 236). По-видимому, с этим словом и связан второй компонент оронима **Daşly irmä**; ср.: **igämä** > **irmä**. Кстати, такая семантика не противоречит географическому положению обозначаемого объекта.

Первый компонент оронима **Gabaxnuj** (Шекинский район) легко идентифицируется: **gabag** 'перед, передний'. Что же касается второго

⁴ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 489.

⁵ Там же, стр. 211.

компонента, то он отсутствует в современном азербайджанском литературном языке. Слово *pij* не встречается в шекинском диалекте. Однако в дашкесанском говоре это слово означает «территорию (участок земли), с двух сторон ограниченную скалами» (АДЛ, 344). Именно это значение имеет второй компонент оронима *Gabaxpij*, что и соответствует географическому положению последнего.

В связи с определенными социально-историческими причинами административное деление той или иной территории могло изменяться. Во многих случаях это приводило к изменению и исчезновению топонимов. Однако, поскольку в топонимах, как правило, фиксируется древнейший пласт лексики, семантический анализ географических названий, ныне вышедших из употребления, представляет исключительно большой интерес для исследователя.

В Шекинском районе между современными селами *Kiš* и *Vaš Kejnük* некогда существовало селение *Zaraf*. Проследить этимологию этого названия на основе литературного азербайджанского языка, его шекинского диалекта и вообще северной группы диалектов и говоров не представляется возможным. Это слово в целом и его составные компоненты не встречаются и в древнетюркских письменных памятниках. Однако в ордубадском говоре, относящемся к южной группе азербайджанских диалектов и говоров, употребляется слово *заг* 'канал, вырытый на месте осушенного болота' (АДЛ, 454), совпадающее по своей семантике с топонимом *Заг* в Шекинско-Закатальской зоне. Помимо этого, в кiroвабадском и казахском диалектах представлен глагол *загатаг* 'вылить сразу, выплеснуть воду' (АДЛ, 454).

Обращает на себя внимание тот факт, что как существительное *заг*, так и глагол *загатаг* связаны с понятием «вода». Элемент *-ra* в составе глагола *загатаг* является фонетическим вариантом подвергшегося ассимиляции аффикса *-la*, образующего глаголы от существительных: *zarlamag* > *загатаг* (ср.: *zorlamag* > *zoramag*, *gyrlamag* > *gygmatag* и т. д.). Таким образом, можно предположить, что формант *заг* в составе топонима *Загаf* исторически являлся корнем указанного глагола. Что же касается компонента *-af*, то он может интерпретироваться как фонетический вариант иранского *ab* 'вода'. Сравните характерное для шекинского диалекта чередование *b* > *f*⁶.

Парные слова, компоненты которых являются синонимами, относящимися к неродственным языкам, — довольно распространенное явление в азербайджанском словообразовании. Сказанное выше позволяет предположить, что топоним *Загаf* исторически обозначал «место, где имеется вода».

Отметим еще один факт, представляющий, на наш взгляд, интерес с точки зрения исторической лексикологии. Слово *заг* употребляется в ниджском диалекте удинского языка в значении «овраг, обрыв» (азерб. *jaqagan*). Исследователь удинского языка Г. Ворошил считает, что слово *заг*, зафиксированное в древних албанских и армянских источниках V—VIII веков, является древнетюркским (resp. азербайджанским) словом⁷. Учитывая существование в тюркских языках звукосоответствия *ǰ* > *j*, эту мысль следует признать вполне правомерной. Целая группа

⁶ М. Исламов. Нуха диалекти. Баки, 1968.

⁷ Г. Ворошил. Тюркизмы в «Истории албан». — В кн.: «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 238—250.

слов, имеющих в современном азербайджанском языке анлаутное *j*, в V—IX веках начиналась на *ž* и между такими значениями слова *žag*, как «канал» (ордубадский говор) и «овраг» (ниджский диалект уди́нского языка), имеется очевидная связь. Таким образом, в составе топонима *Žagaŋ* сохранилось в первоначальном значении и фонетической форме древнее азербайджанское слово.

Ороним *Diknälär* (Кахский район) может быть легко разложен на составные части. Аффикс множественного числа *-lar, -lär* в составе географических названий указывает на местонахождение предметов, обозначенных в первом компоненте топонима.

Значение же первого компонента *diknä* позволяет установить материалы шемахинского диалекта азербайджанского языка, в котором слово *dikä* означает «место для жилья в горах» (АДЛ, 188). Эти два слова, можно полагать, тождественны. Следовательно, значение оронима *Diknälär* — «местность в горах с рядом поселений».

Происхождение оронима *Maŋaläk* (Кахский район) проясняют данные джебраильского говора, в котором представлен глагол *maŋavlamag* со значением «проводить маленькие канавки (арыки) в поле» (АДЛ, 316).

Структура этого слова свидетельствует о том, что оно образовано от существительного с помощью глаголообразующего аффикса *-la*; ср.: *maŋav* 'канавка, арык' — *maŋavlamag* 'проводить канаву', *hasar* 'забор, ограда' — *hasarlamag* 'огораживать', *nišan* 'знак, метка' — *nišanlamag* 'пометить, наметить' и т. д. Весьма вероятно, что ороним *Maŋaläk* образован присоединением словообразующего аффикса *-lik* к существительному *maŋav* 'канал, арык'; *maŋavlik* > *maŋaläk*. Для диалектов и говоров азербайджанского языка, особенно северной зоны республики, характерно нарушение нёбного сингармонизма. Аффиксы часто выступают здесь только в одном варианте. Таким образом, значение оронима *Maŋaläk* — «место, где есть много (или несколько) канав (арыков)».

Второй компонент топонима *Dälmätala* широко распространен в азербайджанском языке в качестве топонимического форманта. Что же касается первого компонента — *dälmä*, то это слово в его литературном варианте в настоящее время отсутствует. Однако в агджабединском говоре имеется слово *dälmä* 'место для содержания ягнят' (АДЛ, 180), соответствующее содержанию топонима *Dälmätala*.

Некоторые топонимы и слова литературного языка могут фонетически совпадать, однако семантика этих топонимов раскрывается лишь на основе диалектных фактов. Так, например, с точки зрения литературного и общенародного разговорного языка, можно предположить, что топоним *Čaggallyg* (Варташенский район) образован от слова *čaggal* 'шакал'. Однако аффикс *-lyg/-lik, -lug/-lük*, как показатель собирательности, концентрации предметов в одном месте, не употребляется с существительными. В сочетании с последними, обозначающими живые существа, этот аффикс образует слова с переносным значением, выражающие какое-либо качество, свойство; например: *tülkü* 'лиса' — *tülkülük* 'хитрость, притворство', *eššäk* 'осел' — *eššäklük* 'вести себя глупо, неблагородно, подобно ослу' и т. д. В нахичеванском диалекте и джувльфинском говоре азербайджанского языка функционирует слово *čaggala* 'незрелый, зеленый фрукт' (АДЛ, 432). Очевидно, топоним *Čaggallyg* образовался на основе именно этого слова: *čaggalalyg* > *čaggallyg*. Таким образом, исходное значение рассматриваемого географического названия — «место, где много незрелых (дикорастущих) фруктов».

Установление значения первого компонента топонима **Daşdygirmä** (Варташенский район) не представляет особой трудности. **Daşdy** — прилагательное, образованное от существительного **daş** 'камень' путем присоединения аффикса **-ly**, подвергшегося ассимиляции: **daşly** > **daşdy** 'имеющий камни'. Второй компонент данного топонима, на первый взгляд, может показаться образованным от глагола современного азербайджанского литературного языка **girmäk** 'входить': **gir-mä** 'вхождение'. Но подобная трактовка его семантики не соответствует географическому содержанию этого топонима. Материалы восточной группы диалектов и говоров позволяют восстановить семантику этого географического названия. Так, в алибайрамлинском говоре встречается слово **girmä** в значении «кустарник» (АДЛ, 283). Отсюда следует, что топоним **Daşdygirmä** означает «каменистый кустарник».

К числу интересных топонимов относится **Toxmazar sazy**.

Первый компонент этого топонима — **toxmazar** (тохим 'семена' > **toxm** + **zar**) распространен в Шекинско-Куткашенской зоне, где развито шелководство, и означает «саженцы шелковицы». Что же касается компонента **saз**, то это древнее азербайджанское слово, встречающееся в дастанах «Китаби-Деде Коркут» (например, **Dana sazy** и т. д.) и не сохранившееся в современном языке. Слово **saз** заимствовано удинским языком в значении «участок земли, местность»⁸. Оно встречается и в других тюркских языках, обозначая «болото», «высохшее русло реки»⁹.

В настоящее время в диалектах и говорах Кубинско-Исмаиллинской зоны употребляется слово **toxmaza**, означающее «шелковица, неплодоносящее тутовое дерево» (АДЛ, 386). Учитывая существование в азербайджанском языке звукосоответствия **г > l**, формы **toxmazar** и **toxmaza** следует считать вариантами единого слова. Таким образом, первоначальное значение топонима **Toxmazar sazy** — «место, куда пересаживается рассада шелковицы».

Наличие звукосоответствия **г > l** в азербайджанском языке позволяет установить, что топоним **Lagal** исторически означал «место, где много грязи». Это слово не зафиксировано ни в современном азербайджанском литературном языке, ни в древнетюркских письменных памятниках. Однако в кировабадском диалекте и шамхорском говоре употребляется слово **lagag**, означающее «место, где много грязи» (АДЛ, 288). Это же слово в форме **lağğağl/lağğər** имеется в удинском языке, прежде всего в его варташенском говоре, в значениях «мутный», «грязный», «измазанный»¹⁰.

Иногда слово, выступающее в качестве топонима, в различных диалектах и говорах имеет разные значения. В таких случаях приходится учитывать степень соответствия той или иной семантики географическому содержанию названия обозначаемого объекта. Например, слово **gobu** выступает в качестве топонимического компонента в составе географических названий на территории Азербайджана в нескольких значениях: 1) «ущелье, балка»; 2) «углубление, яма, впадина»; 3) «место, куда всегда стекает вода». Однако ни одно из этих значений не соответствует названию реки **Gugu gobu** в Варташенском районе, хотя

⁸ См.: Г. Ворошил. Древние тюркизмы в удинском языке. — «Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1978, № 2, стр. 75—76.

⁹ См.: Н. А. Баскаков. Географическая номенклатура в топонимии Горного Алтая. — В кн.: «Топонимика Востока». М., 1969, стр. 66.

¹⁰ В. Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974, стр. 167.

все указанные значения слова *gobi* представлены в варташенском говоре. В составе гидронима *Gugi gobi* это слово имеет совершенно иную семантику. В шекинском диалекте, варташенском, куткашенском, хач-масском, шушинском и пушкинском говорах слово *gobi* имеет также значение «очень маленькая река» (АДЛ, 144).

По-видимому, река *Gugi gobi*, часто высыхавшая (о чем свидетельствует ее название), когда-то была действительно очень маленькой. И, хотя впоследствии она превратилась в сравнительно большую реку, за ней сохранилась первоначальная номинация.

Исходная семантика топонима *Xärätäg* (Кахский район) может быть установлена на базе фактов ордубадского говора азербайджанского языка. В этом говоре употребляется слово *хог* в значении «дорога, пролегающая между горами» (АДЛ, 415). Это позволяет расчленить указанный топоним на два компонента (*хог*+*ätäg*) и предположить, что и он образован на основе значения «дорога, пролегающая между горами и проходящая у их подножия».

В том же районе имеется топоним *Zinzilä*, совпадающий по форме с лексической единицей варташенского говора — *zinzilä* 'тяжелые условия, трудности' (АДЛ, 227). Очевидно, указанный топоним исторически обозначал «местность с трудными условиями».

Значение названия села *Tüntül* в Куткашенском районе не может быть установлено на основе фактов современного азербайджанского литературного языка. В кировабадском же диалекте встречается слово *tün* 'крытая улица, пассаж', а в кедабекском говоре — слово *tüläng'* 'вершина, самое высокое место' (АДЛ, 392, 393). Весьма вероятно, что первые компоненты топонимов *Tüntül* и *tüläng'* исторически являлись однокоренными словами. Следовательно, можно предположить, что рассматриваемый топоним образован на основе значения «крытое высокое место». В связи с присущим тюркским языкам чередованием $n > l$ можно считать составные части данного географического названия (*tün* и *tül*) синонимами. В древнетюркских письменных памятниках слово *tün* зафиксировано в качестве топонимического форманта¹¹.

Zängir (Шеки). В Джебраильском говоре слово *zän* означает «болотное растение» (АДЛ, 457). Это позволяет предположить, что исходное значение топонима *Zängir* — «место, где имеются болотные растения».

Определенную часть географических названий, в установлении лексического значения которых важную роль играют данные различных диалектов и говоров, составляют оронимы.

Lam (Шеки). В нахичеванском диалекте и зангеланском говоре употребляется слово *lam* 'тихий, беззвучный' (АДЛ, 290). По-видимому, ороним *Lam* образован на основе значения «тихое, укромное место».

Murana (Ках). В нахичеванском, ордубадском и шахбузском говорах бытует слово *moga//mürä* 'маленькая канава' (АДЛ, 329). К этому корню, по всей вероятности, восходит и данный ороним.

Töräk (Шеки). В ряде диалектов и говоров азербайджанского языка употребляется слово *tögä* в значении «маленький» (АДЛ, 386), что позволяет интерпретировать семантику данного оронима как «маленькое место».

Тор (Варташен). В закатальском говоре имеется слово *tub* 'угол' (АДЛ, 387), что дает некоторые основания считать это географическое

¹¹ См.: «Древнетюркский словарь», стр. 597.

название образованным на основе значения «часть определенной территории». В Куткашенском районе имеется ойконим Торбауу.

Guj (Шеки). Этот топоним, по-видимому, связан со словом *guj*, употребляющимся в зангеланском говоре в значении «вершина горы» (АДЛ, 138). В древнетюркских письменных памятниках это слово означает «селение»¹².

Aju žuuu (Куба). В исмаиллинском и пушкинском говорах встречается слово *суу* 'мелкий камыш' (АДЛ, 446). Очевидно, данный ороним образован на основе значения «заросли мелкого камыша, где водятся медведи».

Guramilär (Куба). В кубинском и шемахинском диалектах, а также в хачмаском говоре встречается слово *gigamit*, означающее «участок земли, засеваемый второй год» (АДЛ, 156). Более вероятно, однако, что данное географическое название представляет собой этнотопоним.

Gyndralyу (Куткашен). Ороним образован присоединением словообразующего аффикса *-lyу* (<-*lyg*) к слову *gundra*. В агдашском и таузском говорах азербайджанского языка имеется слово *gandyrğa* 'колючая трава, растущая в безводных местах' (АДЛ, 137). Компонент *gundra* в составе оронима *Gyndralyу* является формой диалектного *gundyrğa*, подвергшегося фонетическому сокращению под влиянием аффикса *-lyу*: *gundyrğalyу* > *gyndralyу*. Таким образом, можно предположить, что этот топоним образован на основе значения «место, где много растений *гындырга*».

Şaуanlyу/Зауанlyу (Куткашен). Установить участие аффикса *-lyу* (*-lyу*) в образовании данного топонима не представляет трудности. Что же касается лексической основы, то компонент *şaуan* может быть сопоставлен со словом *şaуalag* 'грязный' в агдашском говоре азербайджанского языка (АДЛ, 452).

Нет сомнений в том, что элемент *-lag* в составе слова *şaуalag* является аффиксом *-lag* (*-lāk*), выражающим концентрацию предметов в определенном месте; ср.: *buzlag* 'ледник', *otlag* 'пастбище'. Следовательно, *şaуalag* — производное слово, образованное от корня *şaga*. По-видимому, исторически оно имело форму *şagaп*, однако конечный *n* выпал под влиянием начального аффикса *l*. Это позволяет считать ороним *Şaуanlyу* образованным на основе значения «место, где много грязи».

Е. Н. Бушуева указывает, что географические названия типа *Şaуan* имеют значение «яма, углубление, колодец»¹³, но подобная трактовка не соответствует географической сущности обозначаемых объектов.

Таким образом, в составе некоторых топонимов северной зоны Азербайджана представлен целый ряд самостоятельных лексических единиц, функционирующих в азербайджанских диалектах и говорах других районов республики. Подобные слова на определенном историческом этапе развития азербайджанского языка являлись, очевидно, общенародными.

¹² «Древнетюркский словарь», стр. 440.

¹³ «Словарь географических терминов и других слов, встречающихся в топонимии Азербайджанской ССР», М., 1973, стр. 150.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Р. Г. АХМЕТЬЯНОВ

О ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ КЫПЧАКСКИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

1. В свое время Н. А. Баскаков, говоря о существующих классификациях тюркских языков, основанных на их отдельных фонетических признаках или географическом распространении, указывал на необходимость сочетания лингвистических и исторических данных. Разработанная им самим классификация тюркских языков вобрала в себя все известные в 50-е годы данные о взаимосвязях и истории тюркских языков. Принципы классификации, предложенные Н. А. Баскаковым, сохраняют свое значение и в настоящее время. Однако сочетание лингвистических и исторических данных не означает того, что языковедческие выводы могут быть основаны лишь на фактах истории, ибо сама лингвистика способна предоставить необходимые данные. К числу последних относится, во-первых, установление относительной хронологии ряда важнейших фонетических и других изменений и, во-вторых, выяснение того, какие изменения в языке вызваны внешними влияниями, а какие — внутренними причинами (спонтанным развитием языков).

2. Основываясь на наиболее существенных фонетических признаках, современные кыпчакские языки можно классифицировать согласно таблице на стр. 32 (тюркские языки других групп приводятся здесь для сопоставления).

Для разработки генеалогической классификации языков необходимо определить пути их диахронического развития, которые привели к положению, отраженному в данном синхронном срезе. Для этого, очевидно, важно выделить из общей массы различных фонетических признаков разных языков те, что выводятся один из другого, то есть составляют последовательные звенья единого исторического процесса. Невыводимые друг из друга признаки (например, вторичные долгие гласные в киргизском и гласные *o* и *ö* в татарском языке) причинно не связываются между собой, не следуют один за другим и поэтому при генеалогической классификации не имеют значения.

Для распознавания выводимых один из другого фонетических признаков важно знать общие и частные (свойственные только отдельным семьям или группам языков) закономерности развития фонетического строя.

3. Основным противоречием, вызывающим звуковые изменения, является противоречие между «принципом экономии» и «принципом сохранения коммуникативной полноценности»¹. Так, например, в самом общем случае гаплогония и редукция «по принципу экономии» вызывают появление новых звуковых сочетаний и новых фонологических положе-

¹ См.: А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях. М., 1960, стр. 127.

Таблица

Позиционные фонетические признаки	Переходы древнего $\gamma//g$ в исходе слога в w, j и q, k (ta- γ > tay> taw и т. п.)		Сохранение древнего $\gamma//g$ в исходе слога (tay, bayla-)	
	Сохранение исконной глухости начальных согласных при некотором развитии различительного озвончения (тат. ti- 'попадать', di- 'сказать')		Озвончение начальных согласных	
	Сильное развитие ассимиляции и диссимиляции на стыке сонорных с другими согласными		Умеренно-слабое развитие ассимиляции и диссимиляции сонорных	
Тотальные фонетические признаки (субституции* *d' и *č)				
ž и č	Киргизский язык	Казанско-татарский язык; кыпчакский диалект узбекского языка		
ž, j (различно) и č		Татарский, кумыкский языки	Тюрки, узбекский, уйгурский языки	Огузские тюркские языки
j и č		Южные говоры мишарского диалекта татарского языка		
j и c		Северные говоры мишарского диалекта татарского языка, сибирско-татарский, караимский диалекты		
ž, dz и c	Северные говоры киргизского языка	Карачаево-балкарский, караимский диалекты		
j и s (s>h)	Башкирский язык			
j и š (š>h)		Ногайский язык		
ž и š (š>s)	Казахский и каракалпакский языки			

ний. Это приводит к позиционным звуковым переходам; накопленные позиционные переходы «по принципу сохранения коммуникативной полноценности» ведут к перестройке фонетической системы и т. д.

Известно, что чем более абстрагирован языковой элемент, тем больший труд требуется для его усвоения, а переоценка ценностей тем труднее, чем весомей эти ценности, и это находит проявление в «сопротивлении системы». Сложная система всегда легче поддается перегруппировке ценностей низшего разряда, чем изменениям в области ценностей высшего разряда². «Система статична, структура динамична»

² См.: Ю. В. Сачков. Введение в вероятностный мир. М., 1971, стр. 67—137 и др.

(В. Звегинцев)³. Поскольку в языке наиболее абстрагированным от конкретной речи элементом являются наряду с грамматическим строем привычные сочетания звуков и привычные фонологические оппозиции, специфические для каждого языка⁴, то можно сформулировать два важных для исторической фонологии выводы: 1) спонтанные (вызванные внутренним развитием) фонетические изменения, как правило, не затрагивают состава фонематических звуков; 2) вероятность появления нового фонематического звука спонтанным путем вообще весьма низка.

Трудность изменения фонемного состава ярко проявляется во внешней субституции, то есть в замене чужеродных звуков своими при заимствовании. Нередко случается так, что даже при самых глубоких изменениях языка состав фонем остается прежним. «Язык оперирует лишь ограниченным набором фонем — каждый язык действует в пределах ограниченной фонетической системы»⁵. Иначе говоря, «самопроизвольное зарождение» новых фонем в сформировавшемся языке практически невозможно. Новые фонемы не появляются даже тогда, когда для их возникновения имеются максимально удобные позиционные условия. Так, звонкая пара звука *ч* — звук *dʒ*; *dʒ* в русском языке так и не утвердился, хотя его появления можно было ожидать благодаря наличию цепи переходов *g > *dʒ > ʒ*⁶. Причина этого заключается в том, что русский язык не испытывал достаточно сильного влияния языка, в котором звук *dʒ* играл бы большую фонематическую роль.

Некоторые исследователи (например, М. Я. Рапопорт) склонны считать, что, поскольку гласные вообще более изменчивы, чем согласные, новые гласные могут появиться в языке в ходе позиционных изменений, в частности — при стяжении долгих гласных и дифтонгов⁷. Но Л. Блумфилд справедливо отмечал, что если бы в языках в определенных позициях возникали новые звуки, каждый язык был бы полон самых странных звуков. Количественные изменения в языке могут привести и к качественным, но это качество всегда является уже известным. Например, из дифтонга *aw* в киргизском языке действительно получился третий звук *ō* (ср. тат. *башыр* — кирг. *боор* 'печень'), но этот звук был давно известен как в тюркских языках вообще, так и в киргизском.

На основе вышеизложенного причиной появления позиционных звуковых изменений, входящих в состав отдельных звеньев языка и речи, чаще всего бывают спонтанные процессы, а причиной тотальных звуковых изменений, затрагивающих состав фонематических звуков и количество фонем, большей частью или всегда являются внешние влияния.

Позиционные и тотальные звуковые изменения в языке, как и внутреннее и внешние причины их, всегда переплетаются и взаимодействуют. И в каждом звуковом переходе надо, очевидно, различать причинно-следственные связи двух направлений: во-первых, условия, порождающие то или иное звуковое изменение, и, во-вторых, непосредственный

³ При этом, конечно, сама система может оказаться структурным элементом более общей системы; см.: «Общее языкознание. Методы лингвистических исследований». М., 1973, стр. 294—296.

⁴ См.: В. К. Журавлев. К понятию силы фонологических оппозиций. — В сб.: «Фонология, фонология, грамматика». М., 1971, стр. 123—124.

⁵ См.: Л. Блумфилд. Язык. М., 1968, стр. 389—391.

⁶ В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963, стр. 53, 67 и др.

⁷ См.: М. Я. Рапопорт. К проблеме параллельного развития языковых систем (на материале вокализма английского и французского языков). — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», т. 35, 1976, № 2, стр. 164—172.

толчок, приведший к данному изменению⁸. Этим толчком и оказывается внешнее влияние⁹.

Рассмотрим наиболее четкие линии фонетического развития — по-следовательно выводимые фонетические признаки в тюркских языках.

Позиционный характер имел самый крупный из известных нам фонетических сдвигов в истории тюркских языков — расщепление конечных $-y$ и $-g$ на ноль звука k, q, ω и j . Причиной этого расщепления (как и перехода $\delta > j$) была редукция древних конечных гласных, вследствие чего звонкие y, g и δ оказались в абсолютном конце слов и формантов (словов).

Причиной редукции конечных гласных могло быть перемещение концентрированного ударения на первый слог в древнетюркском языке-основе¹⁰. Об этом косвенно говорит и то обстоятельство, что в тюркских языках в анлауте некоторых корней встречаются лишь глухие согласные (правда, с исключениями)¹¹. В дальнейшем, однако, в тюркских языках выработались другие способы маркировки начала слов с использованием в первом слоге гласных, качественно отличных от гласных же, используемых в последующих слогах и т. п. В кыпчакских языках наблюдается дополнительная дистрибуция в применении согласных y, g, q, k и b, p : звонкие из них должны были находиться в середине слова, а глухие — только в анлауте и ауслауте. Поэтому в кыпчакских языках возникли позиционные чередования $q-y, k-g, p-b$ (bak 'смотри', baqar 'посмотрит', tap 'найди', tabar 'найдет') и конечные y, g перешли в ноль звука, в q, k или ω, j . Огузским и карлукским языкам, по-видимому, не было свойственно такое дистрибутивное использование согласных, поэтому, во-первых, возникло озвончение начальных согласных, во-вторых, сохранилась глухость согласных в интервокальной позиции (baq — baqar, tap — tabar) и звонкость — $-y, -g-$ в ауслауте. Маркировка отдельных слов в речи в этих языках возлагается, по-видимому, на силовое ударение и выразительное произношение.

Следующим крупным позиционным изменением в истории кыпчакских языков было развитие ассимиляции и диссимиляции на стыке сонорных с сонорными и с другими согласными, особенно характерное для восточных кыпчакских языков (см. таблицу на стр. 32).

4. В ряде кыпчакских языков — казахском, каракалпакском, башкирском и ногайском, с одной стороны, в мишарском и сибирском диалектах татарского, в говорах и диалектах караимского и карачаево-балкарского языков — с другой наблюдается изменение состава фонем согласных (см. таблицу). Причем эти изменения носят характер внутренней субституции, то есть новые звуки приходят не с новыми словами, как это происходило, например, в татарском литературном языке, где фонемы h, x и ϕ были заимствованы вместе с арабско-персидскими и огузскими лексическими элементами, а замещают «старые» общетюркские звуки в общетюркских же словах.

Сущность внутренней субституции состоит в том, что при учащении применения отдельных звуков в языке они в дальнейшем в ряде случаев

⁸ См.: Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, стр. 30.

⁹ Это прослеживается на примере внедрения татарских звучаний в фонетическую систему удмуртских диалектов. См.: В. К. Кельмаков. Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые фонетические особенности южного наречия удмуртского языка. — «Советская тюркология», 1974, № 3, стр. 52—61.

¹⁰ См.: М. Н. Черкаский. Очерки по исторической фонологии тюркских гласных. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 15.

¹¹ См.: Н. З. Гаджиева. Глухое начало слова в тюркском праязыке. — «Советская тюркология», 1973, № 4, стр. 3—10.

заменяются другими. Однако это случается, очевидно, лишь в том случае, если: 1) данный звук слишком сконцентрирован в отдельных отрезках речи (то есть тут играют роль и грамматические факторы), 2) есть чем заменить непривычный звук.

Характерные примеры имеются в башкирском и казахском языках, в которых отсутствует звук $\check{c}$ (он переходит, соответственно, в s и $\check{s}$).

В общетюркском плане звук $\check{c}$ имеется в составе активнейших аффиксов: $-\check{c}u$, $-\check{c}ak$, $-\check{c}an$, $-a\check{c}$, $-y\check{c}$, $-\gamma a\check{c}$, $-\gamma u\check{c}$ и др. В то же время есть ряд весьма употребительных аффиксов и на s , например, $-syn$, $-synyz$ (аффиксы принадлежности 2-го лица единственного и множественного числа), $-sy$ (аффикс принадлежности 3-го лица после основ на гласный), $-sa$, $-syn$ (глагольные аффиксы) и др. В этих условиях после $\check{c} > s$ в башкирском языке могло чрезмерно участиться употребление s . Поэтому общетюркский s в башкирском был заменен звуком $\emptyset$, d , переходящим в h ¹².

В казахском языке $\check{c}$ был заменен звуком $\check{s}$. Аффиксов на $\check{s}$ в тюркских языках мало. Поэтому здесь переход $\check{c} > \check{s}$, хотя и привел к замене общетюркского $\check{s}$ звуком s ¹³, однако не стал причиной появления новых фонематических звуков. В казахском языке лишь немного уплотнился «объем» звука s .

Есть все основания полагать, что и общей, коренной причиной изменений состава согласных в указанных языках было стремление заменить звуки $\check{z}$ и $\check{c}$ другими близкими звуками, что привело к следующим фонетическим процессам:

в башкирском языке: $\check{c} > s // s > h$; $\check{z} > j$; $-\check{z} > -\check{z}$;

в казахском и каракалпакском: $\check{c} > s // \check{s} > s$; $\check{z} > \check{z}$;

в ногайском: $\check{c} > s // \check{s} > s$; $\check{z} > j$;

в караимском, карачаево-балкарском языках, а также в мишарском и сибирских диалектах татарского языка: $\check{c} > c$, $\check{z} > j$ или $\check{z} > dz$, z .

Новые звуки (c , $\check{z}$, dz , h) в этих языках не возникли сами собой, как не могли сами собой исчезнуть и звуки $\check{z}$ и $\check{c}$. Следовательно, можно предположить, что «внутренняя субституция» в казахском, башкирском и других языках была инъецирована языком-субстратом, в котором не было пары $\check{z}-\check{c}$, но имелись звуки s , dz и h (назовем его субстратом А).

Все это позволяет представить генеалогическое древо кыпчакских языков в виде схемы (см. стр. 36).

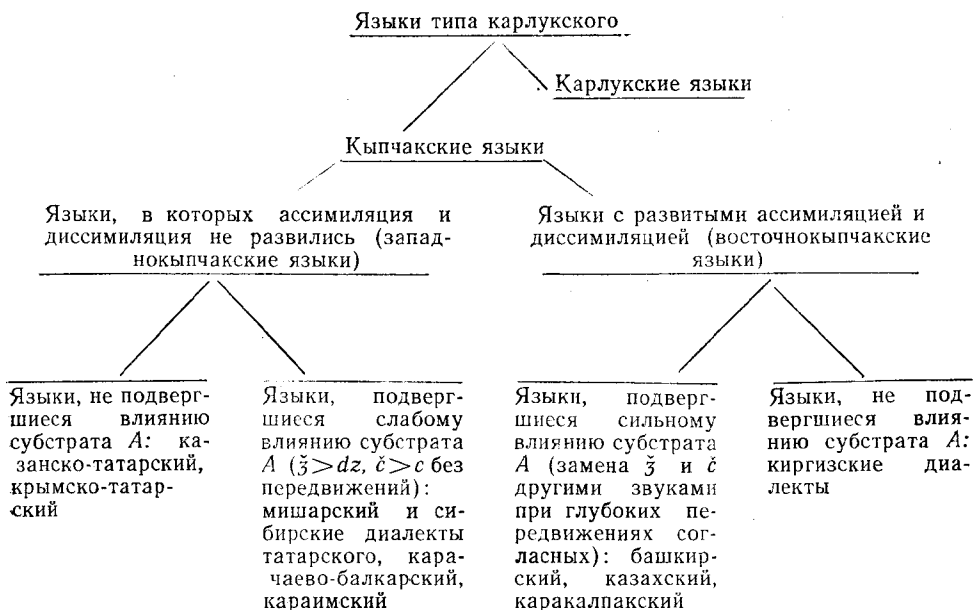
5. В процессе развития в конкретных кыпчакских языках возникли и некоторые другие моменты. Во-первых, сильное, иногда весьма сильное, влияние оказали местные субстраты, во-вторых, шел процесс интенсивного взаимовлияния и смешения между различными кыпчакскими диалектами.

Так, на севере ареала обеих главных ветвей кыпчакские языки подверглись влиянию субстрата, в системе гласных которого имелись звуки o : и $\ddot{o}$: (татарский, башкирский, казахский и ногайский языки). Сходные природно-исторические условия бытования татарского и башкир-

¹² См.: Б. А. Серебрянников. О причинах превращения начального s в h в башкирском языке. — «Советская тюркология», 1973, № 2, стр. 10—15. (Вопрос о «первотолчке», о причинах отсутствия $d\check{z}$ и $\check{c}$ в башкирском автор оставляет открытым).

¹³ Э. Тенишев. Перебой $s \sim \check{s}$ в тюркских рунических памятниках. — «Структура и история тюркских языков». М., 1971, стр. 292.

ского языков при наличии контактов между их носителями привели к сближению этих языков. В силу тех же причин появились довольно ощутимые различия между татарским и карaimским, с одной стороны, и между татарским и северокавказско-крымскими диалектами — с другой. В древности эти языки, несомненно, были более близкими.

Помимо этого, после инновации, проникновения новых звуков извне внутреннее развитие пошло по новому пути. Так, вследствие ассимиляции и диссимилиации на стыках сонорных с другими согласными, перехода $s > h$ и благодаря наличию большого количества дентальных звуков в башкирском языке начал действовать дистрибутивный закон, по которому после основ на согласные исконные $-l-$ и $-n-$ в составе аффиксов заменяются дентальными (*сыулар* > *һыулар* 'воды', *кыҙны* > *қыҙзы* 'девушку', *сөтне* > *һөтте* 'молоко' и т. д.), а после основ на гласные исконные дентальные, напротив, заменяются сонорными $-l-$ и $-n-$ (*һавада* > *һавала* 'в воздухе', *башлады* > *башланы* 'начинал' и т. д.)¹⁴.

Таким образом, при всем внешнем разнообразии изменений, происшедших в кыпчакских языках, они в целом могут быть объяснены взаимодействием между закономерностями внутреннего развития и внешними влияниями.

Следует еще сказать, что приведенная нами схема хорошо согласуется с данными морфологии¹⁵ и лексикологии, а «согласование» с данными археологии, этнографии и истории, по-видимому, — дело будущего.

¹⁴ Иначе объясняет эти особенности башкирского языка Б. А. Серебrenников. См.: Б. А. Серебrenников. О двух случаях загадочного изменения звуков башкирского языка и его диалектов. — «Башкирский диалектологический сборник». Уфа, 1959, стр. 137—139.

¹⁵ См.: Г. Ф. Благова. О типах и структурных разновидностях тюркского падежного склонения. — «Вопросы языкознания», 1975, № 1; *её же*. К методике историко-ареальных сопоставлений в тюркологии. — «Вопросы языкознания», 1972, № 5.

Р. ДАНИЯРОВ

РОЛЬ ТЕРМИНОВ-СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ОБОЗНАЧЕНИИ ТЕХНИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ

Научно-технический прогресс и общий расцвет социалистической культуры национальных республик потребовали от языковедов проведения огромной работы по созданию и упорядочению терминологии во всех областях знания, культуры, искусства. Совершенно ясно, что для обозначения ранее не существовавших в языке понятий требуются специальные языковые знаки. Конечно, немислимо все эти понятия обозначать новыми словами. А потому для их обозначения приходится обращаться к другим ресурсам языка. Как показывает практика, обозначение новых понятий посредством терминов-словосочетаний — один из важнейших способов создания терминологии. А. Н. Кожин следующим образом характеризует этот способ: «Составные наименования (то есть термины-словосочетания. — Р. Д.) — важное звено номинативных средств... языка; в них самым непосредственным образом подчеркивается признак обозначаемого; они помогают преодолеть „словный барьер” при закреплении данных общественной практики в процессе движения от незнания к знанию»¹.

Известный советский терминолог Д. С. Лотте в своих трудах дал детальный анализ различных способов создания терминологии, уделяя особое внимание терминам-словосочетаниям, и рекомендовал методику их правильного образования.

В технической терминологии узбекского языка важное место занимают именно термины-словосочетания, краткому рассмотрению которых и посвящена настоящая статья.

Термины-словосочетания можно подразделить на изафетные и с относительными притяжательными.

Изафетные термины-словосочетания

В тюркских языках, в частности в узбекском, словосочетания типа **существительное+существительное** находятся в изафетной связи². Как

¹ А. Н. Кожин. Составные наименования в русском языке (на материале военной лексики). — В сб.: «Мысли о современном русском языке». М., 1969, стр. 35.

² По мнению Н. А. Баскакова, подобное утверждение по отношению к тюркским языкам неправомерно; см.: Н. А. Баскаков. Природа притяжательных словосочетаний и их роль в эволюции сложных синтаксических конструкций в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1971, № 4, стр. 15—16. Так как этот вопрос требует специального изучения, мы сочли возможным оставить его пока открытым и применять традиционный термин.

известно, существуют три формы изафета. Остановимся на каждой из них в отдельности, рассмотрев различные варианты создания технических терминов-словосочетаний.

1. Словосочетания, образовавшиеся по образцу первого типа изафетной связи. Необходимо отметить, что этот тип изафета широко употребляется в разговорной речи. Например: *оёқ ўйин* 'танец, пляска', *ош айвон* 'кухня', *бачча хўрак* 'детское кушанье', *кади барак* 'кушанье из тыквы'³; *овқат қозон* 'котел для пищи', *темир қотқоқ* 'железная крышка', *чўян қозон* 'чугунный котел'⁴ и многие другие. Как видно из примеров, в данном случае слова сочетаются при отсутствии каких-либо словообразовательных формантов.

Первый тип изафетной связи иногда используется и в литературном языке, в частности в технической терминологии. Например: *чўян ҳалқа* 'чугунное кольцо', *пўлат лента* 'стальная лента', *ўзак бўйин* 'коренная шейка', *шатун подшипник* 'шатунный подшипник', *резина зичлагич* 'резиновый уплотнитель' (все примеры из Авто-72).

Однако при создании технической терминологии не всегда обращаются к этому типу связи. Ср. примеры:

<i>жин машина</i> (ПРУЛ),	<i>буғ машинаси</i> (ФТ, 61/3, 30),
<i>жўяк машина</i> (ПРУЛ),	<i>ёмғир машинаси</i> (ЕҚМ, 125),
<i>кўрак машина</i> (ПРУЛ),	<i>кибернетика машинаси</i> (ФТ, 69/12, 31),
<i>линтер машина</i> (ЯТ, 67/1117),	<i>лента машинаси</i> (ЯТ, 71/3, 8),
<i>пассажир машина</i> (МТ, 71/8, 3),	<i>печать машинаси</i> (ФТ, 58/9, 38).

Отметим, что все словосочетания левого столбца свойственны разговорной речи, для которой характерны конструкции, образованные по первому типу изафета.

С нашей точки зрения, именно эти термины практически соответствуют требованиям, предъявляемым к технической терминологии. Согласно утверждению ряда ученых, связь по первому типу изафета имеет то преимущество, что по своему содержанию эта форма приобретает терминологическое значение, так как первая часть подобных словосочетаний может адъективизироваться. В результате возникает адъективное словосочетание⁵.

Известно, что первая часть словосочетания с изафетной связью первого типа выражает следующие значения: «принадлежность», «из чего сделано», «объем», «мера», «количество», «качество» и т. д., то есть характеризует определенные свойства: *олтин (тилла) соат* 'часы, некоторые детали которых позолочены'; *олтин (тилла) тиш* 'золотой зуб'; *темир йўл* 'железная дорога'; *темир қайчи* 'железные ножницы'.

Как видно из примеров, первый тип изафета весьма удобен для создания терминологии вообще и технической терминологии в особенности. Эта форма применима в том случае, когда морфологические средства самого языка не позволяют определить часть словосочетания трансформировать в относительное прилагательное, так как в узбекском языке ограниченное количество аффиксов, образующих относительные прилагательные. В связи с этим возникла необходимость в варьировании собственных ресурсов языка и использовании других типов изафетной связи. При этом обнаруживаются все положительные и отрицатель-

³ См.: Б. Жўраев. Юкори Қашқадарё ўзбек шевалари. Тошкент, 1969.

⁴ См.: С. Иброҳимов. Фарғона шеваларининг касб-хунар лексикаси. Тошкент, 1964.

⁵ См.: Н. З. Гаджиева. Природа изафета в тюркских языках. — «Советская тюркология», 1970, № 2, стр. 24.

ные особенности созданных такими способами технических (да и других) терминов-словосочетаний. Так, например, посредством суффикса *-ли* в узбекском языке от имен существительных образуются прилагательные со значением «наличия», «обладания» (ср. *билимли одам* 'человек, имеющий знание', *ширали узум* 'сладкий виноград', букв.: 'виноград, имеющий сладость', *қаламли бола* 'мальчик, имеющий карандаш' и др.). В технической литературе распространены словосочетания, первая часть которых образована при помощи суффикса *-ли*. Это приводит к тому, что в узбекском языке ряд технических понятий передается неправильно, случается даже, что они выражают противоположные значения. Так, например, переведенные на русский язык термины *қанотли насос*; *шарнирли муфта*; *шестерняли насос* и т. п. соответственно означают: «насос, имеющий крылья» или «насос с крыльями»; «муфта, имеющая шарнир» или «муфта с шарниром»; «насос, имеющий шестерню» или «насос с шестерней», что указывает на неправомерность использования в данном случае суффикса *-ли*, или таких суффиксов, как *-дор*, *-чил* и т. п. По нашему мнению, словосочетания типа *қанотли насос* должны выражать понятия, заключенные в русском словосочетании *крыльчатый насос*. Иногда во избежание подобных ляпсусов создатели терминов прибегают к изафетной форме второго типа, например, *буғ машинаси*. Однако и в этих случаях не обходится без ошибок, ибо словосочетания типа *буғ машинаси* на русский язык переводятся как «машина, имеющая пар» или «машина с паром» (подробнее об этом скажем ниже). Таким образом, и в этих случаях наиболее приемлемой является форма первого типа изафета.

2. Термины-словосочетания, созданные по образцу второго типа изафета. В тюркских языках, в том числе и в узбекском, для выражения признака отношения одного предмета к другому используется изафетная связь второго типа, отличающаяся тем, что вторая часть словосочетания (то есть определяемое) имеет грамматический формант — аффикс принадлежности *-и* (*-си*). Например, *машина борти* 'борт машины', *ўрик гули* 'цветок урючины', *йил боши* 'начало года' и др.

Необходимо отметить, что когда речь идет об отнесенности первого слова ко второму, то применение второго типа изафетной связи в узбекском языке оправдывает себя; связь между словами правильно отражает то или иное понятие. Доказательством этому служат вышеприведенные примеры. Однако в словарях и в технической литературе встречаются словосочетания: *ҳаво винти*, *ҳаво фильтри*, *мой радиатори*, *мой магистрالي*, *мой насоси*, *дизель мойи* и т. п. (Авто-72).

При переводе на русский язык этих словосочетаний обнаруживается неадекватность выражения того или иного технического понятия. Так, например, термины, призванные выражать понятия: «воздушный винт», «воздушный фильтр», «масляный радиатор», «масляная магистраль», «масляный насос», «дизельное масло», одновременно означают: «винт воздуха», «фильтр воздуха», «радиатор масла», «магистраль масла», «насос масла», «масло дизеля». Во избежание подобных недоразумений, с нашей точки зрения, такие словосочетания следует передавать формой первого типа изафета. Как уже отмечалось, эта форма полностью соответствует требованиям, предъявляемым к терминологии. В этом случае рассмотренные выше узбекские термины приобретут следующий вид: *ҳавовинт*, *ҳавофильтр*, *мойрадиатор*, *мойфильтр*, *мойнасос*, *дизелмой*.

Если бы грамматические средства узбекского языка позволяли, то идеальным методом создания терминов было бы образование относительных прилагательных от первой части словосочетания. Однако к по-

добному способу следует подходить с большой осторожностью, чтобы не допустить искажений, неправильно используя словообразовательные аффиксы, как это имело место в рассмотренных выше случаях с употреблением суффикса *-ли*.

На наш взгляд, оптимальным способом терминотворчества, соответствующим закономерностям узбекского языка, к тому же фонетически удобным, является использование давно узаконившегося в узбекском языке арабского суффикса *-ий (-вий)*, образующего относительные прилагательные. Необходимо отметить, что этот суффикс, встречавшийся ранее лишь в составе слов арабского происхождения, в последние годы стал присоединяться не только к исконно узбекским, но и к русско-интернациональным основам. Например: а) *деворий кран* (ТМА, 374), *соний қийматлар* (Маш-73), *зарбий қовушоқлик* (ГМ, 15), *фазовий бурчак* (ҚҲА, 19), *нуқтавий нуқсонлар* (МТЛ, 22), *уюрмавий ҳаракат* (АФЛ, 37); б) *базавий модель*, *группавий юритма*, *базавий юза* (Маш-73), *ракетавий зонд*, *векторий потенциал майдон* (АФЛ, 44, 86) и т. п.

Если созданный таким образом термин-словосочетание соответствует требованиям технической терминологии, то суффикс *-ий (-вий)* необходимо использовать максимально. Если же такое сочетание будет «противопоказанным» узбекскому языку (например, неудобочитаемым или неточным по смыслу и т. п.), то следует обратиться к форме изафетной связи первого типа, рассмотренной нами выше.

3. Термины-словосочетания, образованные по третьему типу изафетной связи. «Истинный изафет»⁶ третьего типа в технической литературе употребляется правильно. Этот тип словосочетания имеет грамматические показатели, точно передающие значение технических понятий. Поэтому, не останавливаясь подробно на анализе этой формы связи, ограничимся лишь некоторыми примерами: *шатуннинг каллаги* 'головка шатуна', *цилиндрлар блокиннг олд девори* 'передняя стенка блока цилиндров', *цилиндрнинг иш ҳажми* 'рабочий объем цилиндра', *автомобилнинг мотори* 'мотор автомобиля', *мотоциклнинг ғилдираги* 'колесо мотоцикла' и т. п.

Термины-словосочетания, состоящие из относительного прилагательного и существительного

Как известно, прилагательные выражают признак, форму, особенность, вкус, объем, цвет предметов, а также значение их наличия, обладания ими и т. п. Поэтому в каждой терминологической системе относительные прилагательные со всеми оттенками этих значений употребляются по-разному. Так, например, в технической терминологии отсутствуют сочетания, определительная часть которых выражает, например, вкус. В технической терминологии более употребительны определения, выражающие какой-либо признак одного предмета относительно другого. Кроме того, не все словообразовательные суффиксы относительных прилагательных в одинаковой степени участвуют в образовании технических терминов-словосочетаний. Рассмотрим конструкции словосочетаний, в которых определения образованы с использованием узбекских суффиксов, а также определительные сочетания с русскими и интернациональными основами и суффиксами, переоформленными в соответствии с нормами узбекского языка.

1. Конструкция: относительное прилагательное с суффиксом *-ли* + существительное. Основная функция суффикса *-ли* — это выражение

⁶ Н. З. Гаджиева. Указ. раб., стр. 24.

значения «наличия», «обладания», «принадлежности». В узбекском литературном языке возможности этого суффикса очень широки, однако в терминологических системах, в частности технической, сфера его употребления весьма ограничена. Суффикс *-ли* в этих системах употребляется лишь как элемент, вносящий оттенок наличия или обладания в первую часть термина-словосочетания. Ср.: *ғилдиракли автомобиль* 'автомобиль, имеющий колесо', *парракли самолёт* 'винтовой самолёт', *моторли қайиқ* 'моторная лодка' и т. д. Употребление этого суффикса в данных конструкциях правильно. Но в большинстве случаев та или иная конструкция строится таким образом, что суффикс *-ли* в ее составе становится явно лишним. Например, в журнале «Фан ва турмуш» (1959, № 10, стр. 35) употреблен термин-словосочетание *кўприкли кран*, означающий «кран с мостом», «кран, имеющий мост». В действительности же речь идет о самом обычном и всем известном «мостовом кране». Несмотря на вполне очевидное неправильное, как в приведенных выше случаях, употребление суффикса *-ли*, некоторые лингвисты пытаются оправдать его использование при создании научной и технической терминологии: «Когда в составе слов русских терминов имеются *-а/ль-, -н-, -ник-, -ов/ев/-, енн-* и др. аффиксы, образующие прилагательные, значение термина на узбекский язык передается следующим образом... в) путем создания определительного сочетания при помощи аффикса *-ли*; образующего прилагательное: воздушная камера — *ҳаволи камера* (так как обратный перевод дает сочетание: камера с воздухом, камера, имеющая воздух. — Р. Д.) ...билинейная форма — *бизичиқли форма* (форма с билинейной, форма, имеющая билинию. — Р. Д.)⁷...»⁸ и т. д.

Кроме указанных выше, в технической терминологии узбекского языка используются и другие конструкции, к числу которых относятся: а) словосочетания с суффиксом *-ма*: *тиркама плуг*, *узатма стрела*, *ағдарма автомобиль*, *кўчма блок*, *ўрнатма культиватор*, *тиркама грейдер*, *бошқарма механизм*, *буралма механизм* и т. п.; б) словосочетания с суффиксом *-гич* (с вариантами *-кич, -ғич, -қич*): *пуркагич автомат*, *иситкич асбоб*, *қайтаргич барабан*, *кескич болт*, *пуркагич асбоб*, *куч ўлчагич асбоб*, *таъминлагич блок* и т. п.; в) словосочетания с суффиксом *-симон*: *дискасимон загортач*, *ҳалқасимон зичлагич*, *кураксимон тиш*, *тоғарасимон лемех*, *винтсимон паррак*, *Г-симон устқуйма*, *П-симон қисм*, *У-симон манжет* и т. п.; г) словосочетания с суффиксом *-ги* (с вариантом *-ки*): *қишки ремонт*, *ёзги техник қаров*, *кузги ремонт*; *олдинги кўприк*, *остки рама*, *ёнаки стойка*, *дастаки таль*, *дастаки қайиқи* и т. д.; д) словосочетания с малоупотребительными суффиксами: *қўзғалмас пичоқ*, *штихмас деталь*; *ҳаракатчан майдонча*, *эгилувчан енг*; *насосиз система*, *калласиз стержень*; *ишичи ғилдирак*, *етакчи вал*; *ўнақай ўқ*, *чапақай резба* и т. д.

Рассматривая каждую конструкцию в отдельности, мы старались уточнить роль и место используемых для ее образования суффиксов и выяснить возможность их употребления для создания технической терминологии.

В последние годы в узбекской технической литературе стали использоваться словосочетания, первый компонент которых является причастием, а второй — существительным, например: а) причастие с суффиксом *-р(-ар)* + существительное: *учар аппарат*, *сезгир асбоб*, *тез юрар*

⁷ В «Русско-узбекском математическом словаре» (1973) предложена следующая конструкция: *бизичиқий форма*, что правильно передает значение.

⁸ С. Усмонов. Узбек терминологиясининг баъзи масалалари. Тошкент, 1968, стр. 28.

вагон, ўзи юрар грейдер, ўзи юрар машина и т. д.; б) причастие с суффиксом *-диган* + существительное: *пилла тортадиган автомат, доналайдиган агрегат, пайвандлайдиган асбоб, айланадиган бирикма* и т. д.; в) причастие с суффиксом *-вчи* (*-увчи, -овчи*) + существительное: *бетон аралаштирувчи автомобиль, сабзавот ташувчи автомобиль, прессловчи аппарат, юргизувчи аравача, сидирувчи барабан* и т. п.

Кроме того, в узбекской технической терминологии часто употребляются сочетания типа **отглагольное имя + существительное**, например, с аффиксом *-ш(-иш)*: *бошқариш пульти, винт кесиш станогги, пахта териш машинаси*; с аффиксом *-лаш(-лаштириш)*: *вальцовкалаш станогги, мувозанатлаш пружинаси, тозалаш механизми* и т. п.

Рассмотрим эти конструкции с точки зрения их соответствия требованиям терминологии.

В русском языке существует термин «двигатель внутреннего сгорания», который передается в узбекском языке несколькими способами:

С суффиксом <i>-р</i>	С суффиксом <i>-вчи</i>	С суффиксом <i>-диган</i>	С суффиксом <i>-иш</i>	С суффиксом <i>-ув</i>
ичдан ёнар двигатель (ФТ, 71/1, 40)	ичдан ёнувчи двигатель (ФТ, 58/10, 13)	ичдан ёнадиган двигатель (ФТ, 58/12, 34)	ички ёниш двигателя (ЯТ, 72/5, 32)	ички ёнув двигателя (ФТ, 64/11, 32)

С нашей точки зрения, ни одна из этих конструкций не соответствует основным принципам создания технической терминологии. В. П. Даниленко, характеризуя отличительные особенности терминообразования, пишет: «Терминологическое словообразование заметнее, чем общелитературное, тяготеет к созданию пучков, гнезд наименований от одной производящей основы. Вероятно, поэтому одним из требований, предъявляемых к термину, считают его словообразовательную потенцию»⁹.

Ни один из приведенных выше примеров словообразования не отражает полностью технического понятия «двигатель внутреннего сгорания», ибо такие новообразования, как *ичидан ёнарли двигатель, ичидан ёнишмас двигатель* и т. п., не соответствуют нормам узбекского языка. Если же этот русский термин в узбекском языке передать конструкцией *ичидан ёнгич двигатель*, то она окажется не только адекватной русскому понятию, но и универсальной, позволяющей создать ряд новообразований, *ичидан ёнгичли, ичидан ёнгичмас, ичидан ёнгичсимон* и т. д.

Как известно, во всех языках, в том числе и в узбекском, грамматические средства выполняют свои определенные функции. Это относится и к словообразующим суффиксам. Каждый словообразующий или формообразующий элемент имеет определенное назначение, свойственное только ему, и не может быть заменен другим.

Известно, что суффиксы *-ш(-иш)*, *-лаш(-лаштириш)* в узбекском языке образуют названия процессов. В технической литературе существует достаточно много терминов с этими суффиксами: *механик ейилиш* 'механический износ', *металларнинг чарчаши* 'усталость металлов', *йўлни асфальтлаш* 'асфальтирование дороги', *детални мойлаш* 'смазка деталей' и многие другие. В этих примерах данные суффиксы употребляются правильно.

⁹ В. П. Даниленко. Лингвистическое изучение терминологии и культура речи (к постановке вопроса). — «Актуальные проблемы культуры речи». М., 1970, стр. 321.

Остановимся на примерах, взятых не из технической литературы, а из специального терминологического словаря по технологии машиностроения (МТЛ): *музованатлаш станог* 'балансировочный станок', *жилвирлаш брусogi* 'шлифовальный брусок', *винт кесиш станог* 'винторезный станок', *босим билан ишлаш станог* 'давильный станок' и др.

Если исходить из значений русских терминов, то в данном случае суффиксы *-иш* (*-иш*), *-лаш* (*-лаштириш*) призваны передать значения того или иного признака действия. В приведенных же примерах, основная функция указанных суффиксов заключается в выражении названия процесса. По мнению некоторых ученых, это для узбекского языка является новым качеством, которое необходимо зафиксировать в узбекской грамматике. Однако пока трудно сказать, будет ли оно действительно освоено грамматикой узбекского языка.

В узбекской технической терминологии часто встречаются термины-словосочетания, определительная часть которых соответствует усеченным русским прилагательным.

С интенсификацией процесса заимствования узбекским языком русских слов возникла проблема правильности передачи русских прилагательных на узбекский язык. Этот вопрос решался по-разному. На первых порах русские прилагательные узбекским языком просто заимствовались (с адаптацией родовых и других грамматических показателей и фонетических особенностей соответственно нормам узбекского языка). О дальнейшем использовании таких прилагательных в узбекском языке писал еще А. К. Боровков.

Так, в узбекской периодической печати 1905—1970 годов можно встретить употребление русских прилагательных: *контролний палат*, *государственный* (или *государский*) *дума*, *большой* и *малый* *скорость* и даже *мелкокредитный внешний банкаси* («мелкокредитный банк для внешней торговли») и др. Входящие в обиход иноязычные слова использовались в большинстве случаев согласно требованиям разговорной живой речи; часто устоявшиеся фразы и «штампы» заимствовались полностью, а поэтому их грамматическая форма и ее элементы никак не воспринимались. Однако в этот же период установилась форма относительных прилагательных, заимствованная из французского языка через посредство турецкого и азербайджанского. В последующие годы эта форма стала приспосабливаться к русским прилагательным на *-н* — *-он* (*-е*), *-(е)ск*, *-ическ*. Таким путем возникли две группы относительных прилагательных: 1) приспособленные к русским прилагательным на *-н* — *-онн*: *актуал* (актуальный), *дифференсиал* (дифференциальный), *генерал*, *капитал*, *конкрет*, *ортодонал*, *ратсионал*, *дисперсион* (дисперсионный), *реакцион* (реакционный), *термоизоляция* и др.; 2) приспособленные к русским прилагательным на *-(е)ск* — *-ическ*: *кайнозой* (кайнозойская), *мезозой* (мезозойская), *пролетар* (пролетарский), *биологик* (биологический), *геоботаник*, *геологик*, *империалистик*, *юридик*, *капиталистик*, *керамик*, *математик*, *социалистик*, *тематик* и др.¹⁰

Необходимо отметить, что указанные формы прилагательных в настоящее время прочно закрепились в современном узбекском языке и образующие их суффиксы стали активнейшими исконно узбекскими словообразующими суффиксами. В технической узбекской литературе особое место занимают термины-словосочетания, первая часть которых образована новыми формами относительных прилагательных. К их чис-

¹⁰ А. К. Боровков. *Ўзбек тилининг лексикасидаги ўзгаришлар ва янги алфавит*. — «СССР ФА Ўзбекистон филиалининг ахбороти», II, 1940, стр. 40.

лу можно отнести следующие конструкции: а) словосочетания с суффиксом *-ион*: *телевизион антенна, индукцион аппарат, проекцион асбоб, фрикцион вариатор, дистанцион клапан* и т. д.; б) словосочетания с суффиксом *-ик*: *параболик антенна, кибернетик аппарат, космик кема, механик асбоб, гидравлик бўлгич, герметик кабина, пневматик болға* и т. п.; в) словосочетания с суффиксом *-(а)л*: *горизонтал вал, магистрал тепловоз, функционал қурилма, радиал қуритгич, спирал пичоқ* и т. п.; г) словосочетания с суффиксом *-ар* (*-ор, -ёр, -яр*): *стационар машина, молекуляр машина, диффузор пластинка, планетар редуктор* и т. п.

На наш взгляд, практикой доказано удобство создания терминов-словосочетаний с новыми формами относительных прилагательных. Поэтому попытки передавать подобные термины формой изафетной связи второго типа (об этом говорилось выше) не могут быть оправданы. Ср. такие примеры, как *индикация блоки* 'блок индикации', *радиация регулятори* 'регулятор радиации', *телемеханика воситаси* 'средства телемеханики', *полиграфия машинаси* 'полиграфическая машина' и т. п. Более правомерна форма: *индукцион блок, радиацион регулятор, телемеханик восита, полиграфик машина* и т. п., точно передающая смысл этих русских терминов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

<i>Авто-72</i>	— «Автомобиль». Учинчи класс шоферлар учун дарслик, Тошкент, 1972.
<i>АФЛ</i>	— «Атмосфера физикасидан русча-ўзбекча лугат», Тошкент, 1973.
<i>ГМ</i>	— «Граждан мудофааси», Тошкент, 1972.
<i>ЕҚМ</i>	— «Ер қазииш машиналари», Тошкент, 1969.
<i>КУА</i>	— «Контрол-ўлчаиш асбоблари», Тошкент, 1970.
<i>Маш-73</i>	— «Машинашунослик», Тошкент, 1973.
<i>МТ</i>	— «Меҳнат ва турмуш», журнал.
<i>МТЛ</i>	— «Машинасозлик технологияси бўйича русча-ўзбекча лугат», Тошкент, 1973.
<i>ПРУЛ</i>	— «Пахтачиликдан русча-ўзбекча лугат», Тошкент, 1966.
<i>ТМА</i>	— «Тракторлар курсидан назарий ўқитиш методикаси», Тошкент, 1971.
<i>ФТ</i>	— «Фан ва турмуш», журнал.
<i>ЯТ</i>	— «Янги техника», реферативный журнал.

А. Д. ГРАЧ

О ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «„ДРЕВНЕТЮРКСКИХ” НЕУРЯДИЦАХ»

В разделе «Дискуссии и обсуждения» журнала «Советская тюркология» (1977, № 5, стр. 44—46) была опубликована статья Л. Р. Кызласова «„Древнетюркские” неурядицы», содержащая резкую критику предложенной мною интерпретации группы памятников древнетюркского времени, обнаруженных в Туве — у северной границы котловины Больших Озер Монголии¹. В этой же статье критике подверглись тюркологи-лингвисты покойный И. А. Батманов — профессор, академик Академии наук Киргизской ССР и З. Б. Арагачи (Чадамба) — старший научный сотрудник Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, охарактеризованные автором статьи как лица, по меньшей мере недостаточно компетентные. В интересах восстановления научной истины я вынужден выступить с настоящим ответом.

Л. Р. Кызласов категорически отвергает предложенную нами датировку комплекса Хачы-Хову древнетюркским временем и относит его ко времени «уюкской» культуры, то есть к скифскому времени.

Комплекс Хачы-Хову включает две примыкающие друг к другу подчетыреугольные оградки, внутри которых установлены стелы с высеченными на них знаками и изображениями².

¹ Л. Р. Кызласов утверждает, что нами был обследован комплекс Хачы-Хову, якобы обнаруженный им в 1957 году. В действительности памятники эти были впервые обследованы нами в 1955 году (см.: А. Д. Грач. Дневник полевых исследований 1955 г., Тувинский отряд Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР. Архив Ленинградской части ИЭ АН СССР, ф. К-1, д. 559, лл. 28—29, рис. 28). В первом обследовании памятников принимал участие М. Х. Маннай-оол — тогда студент исторического факультета ЛГУ, ныне кандидат исторических наук, заведующий сектором истории ТНИИЯЛИ, в течение многих лет бывший начальником различных археологических экспедиций ТНИИЯЛИ. В 1961 году комплекс в долине Хачы-Хову был нами полностью раскопан, а затем и опубликован (см.: А. Д. Грач. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии. — «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 207—213). Что же касается «открытия» этих памятников Л. Р. Кызласовым, то состоялось оно значительно позднее, после первого их обследования, ибо результаты работ 1955 года были доложены нами на пленуме, посвященном итогам археологических исследований, состоявшемся в Ленинграде в апреле 1956 года, на котором присутствовал и сам Л. Р. Кызласов. Повторное же «открытие» комплекса в долине Хачы-Хову Л. Р. Кызласовым, по его собственным словам, состоялось лишь в 1957 году.

² В упомянутой статье Л. Р. Кызласова неточны почти все приводимые им данные о размерах памятников: размеры северо-восточной оградки не 2.1×1.6 м, а 2.38×1.5 м, высота установленной в ней стелы (от дневной поверхности) не 1.75 м, а 1.81 м, размеры стелы по сечению не 0.4×0.3 м, а 0.48×0.24 м, размеры юго-западной оградки не 2.2×1.7 м, а 1.85×1.63 м, высота установленной в ней стелы (от дневной поверхности) не 2.4 м, а 2.38 м, размеры стелы по сечению не 0.64×0.4 м, а 0.7×0.4 м. К тому же рассматриваемый комплекс находится не в 12, а в 10 км к северо-востоку от поселка Саглы (Кызыл-Тей).

Относя этот комплекс к древнетюркскому времени — к ранней его поре (VI—VII века нашей эры), мы исходили из сообщений письменных источников о господстве обряда трупосожжения в этот период, из того, что изображения на стелах относятся к древнетюркскому времени, из явных линий связи между каганскими комплексами на Орхоне и памятниками тюркской местной знати, исследованными нами в долине Хачы-Хову и в верховьях Хемчика. При этом хронологический разрыв между орхонскими и тувинскими комплексами говорил лишь о том, что определенные традиции I каганата сохранялись и во времена II каганата.

Нами при этом учитывалось то обстоятельство, что тамгообразная фигура горного козла, высеченная на верхней части стелы I в Хачы-Хову (подобно тому, как это было на стелах Бильге-кагана и Кюль-Тегина), относится к особому кругу изображений, датируемых древнетюркским временем. Такая хронология этих изображений, обоснованная в целом ряде наших работ³, была поддержана многими исследователями⁴. Этим же временем некогда датировал подобные изображения и сам Л. Р. Кызласов⁵. Впоследствии он изменил точку зрения⁶, нигде, впрочем, не разъяснив причины такой перемены своего мнения.

Какие же доводы приводятся Л. Р. Кызласовым в качестве основания передатировки комплекса Хачы-Хову и подобных ему памятников?

Общее значение имеет вопрос об изображении в виде «сдвоенных треугольников». Л. Р. Кызласов пишет, что это изображение «...напоминающее спаренные секиры или боевой молот с ручкой, подобный найденному нами (Л. Р. Кызласовым. — А. Г.) в одной из цист могильника Шанчиг (VII—VI вв. до н. э.)» (стр. 44). Однако довольно трудно представить, каким образом «сдвоенные секиры» могут одновременно напоминать боевой молот. Если же говорить конкретно о шанчигском молоте, то достаточно обратиться к публикации⁷, чтобы убедиться в том, что его конфигурация не имеет ничего общего с очертаниями знака, высеченного на стелах в Хачы-Хову.

³ См., например: А. Д. Грач. Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла. — «Тюркологический сборник, 1972». М., 1973, стр. 316—333.

⁴ См.: В. А. Ранов. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар (Западный Памир). — «Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР», вып. I (22). Душанбе, 1960, стр. 26—27; его же. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте. — «Искусство таджикского народа», вып. II. Сталинабад, 1960, стр. 125—126; А. Г. Максимова. Наскальные изображения ущелья Тамгалы. — «Вестник АН Казахской ССР», 1958, № 9 (162), стр. 110; Д. Дорж. К истории изучения наскальных изображений Монголии. — «Монгольский археологический сборник». М., 1962, стр. 50, 53—54; С. И. Вайнштейн. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956—1957 гг. — «Ученые записки ТНУИЯЛИ», вып. VI. Кызыл, 1958, стр. 226; Д. Г. Савинов. Наскальные изображения Центральной Азии и Южной Сибири (некоторые общие вопросы изучения). — «Вестник ЛГУ», № 20, вып. 4. Л., 1964, стр. 143—145; его же. Вопросы изучения петроглифов древнетюркского времени Центральной и Средней Азии. — «Тюркологическая конференция в Ленинграде. Филология и история тюркских народов (Тезисы докладов)». Л., 1967, стр. 69; А. П. Окладников. Новое в изучении древнейших культур Монголии (по работам 1960 года). — «Советская этнография», 1962, № 1, стр. 90; А. А. Формозов. Очерки по первобытному искусству (Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР). М., 1969, стр. 76; В. Е. Ларичев. Азия далекая и таинственная (Очерки путешествия за древностями по Монголии). Новосибирск, 1968, стр. 255—256.

⁵ Л. Р. Кызласов. Исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1955 гг. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. II. М., 1959, стр. 215; его же. О связях киргизов Енисея и Тянь-Шаня. — «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», т. III. Фрунзе, 1959, стр. 108.

⁶ Л. Р. Кызласов. Тува в период тюркского каганата (VI—VIII вв.). — «Вестник МГУ», серия IX, 1960, № 1, стр. 69.

⁷ М. Х. Маннай-оол. Тува в скифское время (уюкская культура). М., 1970, рис. 4, 2.

Датировка комплекса Хачы-Хову временем «уюкской» культуры предлагается Л. Р. Кызласовым еще и на том основании, что «совершенно аналогичные изображения козлов, тамгообразных знаков, „се-кир“ или спаренных треугольников нередко встречаются на оленных камнях и на стелах, стоящих внутри оградок на территориях Монголии и Тувы» (стр. 44). Необходимо, во-первых, со всей ясностью указать, что оленные камни и стелы, установленные внутри оград, относятся к совершенно разным категориям памятников. Во-вторых, если говорить об оленных камнях, то легко убедиться, что изображения на стелах из Хачы-Хову и изображения на оленных камнях ни в чем не совпадают. Очевидно, именно этим объясняется то, что Л. Р. Кызласов «не заметил» сцену охоты на стеле I, ибо подобные сцены вообще не характерны для оленных камней. Что же касается ссылок, которые даются Л. Р. Кызласовым на работы авторов, исследовавших и публиковавших оленные камни, то проверка этих ссылок не подтверждает их правомерности; если даже считать, что фигура на подземной части оленного камня из Сосновки Тандинского района Тувы⁸ представляет собой изображение горного козла, то нетрудно обнаружить, что она не имеет ничего общего с фигурой горного козла на стеле I из Хачы-Хову (расположенной, кстати, на вечной части стелы, что весьма важно!); изображение на оленном камне из Завханского аймака МНР, опубликованное В. В. Волковым⁹, не имеет никакого сходства со знаком в виде спаренных треугольников; стелы со знаками из Цаган-Гола (Монгольский Алтай), опубликованные И. Г. Гранэ¹⁰, не относятся к числу оленных камней и, следовательно, не указывают на принадлежность комплекса Хачы-Хову к скифскому времени.

Непонятны ссылки на работу Ю. Б. Симченко «Тамги народов Сибири XVII века», очень ценную в своей области, однако не имеющую отношения к оленным камням. Изображения же в таблицах, на которые ссылается Л. Р. Кызласов¹¹, принадлежат вогулам XVII века и, к тому же, среди них нет ни одного, в чем-то сходного с изображениями на стелах из Хачы-Хову. И поэтому опасения Л. Р. Кызласова, что «курьезное происшествие» со стелами из Хачы-Хову якобы может привести «в дальнейшем к ошибкам как в археологии, так и в тюркологии» (стр. 45), представляются совершенно напрасными.

Неправомерно и утверждение Л. Р. Кызласова, что в кольцевых выкладках находились кальцинированные кости животных, свидетельствующие о том, что это «...остатки жертвенно-поминальных костров, на которых уюкцы сжигали мясо жертвенных животных» (стр. 46), а не погребения с трупосожжением. В выкладках (как в Хачы-Хову, так и в верховьях Хемчика) были обнаружены фрагменты именно кальцинированных человеческих костей, и это в свое время было установлено Сектором антропологии Института этнографии Академии наук СССР. К тому же общеизвестно, что следы костров, на которых сжигалось бы мясо жертвенных животных, никогда не обнаруживались в археологических комплексах скифского времени Тувы.

⁸ М. Х. Маннай-оол. Указ. раб., рис. 2, 4.

⁹ В. В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, рис. 24, 1.

¹⁰ I. G. Granö. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und Nordwestmongolei im Jahre 1909. — «Journal de la Societe Finno-Ougrienne», XXVIII. Helsinki, 1912, табл. X—XI.

¹¹ Ю. Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965, табл. 9, 19, 65.

Подробные данные о раскопках комплекса Хачы-Хову опубликованы в моей, упоминавшейся выше, работе о древнетюркских комплексах с трупосожжением и сопутствующих этим комплексам поминальных сооружений.

Обращает на себя внимание и неточность в цитировании Л. Р. Кызласовым тюркологических трудов. Так, Л. Р. Кызласов пишет: «Как установил Дж. Клосон, знак в виде спаренных треугольников в древнетюркском руническом алфавите отсутствовал. Не включил его в таблицу орхоно-енисейских рун и А. М. Щербак (здесь следуют ссылки на работы Дж. Клосона и А. М. Щербака. — А. Г.). Очевидно, что в данном случае ни о каких древнетюркских надписях не может быть и речи» (стр. 45).

Обратившись к работам А. М. Щербака и Дж. Клосона, мы обнаруживаем там нечто совершенно обратное. Так, А. М. Щербак, в частности, пишет следующее: «Особенно часто вносятся коррективы в чтение знака |>|. В. Банг рассматривал его как идеограмму для *баш* в значении „голова, вершина горы“, Р. Жиро считал указанный знак своеобразной лигатурой, передающей сочетание *ча* (*чӑ*), а Дж. Клосон — лигатурой, передающей сочетание *лӑк* или *пӑк*»¹². Таким образом, А. М. Щербак вовсе не исключает упомянутый знак из числа начертаний древнетюркской письменности, а в сопоставительную таблицу он не включает его, по-видимому, из-за наличия разночтений.

Что же касается Дж. Клосона, то он включил этот знак в таблицу реально существовавших знаков древнетюркской письменности, но объяснил его иначе, чем в большинстве тюркологических работ, считая лигатурой, то есть сочетанием следующих друг за другом двух знаков¹³.

Л. Р. Кызласов почему-то не упоминает и о том, что знак, который он стремится исключить из числа начертаний древнетюркского рунического письма, присутствует и в таблице С. Е. Малова¹⁴. О принадлежности этого знака к древнетюркскому алфавиту говорилось и на страницах специальных республиканских изданий¹⁵. Присутствует этот знак и в нормативной грамматике Т. Текина¹⁶.

Вывод из всего изложенного может быть только один. Стремление Л. Р. Кызласова перенести раннюю группу памятников древнетюркского времени в другую историческую эпоху ничем не оправдано и бездоказательно.

¹² А. М. Щербак. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения. — «Тюркологический сборник. 1970». М., 1970, стр. 125—126.

¹³ Gerald Clauson. The Origin Turkish «Runic» Alphabet. — «Acta Orientalia», t. XXXII, 1970, стр. 51—76 (табл. на стр. 75).

¹⁴ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности (Тексты и исследования). М.—Л., 1951, табл. на стр. 17.

¹⁵ А. С. Аманжолов. Графика таласских, енисейских и орхонских надписей. — «Казак тіл мен әдебиеті», вып. 3. Алма-Ата, 1973, стр. 20, табл. II.

¹⁶ T. Tekin. Grammar of Orkhon Turkic. Bloomington, 1969, стр. 25.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Н. ДЖ. АБДУЛЛАЕВА

К ПРОБЛЕМЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ СИНОНИМИИ

(НА МАТЕРИАЛЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Синтаксическая синонимия представляет собой весьма сложное и многогранное явление, имеющее свою специфику в пределах каждого типа синтаксических единиц¹.

Синтаксические синонимы могут изучаться путем сопоставления конструкций, что позволяет установить существование между ними синонимических связей. При этом объектом сравнения являются не выражаемые мысли, а грамматические значения. При изучении синонимии сопоставляются такие конструкции, в образовании которых участвуют специфические для данного языка синтаксические средства. Такой подход предполагает изучение синтаксических структур с точки зрения их лексического наполнения. Так, в предложениях: *Үзүндәки ифадәдән мә'лум иди ки, о кетмәк истәјир* (Ә. Вәлијев) 'По выражению его лица было видно, что он хочет уйти' — *Онун кетмәк истәмәси үзүндәки ифадә'ән мә'лум иди* 'Желание уйти было видно по выражению его лица' обнаруживается близость грамматических значений, при этом в каждом из предложений сопоставляемые части поясняют сказуемое посредством синтаксической связи.

Исследователи при определении синтаксической синонимии на первый план выдвигают близость грамматических значений, однако такие вопросы, как: что такое грамматическое значение? каковы средства его выражения? и т. д., остаются невыясненными. Как известно, материалистическая диалектика требует рассмотрения явлений в их взаимосвязи и взаимной обусловленности. Кроме того, все явления должны исследоваться с точки зрения динамики их изменения и развития. Эти общеметодологические принципы и следует брать за основу при изучении грамматического значения, грамматических категорий и форм, а также средств выражения грамматических значений. Безусловно, в грамматических значениях находят отражение существующие объективные отношения и связи с действительностью, независимо от языкового сознания.

В языке грамматическое значение выражается грамматической категорией. Оно не заложено в самих лексических единицах, а проявляется лишь в их формах. Грамматические формы составляют материальную

¹ М. Ф. Палевская. Синонимы в русском языке. М., 1964, стр. 98.

основу грамматических категорий, сводящихся к совокупности однородных грамматических явлений².

Грамматические категории являются категориями историческими, возникающими в определенный период развития мышления и языка. Посредством своих формальных признаков они конкретизируют отражение объективной действительности в сознании человека. Эти категории связаны с законами внутреннего развития языка и, в свою очередь, изменяются. Грамматическая категория, возникающая на основе синтаксиса, приобретает специфическую систему форм. Каждая категория имеет физический, философский и лингвистический аспекты. Лингвистическая категория представляет собой совокупность всех средств и способов выражения в языке сущности физической и философской категорий. Лингвистический аспект подчинен физическому и философскому аспектам, поскольку последние выражаются с помощью языка, и их изменение оказывает влияние на лингвистическую категорию.

Важнейшими ингредиентами лингвистического аспекта категорий причины и следствия являются морфологические и синтаксические способы их выражения. К морфологическим средствам выражения категорий причины и следствия относятся, в частности, деепричастия и служебные части речи. Синтаксическими средствами выражения причины и следствия чаще всего являются глагольные обороты, в том числе послеложные, а также сложноподчиненные предложения. При синтаксических способах выражения указанных категорий используются практически все имеющиеся языковые элементы передачи грамматических значений; например: *Мән онун јахынлашдыгыны көрүб дајандым* (М. Нүсејн) 'Увидев его приближение, я остановился' — *Мән онун јахынлашдыгыны көрдүјүм үчүн дајандым* 'Я остановился, потому что увидел его приближение' — *Мән она көрө дајандым ки, онун јахынлашдыгыны көрдүм* 'Я остановился потому, что увидел, как он приближается'.

Данная категория обозначает отношения между членом предложения и сказуемым, а также между придаточным и главным предложениями. То, что классификация сложноподчиненных предложений проводится на основе именно членов предложения, вовсе не случайно. Такая классификация закономерно вытекает из взаимоотношений главного и придаточного предложений. Аналогичные отношения³ существуют и между сказуемым и членом предложения, выраженным глагольным оборотом. Потому-то и отмечается определенное сходство или близость между глагольными оборотами и придаточными предложениями. Именно эта общность и позволяет объединить последние в одном синонимическом ряду. «Отношение, выражаемое в простом предложении его членами, в сложном предложении (в сложной форме) выражается придаточным предложением. Например: отношение причины—следствия может выражаться простым предложением, простым предложением с глагольным оборотом и сложноподчиненным предложением»⁴.

² О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, стр. 191; Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969, стр. 5; Н. Маммадов, А. Ахундов. Дилчиликте кириш. Баку, 1966, стр. 94; *их же*. Азербайжан дилчилијинин назари эсаслары. Баку, 1971, стр. 196—197; М. Нүсејзаде. Мүасир Азербайжан дили. Баку, 1973, стр. 17—18; Н. К. Дмитриев. Умуми грамматик категоријалар. — «Азербайжан дилинин грамматикасы». Баку, 1951, стр. 89.

³ Подразумеваются взаимоотношения двух центров: члена предложения, выраженного глагольным оборотом, и сказуемого в простом предложении, или придаточного и главного предложений в сложноподчиненном предложении.

⁴ Э. Абдуллаев. Мүасир Азербайжан дилинде табели мурәккәб чүмләр. Баку, 1974, стр. 156.

Л. С. Бархударов, отмечающий классификации синтактико-семантических отношений в предложении, принадлежащие У. Чейфу⁵ и Ч. Филлмору⁶, как перспективные, считает, что типы синтаксических отношений между лексемами в глубинной структуре предложения должны определяться такими терминами, как «действие и его субъект», «действие и его объект», «субстанция и ее признак» и др.⁷

При установлении синтаксических синонимов решающими представляются нижеследующие моменты.

1. Синтаксическая синонимия основывается на семантической близости синтаксических единиц, включающих также грамматические значения лексем и морфем. Остановимся на примерах: 1) *Өзүнү итирэн Муршуд түфәнкини галдырмаг истәјирди ки, Исмајыл гүввәтли зәрбә илә вуруб түфәнки онун әлиндән салды* (журнал «Улдуз», Баки, 1974, № 10, стр. 26) 'Растерявшийся Мюршид только хотел поднять свое ружье, как Исмаил сильным ударом выбил ружье из его рук'; 1а) *Өзүнү итирэн Муршуд түфәнкини галдырмаг истәдикдә Исмајыл гүввәтли зәрбә илә вуруб онун әлиндән салды* 'Когда растерявшийся Мюршид захотел поднять свое ружье, Исмаил сильным ударом выбил (ружье) из его рук'. 2) *Чөлдә гијамәт гопса да, сән евдә ағзына сөз алыб данышмазсан* (А. Шаиг) 'Хоть на улице будет столпотворение, — ты в доме и рта не раскроешь'; 2а) *О вахтдан јарым әср кечдијинә бахмајараг, бүтүн әһвалат Гафар дајынын јадында галмышдыр* 'Хотя с той поры прошло полвека, все события дядя Гафар помнил'.

Поскольку в первом примере между придаточным предложением (*өзүнү итирэн Муршуд түфәнкини галдырмаг истәјирди*) и деепричастным оборотом (*өзүнү итирэн Муршуд түфәнкини галдырмаг истәдикдә*) с формой на *-дикдә*, выражающими временные отношения, а во втором примере между придаточным предложением (*чөлдә гијамәт гопса да*) и глагольным оборотом (*о вахтдан јарым әср кечдијинә бахмајараг*), выражающими отношения противительности, существует общность грамматических значений — постольку эти конструкции могут образовывать синонимический ряд. Общность грамматических значений синтаксических конструкций является главным фактором, позволяющим объединять их в синонимический ряд.

Грамматические категории могут выражать несколько значений. Подобно тому, как многозначные слова принимают конкретное значение в определенном контексте, частное значение грамматической категории также реализуется в зависимости от лексической семантики слова, глагольной формы сказуемого и т. д. Например, деепричастия на *-ыб* и *-араг* выражают значения причины и образа действия: *Аслан бир нечә жулләнин лап гулағы дибиндән выјылты илә кечдијини дујараг јерә јатды* (С. Вәлијев) 'Аслан, почувствовав, как у самого его уха просвистело несколько пуль, припал к земле'; *Бригадир гоча устанын чавабыны баша дүшүб башыны синәсинә ендирди* (М. Нүсәји) 'Бригадир, поняв ответ старого мастера, низко опустил голову'.

В приведенных примерах формы деепричастия на *-ыб* и *-араг*, образованные от глаголов мышления, выражают причинное отношение и, таким образом, составляют синонимический ряд. Те же деепричастные

⁵ У. Чейф. Значение и структура языка. М., 1975.

⁶ Ch. Fillmore. A case for case «Universals in linguistic theory», ed. by E. Bach and R. Harms. New York, 1968.

⁷ Л. С. Бархударов. Предложение в трактовке различных грамматических направлений. — «Вопросы языкознания», 1976, № 3, стр. 99.

аффиксы, присоединяясь к глаголам действия, выражают значение образа действия; например: *Голларыны башынын алтында чарпазлајыб, архасы үстө диванда узанмыш Таранэ көзләрини тавана зилләјәрэк фикрә далмышды* (С. Гәдирзадә) 'Таранэ, лежавшая на спине на диване, скрестив руки под головой, задумалась, устремив глаза в потолок'; *Онларын һамысы кедәндән сонра мән зәрфи чантамдан чыхарыб өзүнә гајтардым* (М. Нүсејн) 'После того, как все они ушли, я вытащил конверт из сумки и вернул ему'.

При наличии придаточных предложений изменение грамматического значения связано с глагольными категориями.

2. Синонимические конструкции должны различаться по своей структуре; например: *Мән гапыны ачдыгда телефон зәнк чалды* (М. Нүсејн) 'Когда я открывал дверь, раздался телефонный звонок' — *Мән гапыны ачан кими, телефон зәнк чалды* 'Как только я открыл дверь, зазвонил телефон' — *Мән гапыны ачырдым ки, телефон зәнк чалды* 'Я только открыл дверь, как зазвонил телефон'. Для всех этих предложений характерна общность временных отношений. Однако в первом предложении временное значение выражено деепричастным оборотом, во втором — послеложным причастным оборотом, а в третьем — придаточным предложением. Хотя во всех этих конструкциях, относящихся к различным синтаксическим категориям, выражено временное отношение, каждая из них обладает определенной спецификой.

Различительными признаками в структуре этих предложений являются следующие особенности: в первом предложении временное отношение выражается связью между деепричастием на *-дыгда* и сказуемым в форме прошедшего категорического времени изъявительного наклонения, во втором предложении — связью между причастием на *-ан* с послелогом *кими* и тем же сказуемым и, наконец, в третьем предложении — сказуемым придаточного предложения в форме определенного имперфекта.

Может возникнуть вопрос, в какой мере целесообразно опираться на морфологические категории при анализе синтаксических явлений? Прежде всего, следует иметь в виду, что элементы грамматической структуры, позволяющие облечь результаты абстрагирующей деятельности человеческого мышления в материальную форму языка, являются продуктом длительного исторического развития. С этой точки зрения вспомогательные слова и морфологические категории, образованные из знаменательных слов, хотя и потеряли свою самостоятельность, однако в определенной степени содержат в себе первичное значение. Принадлежа уже синтаксису, это значение дифференцируется лишь в зависимости от роли того или иного слова в составе словосочетания и предложения в целом. Именно в этом плане необходимо опираться на морфологические категории, поскольку грамматическое значение в рамках синтаксической синонимии создается вспомогательными словами и словоизменительными аффиксами.

Синонимию невозможно представить только как общность. Общность и различие — две ее неразделимые стороны, которые могут быть квалифицированы как единство неразрывно связанных противоположностей, одновременно взаимоисключающих и обуславливающих друг друга. Различие между единицами, выражающими общее грамматическое значение, определяется их внутренней природой.

В синтаксических синонимах общность грамматического значения и различие структуры составляют диалектическое единство формы и содержания.

Синонимия глагольного оборота и придаточного предложения создается их синтактико-семантической общностью в передаче определен-

ной информации. Синонимия возникает отнюдь не между всеми членами предложения и не между всеми членами и соответствующими придаточными предложениями. Только при тождестве содержания и близости грамматических значений те или иные синтаксические единицы могут быть включены в один синонимический ряд. Поэтому не всякий член предложения, а только лишь глагольные обороты и придаточные предложения обладают синонимическими возможностями.

Как глагольные обороты, так и придаточные предложения строятся на основе законов внутреннего развития языка. Они представляют собой синтаксические категории, обозначающие отношения, существующие в реальной действительности (причину, цель, время, субъект, объект и т. д.). Одна и та же мысль, одно и то же содержание и грамматическое значение могут быть выражены как глагольным оборотом, так и придаточным предложением, но не в изолированном употреблении, а в составе предложения.

Наряду с указанными сходными чертами, между глагольными оборотами и придаточными предложениями имеются и существенные различия. Глагольный оборот передает явления и процессы в несколько статичной форме, тогда как придаточное предложение обладает эксплицитно выраженной предикативностью.

Глагольный оборот — подчиненный компонент в составе предложения, придаточное же предложение находится в зависимости только от главной части сложного предложения. В глагольных оборотах общий показатель основного грамматического значения представлен послелогами, аффиксами падежа и категории принадлежности при глагольной форме, образующей центр оборота, а в сложноподчиненных предложениях — союзами и относительными словами. В сложноподчиненном предложении грамматическое значение выражается дважды: в главном предложении местоимением и в придаточном — относительным словом.

По сравнению с глагольным оборотом сложноподчиненное предложение имеет больше вариантов. Поэтому придаточное предложение способно точнее выражать то или иное значение, нежели глагольный оборот. Еще Ф. Корш, сопоставляя глагольные обороты с придаточными предложениями, отдавал предпочтение последним, как более точно выражающим мысль⁸.

3. Синонимические конструкции должны различаться оттенками грамматического значения. Сравним следующие примеры: *Мирзэли, тэ-лабэлэрлэ көрүшэндэ бу эһвалатлары онлара да сөйләмәји хаһиши едирәм* 'Мирзали, прошу при встрече со студентами им тоже рассказать об этих событиях' — *Мирзэли, хаһиши едирәм ки, тэлэбэ јолдашларла көрүшэндэ бу эһвалатлары онлара да сөйлэ* (журнал «Улдуз», 1974, № 10, стр. 16) 'Мирзали, прошу, когда увидишься с товарищами студентами, расскажи и им об этих событиях'; *Мәммәдханн сөзү гуртармамышды ки, нөвбәтчи онун элини сыхды вә јолу көстәрди* (журнал «Улдуз», 1974, № 10, стр. 14) 'Едва успел Мамедхан договорить, как дежурный пожал ему руку и показал дорогу'; *Адамлар кәләнәчән дәрәләшә биләрик* (журнал «Улдуз», 1974, № 10, стр. 19) 'До прихода людей мы можем отвести душу'.

В приведенных примерах первые варианты характерны для литературного, а вторые — для разговорного языка.

Грамматические значения характеризуются тонкими различиями. Остановимся на примерах: 1) *Һамы инди бурада вә үрәк сөзүнү дедији*

⁸ Ф. Корш. Способы относительного подчинения (глава из сравнительного синтаксиса). М., 1877, стр. 36.

һалда, о сусурду 'В то время как все теперь здесь говорили откровенно, он молчал'; 1а) *һамынди бурада өз үрәк сөзүнү дедијинә бахмајараг, о сусурду* 'Вопреки тому, что все теперь здесь говорили откровенно, он молчал'; 1б) *һамы инди бурада өз үрәк сөзүнү дејирдисә дә, о сусурду* (М. Һүсејн) 'И хотя все теперь здесь откровенничали, он молчал'.

Несмотря на то, что все три приведенные конструкции передают одно и то же противительное отношение, они различаются по степени его выражения. В обороте с *һалда* противопоставление выражено слабее, чем в обороте с *бахмајараг*. Конструкции 1 и 1а употребляются в научном и художественном стилях, а 1б — большей частью в разговорном языке.

4. В конструкциях, образующих синонимический ряд, совпадают: а) либо основные грамматические значения, б) либо вторичное значение одной конструкции — с основным значением другой. Приведем примеры: 1) *Чаван оглан ананын ајагларыны гучаглајыб, јалварды ки, мәнә көмәјин дәјсин* (Ә. Вәлијев) 'Юноша, обняв ноги матери, умолял, чтобы она ему оказала помощь'; 1а) *Кәндиләр Мәммәдханым башы гарышсын дејә мараглы әһвалатлар нәгг едирдиләр* (журнал «Улдуз», 1974, № 10, стр. 13) 'Сельчане, чтобы отвлечь Мамедхана, рассказывали интересные истории'. 2) *Райкомун катиби илә РИК сәдри, Исламы биркә гәбул едәрәк мәсләһәт билдиләр ки, колхозун сәдрлијини бојнуна көтүрсүн* (М. Әлијев) 'Секретарь райкома и председатель РИК, совместно приняв Ислама, рекомендовали ему согласиться взять на себя (обязанности) председателя колхоза'; 2а) *Райкомун катиби илә РИК сәдри, Исламы биркә гәбул едәрәк колхозун сәдрлијини бојнуна көтүрмәсини хаһиш етдиләр* 'Секретарь райкома и председатель РИК, совместно приняв Ислама, попросили его, чтобы он взял на себя (обязанности) председателя колхоза'.

В приведенных примерах основное грамматическое значение придаточного предложения (*мәнә көмәјин дәјсин* и *колхозун сәдрлијини бојнуна көтүрсүн*) совпадает с основным грамматическим значением глагольного оборота (*Мәммәдханым башы гарышсын дејә* и *колхозун сәдрлијини бојнуна көтүрмәсини*).

Различение первичных и вторичных значений очень важно для синтаксической синонимии, поскольку основное значение одной грамматической единицы может совпадать с побочным значением другой. Это наблюдается главным образом при сопоставлении глагольных оборотов и придаточных предложений; например: *О, оглунун шәһәрдә позулачагындан горхуб (горхдуғу үчүн, горхдуғуна көрә) ону кәндә гајтарды* (С. Вәлијев) 'Он, опасаясь (из-за опасения, по причине опасения), что сын в городе совратится, вернул его в село'; *Әһмәд бир јердә гәрар тута билмәјәрәк (билмәдији үчүн, билмәдијинә көрә) каһ далана кирир, каһ да кул дашыјана көстәриш верирди* (М. Сүлејманов) 'Ахмед, не находя себе места, то заходил в тупик, то давал указания разносчику цветов'.

Здесь вторичное значение деепричастного оборота (как известно, основное значение его — образ действия) сближается с главным значением послеложного причастного оборота.

5. В синонимических конструкциях главную роль играют грамматические показатели, от которых зависят оттенки выражаемых значений. Так, при одном и том же морфологическом оформлении предложения с изменением грамматического показателя изменяется и значение; например: *Мушкүназ кетмәк истәјирди ки, һәким она јахынлашды* (Ә. Аббасгулијев) 'Мюшкюназ только хотела идти, как врач подошел к ней'; *Мушкүназ кетмәк истәјирди ки, һәким она јахынлашсын* 'Мюшкюназ хотела пойти, чтобы врач подошел к ней'.

6. Большинство исследователей считает одним из основных критериев синонимии способность единиц к взаимозаменяемости (В. П. Сухотин, И. А. Гвоздев, И. М. Жилин, С. Е. Никитина, В. Белова). Некоторые же относятся к этому критерию критически, считая, что его роль ограничена (Е. И. Шендельс, И. П. Иванова, В. Н. Ярцева, Э. М. Береговская, Т. И. Орловская, И. Н. Гаврилина, С. Т. Бережан, Г. Ф. Татарникова). Возможность взаимозаменяемости позволяет конструкции приобретать новые оттенки значения. С этой точки зрения принцип взаимной замены синонимичных единиц представляется вполне приемлемым, хотя и не исключает эмоционально-экспрессивных стилистических различий между синонимами. В то же время взаимозаменяемость не может считаться решающим фактором установления синонимии, так как заменять друг друга могут лишь синтаксические конструкции с общностью как содержания, так и грамматического значения; например: 1) *Көзләјирди ки, чамаат эл сахласын, данышмаг үчүн она имкан версин* (И. Мәликзадә) 'Ждал, чтобы народ успокоился, дал ему возможность говорить'; 1а) *Чамаатын эл сахламасыны, данышмаг үчүн она имкан вермәсини көзләјирди* 'Ждал, чтобы народ успокоился, дал ему возможность говорить'. 2) *Гачај севинирди ки, мебел һарадаса ләнкијир* (И. Мәликзадә) 'Гачай радовался, что мебель где-то задерживается'; 2а) *Мебелин һарадаса ләнкидијинә көрә Гачај севинирди* 'Гачай радовался, что мебель где-то задерживается'. 3) *Мә'лум олду ки, Пәнаһ гызла көрүшмәјиб* (И. Мәликзадә) 'Оказалось, что Панах не виделся с девушкой'; 3а) *Пәнаһын гызла көрүшмәдији мә'лум олду* 'Оказалось, что Панах не виделся с девушкой'.

В приведенных примерах между придаточными предложениями и глагольными оборотами существует не только общность содержания, но и общность грамматического значения, являющаяся главным признаком синтаксической синонимии. В предложениях *Онун јудугу дасмалы бәјәнмәдим* 'Мне не понравилось выстиранное ею полотенце' и *Онун јудугу дасмал мәним хошума кәлмәди* 'Мне не понравилось выстиранное ею полотенце' содержание тождественно, хотя общность грамматического значения и отсутствует: одна и та же мысль в первом примере выражена односоставным предложением, во втором — двусоставным. Данные предложения различаются структурно, то есть в них отсутствует совпадение грамматических значений, что препятствует их включению в один синонимический ряд.

Таким образом, можно заключить, что общность содержания релевантна лишь для трансформационного потенциала, но не для синтаксической синонимии, где эта общность служит скорее чисто экспериментально-эвристическим, а не теоретическим целям. Синонимия синтаксических единиц базируется на тождестве грамматического значения, семиологически сопряженном с различием синтаксических структур.

В. Э. ШЕРЕП

К ПРОБЛЕМЕ ПОСЛЕЛОГА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В лингвистике существуют различные определения понятия «последлог». Д. В. Бубрих, например, определяет его так: «В коми языке есть служебные слова, которые следуют за именами существительными или местоимениями, „округляя“ их как члены предложения и играя ту же роль, что суффиксы или сочетания суффиксов»¹.

У Н. П. Дыренковой эта же точка зрения выражена еще конкретнее: «Последлогами называются слова-аффиксы, не имеющие самостоятельного значения... Подобно аффиксам они выражают, сочетаясь с именем, различные пространственные отношения и занимают место после имени»². Это определение, возможно, слишком категорично, и поэтому, на наш взгляд, следует согласиться с Ф. Р. Зейналовым, отмечающим, что иногда аффиксы направительного падежа служат грамматическим выражением пространственных отношений. То же самое выражают последлоги. Но эта синонимичность не носит всеобъемлющего характера. Кроме того, падежные окончания не всегда охватывают все те оттенки значений, которые выражаются последлогами³.

Иное определение последлогов можно найти у Н. К. Дмитриева: «Последлогом называется неизменяемая часть речи, которая выражает отношения между предметами и управляет каким-либо падежом имен (существительных, прилагательных, числительных, местоимений) и тех из глагольных форм, которые представляют известный переход к именам»⁴. Еще более обстоятельное определение приводится В. А. Исенгалиевой: «Служебная часть речи, способствующая более полному выражению мысли, обозначающая различные отношения между предметами или действиями и предметами, называется последлогом»⁵.

Наиболее убедительной нам представляется точка зрения Ф. Р. Зейналова: «Последлоги — вспомогательная категория, служащая для выражения различных синтаксических отношений имен либо имени с глаголом. Единицы, входящие в эту группу, способствуют дополнению, обогащению содержания основных частей речи в том или другом отношении»⁶.

¹ Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л., 1949, стр. 165.

² Н. П. Дыренкова. Грамматика ойротского языка. М.—Л., 1940, стр. 215.

³ Ф. Р. Зейналов. Служебные части речи в современных тюркских языках. Автореф. докт. дисс. Баку, 1966, стр. 30.

⁴ Н. К. Дмитриев. Грамматика кумыкского языка. М.—Л., 1940, стр. 88, 183.

⁵ В. А. Исенгалиева. Служебные имена и последлоги в казахском языке. Алма-Ата, 1957, стр. 85.

⁶ Ф. Р. Зейналов. Указ. раб., стр. 29.

Послелогои выражают различные синтаксические отношения, имеют неодинаковое происхождение и требуют разного оформления слов, отношения которых в предложении при их помощи выражаются. В основе классификации послелогов обычно лежит один из этих признаков: 1) по синтаксическому признаку, то есть по падежам, с которыми употребляются послелогои (Н. К. Дмитриев, Э. Н. Наджип, Б. К. Пашков, Ю. Н. Мазур, М. С. Андронов, М. И. Исаев и др.); 2) по грамматическим отношениям, выражаемым послелогоми (Н. А. Баскаков, Г. Секхар, Ю. Я. Глазов, Т. Е. Катенина, Ю. А. Смирнов, Т. Н. Пахалина, Б. Х. Тодаева, В. Д. Бабакаев и др.); 3) по происхождению (Дж. Мураталиева, А. Н. Кононов, Е. И. Убрятова, А. Л. Хромов). Так, Дж. Мураталиева выделяет: а) послелогои именного происхождения; б) послелогои глагольного происхождения; в) послелогои, этимология которых нуждается в выяснении⁷. Е. И. Убрятова делит послелогои на: а) послелогои именного происхождения; б) послелогои глагольного происхождения; в) послелогои — омертвевшие формы слов⁸. А. Л. Хромов различает: а) простые (первообразные) послелогои; б) отыменные; в) наречные⁹ и т. д. Интересна в этом отношении точка зрения А. Н. Кононова, выделяющего: а) собственно послелогои-частицы, то есть такие формы, лексическое значение которых проявляется только в сочетании с другими именами или глаголами; б) отыменные послелогои-частицы, то есть послелогои, образованные от различных разрядов имен, сохраняющие наряду с функциями послелогов значения самостоятельных слов; в) отглагольные послелогои-частицы, то есть послелогои, являющиеся по своему образованию деепричастными формами. Эта группа послелогов-частиц сохраняет присущее таким глагольным основам управление¹⁰.

Большинство лингвистов относит к послелогам также служебные имена и слова переходного типа. С этим, думается, нельзя согласиться, так как послелогои, служебные имена и слова переходного типа отнюдь не одно и то же, хотя они и выполняют тождественные функции. Между ними имеются принципиальные различия. Н. К. Дмитриев, например, отмечает: «Служебными именами... можно назвать такие имена, которые имеют двоякую функцию: первую, прямую, т. е. употребляться по своему основному материальному значению, и вторую, служебную, т. е. употребляться в ином, более абстрактном значении, передавая оттенки разного рода пространственных отношений»¹¹. Эти имена, сочетаясь посредством конструкции изафета, принимают, в свою очередь, аффиксы соответствующих падежей для выражения пространственных отношений. Например: кет.: *кус'т һый* 'в чуме', *се:ст катке* 'на берегу реки'.

Служебные имена и послелогои имеют нижеследующие существенные различия¹². 1) Есть послелогои, утратившие или утрачивающие свое самостоятельное значение и выступающие лишь в качестве показателей грамматических отношений. Они не могут быть самостоятельными членами предложения, например: каз. *ушһн: мен ушһн* 'для меня, ради меня'. Служебные имена наряду со служебными же значениями сохраняют свое основное, вещественное значение. Они могут быть самостоятельными членами предложения, например: каз. *уйдһн тобесі* 'крыша дома'. 2) Послелогои неизменяемы и управляют падежами или сочетаются с

⁷ Дж. Мураталиева. Послелогои в киргизском языке. Фрунзе, 1958, стр. 8.

⁸ Е. И. Убрятова. Якутский язык. — В кн.: «Языки народов СССР», т. 2. «Тюркские языки». М., 1966, стр. 420.

⁹ А. Л. Хромов. Ягнобский язык. М., 1972, стр. 65.

¹⁰ А. Н. Кононов. Грамматика узбекского языка. Ташкент, 1948, стр. 8.

¹¹ Н. К. Дмитриев. Грамматика башкирского языка. М.—Л., 1948, стр. 229.

¹² В. А. Исенгалиева. Указ. раб., стр. 16—17; Ф. Р. Зейналов. Указ. раб., стр. 38—43.

ними, например: каз. *уйге карай* 'к дому', 'в сторону дома'. Служебные же имена сами могут изменяться по падежам, например: каз. *уй(дин) касына* 'к дому', *уй(дин) касында* 'около дома'; кет. *сес' кат'ке* 'на берегу реки', *сес' кат'бес'* 'вдоль берега реки'. 3) Послелогои сочетаются с именами в четырех падежах (по Ф. Р. Зейналову), а служебные имена в конструкции изафета сочетаются с именами, стоящими только в родительном падеже. 4) Послелогои не принимают после себя служебных имен. Служебные же имена могут принимать после себя послелогои, например: кет. *ад сес' дкат' джон' дунтий* 'я до берега реки дошел'. 5) Слова, предшествующие служебным именам, могут быть опущены, например: кет. *джундинга ре гойбинэ* 'перед (чертовкой) поставила'. 6) Между словом, к которому относится послелог, и послелогом не могут стоять поясняющие слова, а при служебных именах это возможно, например: кет. *ад сас'те сес' тул'тен катице* 'я сижу на глинистом берегу реки'. 7) Послелогий выражают как пространственные, так и абстрактные грамматические значения. Служебные имена, напротив, имеют преимущественно конкретно-пространственные значения. 8) Послелогои сочетаются со словами, с которыми они образуют соответствующую конструкцию посредством примыкания или управления, тогда как служебные имена — только посредством управления (в частности, они образуют изафетную конструкцию). 9) Послелогои восходят к существительным, причастиям, деепричастиям, инфинитиву, числительным, а служебные имена имеют только генетическое отношение к существительным. 10) Послелогои могут выполнять соединительные функции, выступая как союзы и союзные слова, а служебные имена не могут выполнять таких функций. Различия между послелогоми и служебными именами, отмеченные выше, можно представить в виде нижеследующей таблицы.

Таблица 1

Дифференциальные признаки	Послелог	Служебное имя
1. Самостоятельность значения	—	+
2. Неизменяемость	+	—
3. Сочетаемость с именами трех падежей, кроме родительного	+	—
4. Послелог + служебное имя. Служебное имя + послелог	—	+
5. Употребление без предшествующего имени	—	+
6. Употребление с поясняющими словами	—	+
7. Временные и различные абстрактные отношения	+	—
8. Категория принадлежности	—	+
9. Происхождение от причастий, числительных, деепричастий, инфинитивов	+	—
10. Выполнение соединительной функции	+	—

В словарном составе многих языков функционируют единицы, выражающие чисто абстрактные отношения. Они сохранили свое лексическое значение не полностью: «Их следует рассматривать как особую категорию переходного характера»¹³. Переходность этих слов состоит в том, что они утратили или постепенно утрачивают полную схему употребления в пространственных падежах. Эти слова имеют тенденцию перехода в категорию неизменяемых слов.

Некоторые лингвисты относят подобные слова к послелогам, другие — к служебным именам. Однако отнесение их к послелогам нельзя считать правильным, так как они принимают падежные аффиксы. Не яв-

¹³ Ф. Р. Зейналов. Указ. раб., стр. 45.

ляются они и служебными именами, ибо между этими последними и словами переходного типа имеются существенные различия, заключающиеся (по Ф. Р. Зейналову¹⁴) в следующем:

1. Служебные имена употребляются во всех пространственных падежах, а слова переходного типа принимают окончания только местного и очень редко исходного падежа.

2. Служебные имена семантически выражают пространственные отношения, слова переходного типа этой способностью не обладают.

3. Служебные имена указывают на различные стороны того или иного предмета, а слова переходного типа восходят, в основном, к абстрактным именам.

4. После служебного имени может стоять послелог, после слов переходного типа послелог не употребляется.

До сих пор нерешенным остается вопрос об отграничении послелогов от близких им языковых образований падежных показателей, превращений и наречий. Эта проблема особенно важна для бесписьменных языков и имеет как общетеоретическое, так и большое практическое значение. В современной лингвистической литературе затрагиваются только критерии отграничения послелогов от наречий.

Мнения по поводу различения послелогов и наречий, имеющих одинаковую форму, сводятся к следующему: наречия могут выполнять как функцию наречия, так и послелога. Если наречия выступают в предложении «сами по себе» (Д. В. Бубрих), то в качестве обстоятельственного слова они играют в предложении самостоятельную роль. Наречие при этом не имеет строго фиксированного места в предложении, хотя чаще всего стоит перед глаголом. Послелог, или точнее послеложные наречия, выступают в том случае, когда наречные слова в предложении являются зависимыми и указывают на различные синтаксические отношения между другими словами, и когда они употребляются с предшествующим именем. Их в данном случае можно сравнить с предложными наречиями в русском языке «вокруг», «около», «после», «поперек» и другими, которые могут выступать как в функции наречия, так и предлога¹⁵. Можно назвать еще несколько признаков, отличающих послелог от наречий. Большинство лингвистов указывает, что ударение на послелог не падает. Поэтому они могут «сливаться» со знаменательными словами, чего не происходит с наречиями. В противоположность послелогу, наречие может, например, изменить значение слова, к которому оно относится. Сказанное можно представить в виде нижеследующей таблицы.

Таблица 2

Дифференциальные признаки	Послелог	Наречие
1. Ударение	—	+
2. Фиксированное место в предложении	+	—
3. Самостоятельность употребления	—	+
4. Зависимость	+	—
5. Самостоятельность значения	—	+
6. Фонетическое примыкание к знаменательным словам	+	—
7. Способность изменять значение другого слова	—	+
8. Способность к образованию с именами атрибутивного словосочетания	+	—

Что касается соотношения послелогов и падежных показателей, то в данном вопросе мы придерживаемся мнения, что падежные показате-

¹⁴ Ф. Р. Зейналов. Указ. раб., стр. 45.

¹⁵ Е. Т. Черкасова. Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967, стр. 30.

ли не всегда охватывают все оттенки значений, выражаемых послелогом: «Послелог выражает целый ряд оттенков значений, которые не могут быть переданы падежными окончаниями»¹⁶. Преобладающее большинство послелогов употребляется для дополнения и конкретизации значений, выражаемых падежными показателями, в то время как падежи выражают самые общие отношения.

Следует отметить, что в ряде языков, например, в киргизском, корейском, хинди и т. д., послелог выполняют и некоторые другие функции:

1) послелог могут иметь словообразовательные и словоизменяющие значения. В данном случае они указывают на принадлежность в широком смысле или выражают указательные, притяжательные, числовые значения. Пример на числовой момент в коми языке: *кодзувкот мында ур* букв. 'муравейчисленная белка', то есть 'белок, как муравьев, очень много'¹⁷. Здесь *кодзувкот* означает «муравей», а послелог *мында* 'численный' передает значение множественного числа. Послелог в сочетании с именами могут образовывать наречия, прилагательные, глаголы и существительные. Дж. Мураталиева приводит примеры такой словообразовательной способности послелогов в киргизском языке: *ыкчамдык менен* 'быстро'; *тутуралык менен* 'честно, справедливо'; *эртеп менен* 'утром'; *ары + ла = арыла* 'удаляться, отделяться'; *сыяк + лап = сыяктап* 'аналогичный, подобный'; *сыяктап + лык = сыяктаптык* 'аналогия'¹⁸;

2) послелог могут выступать и в роли союзов. В этом случае они выражают синтаксические отношения не только между словами, но и между словосочетаниями и предложениями, например: монг. *гар хадуурыг зов ошиглахын тул сайн хурцлах хэрэгтэй* 'чтобы хорошо (букв. 'верно') использовать косу, необходимо ее точить'¹⁹; кет. *буде ди:нбес бандице, эт л'оберебетен* 'до того как он придет, мы будем работать';

3) в некоторых языках — язгулямском, амхарском, шугнанском и других предлоги широко употребляются с послелогом, например: язг. *e bad na ni pred* 'эй, уйди от меня'²⁰ (*na* — предлог, *pred* — послелог), амхар. *ke-woday-gara* 'с другом'²¹ (*ke* — предлог, *gara* — послелог).

В языках белуджском, водском, шведском, немецком и других одни и те же слова могут выступать и как послелог, и как предлог. Например, в немецком языке существует группа предлогов-послелогов, которые, иногда, в зависимости от своей препозиции или постпозиции по отношению к имени, меняют управление именем или грамматическое значение: *Zufolge dieses Berichts* (родительный падеж), *dem Bericht zufolge* (дательный падеж) 'согласно сообщению'; *nach Berlin* 'в Берлин' (локальное значение), *nach dem Fest* 'после праздника' (временное значение)²².

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

амхар. — амхарский язык,
каз. — казахский,

кет. — кетский,
язг. — язгулямский.

¹⁶ Ф. Р. Зейналов. Указ. раб., стр. 30.

¹⁷ Д. В. Бубрих. Указ. раб., стр. 168.

¹⁸ Дж. Мураталиева. Указ. раб., стр. 20—50.

¹⁹ Б. Х. Тодаева. Грамматика современного монгольского языка. М., 1951, стр. 161.

²⁰ Д. М. Эдельман. Язгулямский язык. М., 1966, стр. 82.

²¹ Н. В. Юшманов. Амхарский язык. М., 1959, стр. 35.

²² Johannes Erben. Abriß der deutschen Grammatik. Berlin, 1965, стр. 175—176.

В. И. АСЛАНОВ

О ХАРАКТЕРЕ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ПЕРЕНОСОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТЮРКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ

Формально-поэтическое (метрическое и жанровое) сходство средневековой тюркоязычной и персидской поэзии, наличие в обеих так называемых «поэтизмов» свидетельствуют об общности используемых в них тропов, в том числе и метафорических переносов¹.

В средние века прогрессивное направление в развитии культуры, включая и поэзию, в той или иной мере было связано с оппозиционными господствующей происламской идеологии течениями еретического и полuerетического толка. Эти течения, их философия неизбежно оказывали влияние на мировоззрение всех или почти всех крупных представителей средневековой восточной (в том числе и тюркоязычной) поэзии. Это явилось одним из основных обстоятельств, определивших ее своеобразие, заключающееся, в частности, в употреблении специфических метафорических переносов и иносказаний. Противопоставляя феодальному гнету и реакционной исламской идеологии величие Человека и человеческого духа, многие средневековые поэты (Насими, Кады Бурханеддин, Амани, Навои, Ахмед Даи, Ахмеди, Физули, Баки и др.) в ряде газелей, написанных в традиционных формах обращения к возлюбленной или «самовосхваления», воспевали Человека как мерило ценности всего сущего. Человек в подобных произведениях выступал как «малый мир» — микрокосм, способный «вместить» в себя «большой мир» — макрокосм. Человек средневековой философской поэзии Востока, в соответствии с широко распространенным в тот период пантеистическим мировоззрением, носит бога в себе, а зачастую сам является богом. Поэтому поэт наделяет своего героя, как существо непревзойденного величия и совершенства, эпитетами, традиционными для бога, приравнивая его к святыням ислама, ко всему лучшему, что имеется в мире материальном и духовном. Герой этой поэзии при всем своем совершенстве диалектически воплощает в себе Добро и Зло, Красоту и Уродство и т. д. И все же в Человеке, воспетом поэтами, преобладают Красота и Благо, что обусловлено общей гуманистической направленностью, исторически прогрессивной высокохудожественной поэзии средневекового Востока. Газели-обращения и «самовосхваления», как правило, состоят большей частью из одних метафорических переносов:

¹ В статье использованы материалы средневековой тюркоязычной поэзии, написанной метрикой *аруз*.

Ej gülüm, ej sünbülüm, ej süsänüm vej änbärüm,
 Ej mänüm noglum, mejüm, häbbüm, näbätüm, šakkärüm
 О цветок мой, о гиацинт мой, о лилия моя, о амбра моя,
 О сладость моя, о вино мое, о зелье мое, сладсть моя, сахар мой.
 İüzindür mäqsädüm, gıblām, läbüñdür ab-i-hejvānım,
 Əja sārvi-i-sārāfrāzüm, fādā olsuñ saña žānım
 Лик твой — цель моя, кыбла моя, губы твои — живая вода моя,
 О горделивый кипарис мой, да будет моя душа жертвой твоей.
 Ej häbibüm, dilbärüm vej sevgülü jārüm bānüm,
 Vej dilārātım, nigārum, bāxt-i-bidārüm bānüm
 О любимая моя, похитительница моего сердца, о возлюбленная моя,
 О успокаивающая мне душу, кумир мой, бодрствующая судьба моя.
 Küñtū kânziñ kânzivü allah-i-nürin nürjām,
 Rövzänün rizvānivü žānnāt-i-ädnün hürjām
 Я клад (стиха) «я был тайным кладом» и я свет божественного света,
 Я райский сад, я гурия райских садов.

В подобных произведениях обычно присутствуют все виды метафор. В качестве примера нами здесь приводится *матла* — начальный бейт — лишь четырех газелей Насими. Такие начала газелей характерны для творчества и других средневековых поэтов.

Ряд поэтических метафор, используемых в поэтической речи, вошел и в язык, в число так называемых «мертвых метафор». Слова *dilbār*, первоначально «уносящий сердце», *dilrübā* «захватывающий сердце» во всех словарях переводятся словом «возлюбленная». Для средневековой поэзии характерно широкое употребление антропоморфических метафор. Названия цветов, растений, драгоценных камней, астрономических понятий и т. п. нередко выступают в качестве эпитетов к словам, обозначающим части тела: *sārvboj* «стан (как) кипарис», *inžü diš* «жемчужные зубы», *aj jüz* «лицо-луна», *sünbül saç* «волосы-гиацинты». В связи с тем, что средневековой поэзии присущ особый лаконизм, определяемое весьма часто элиминируется, в результате чего слова, выступающие как поэтическое определение, не только репрезентируют признак, но и становятся обозначением самого предмета: *lä'l* «рубин» → «губы», *nārgis* «нарцисс» → «глаза», *sārv* «кипарис» → «стан», *yöncä* «бутон» → «рот». Нередко подобные слова, метафоризируясь, сочетаются с теми словами, с которыми они не могут сочетаться в своем прямом, номинативном значении: *lä'l-i-xāndān* «улыбающиеся рубины», *nārgis-i-māstan* «пьяные нарциссы», *sārv-i-gāvān* «кипарис идущий», «кипарис, обладающий душой», *sārv-i-xigāmān* «кипарис с грациозной походкой».

Подобные метафоры стали столь шаблонными, что временами их употребляли в квазиноминативном значении:

Gäddünä nä nisbāt gylına sārvi — bir ayağ,
 Jāguta nä täšbih edälüm lä'lünü — bir taş
 (Кады Бурханеддин)

«Как твоему стану уподобить кипарис — он (всего лишь) дерево,
 Как сравнить мне твои рубины с яхонтом — он (всего лишь) камень».

В этом характерном для средневековой поэзии примере *lä'l* обозначает именно «губы», а не «рубин».

С целью сообщения поэтическому тексту особой экспрессивности в средневековой поэзии широко употребляются эмоционально окрашенные метафорические словосочетания типа: *žān guši* «птица души», *jaš uymağy* «ручей слез», *nāmūs toni* «одеяние чести», *zülfi bulutu* «облако волос», *jüz suji* «вода лица» → «стыд», *göz babagi* // *češm mārđümi* «дитя глаза» → «зрачок», *göz silsiläsi* «цепь глаз» → «слезы» и т. п.

Çuqmyş äyjar ilä sejr etmägä ol mārđüm-i-češm,
 Bu äžāb mārđümi çuqmyş gözüm aylar bānım
 (Физули)

‘Вышел погулять с соперником тот (мой) зрачок (досл.: человек-глаза),
Эти мои глаза плачут, да ослепнут они’.

Хотя слово *mārdüm* самостоятельно употребляется только в значении «народ», однако во второй строке оно метафорически обозначает и «зрачок».

Одно и то же словосочетание или слово в зависимости от контекста может обозначать метафорически разные понятия:

*Müždā bir xuršiddān vermiş mägār bād-i-sāhār,
Kim nisār ejlār aṇa jüz biṇ dūr-i-šāhvār sübh*
(Физули)

‘Разве утренний ветер принес добрую весть о солнце,
Что заря рассыпает под его ноги сто тысяч крупных жемчугов’.

В данном примере *dūr-i-šāhvār* ‘крупный жемчуг’ метафорически обозначает «росу», в других же случаях оно может обозначать «слово», «зубы» и т. п.

Нередки случаи, когда употребление одной метафоры делает необходимым употребление другой: так, *dām* // *tuzay* ‘сеть’, ‘тенета’ метафорически обозначает ‘волосы’, в свою очередь *dānā* ‘зерно’ — ‘родинку’, а *guš* ‘птица’ — ‘влюбленного’².

*Zülfündānū xālūndan anyṇ ajrujam ajru,
Ej hāq, maṇa ver sān jenā šol dānāvū dāmy*
(Насими)

‘Я в разлуке с ее волосами и родинкой,
О господи, ты дай мне заново ту сеть и то зерно’.

В связи с тем, что антитезный параллелизм, можно сказать, составляет душу классической тюркоязычной поэзии, подчас такой параллелизм обнаруживается и в метафорических переносах. Как правило, *zulf* // *saç* противопоставляется *jüz*. Соответственно, если *saç* метафоризуется в *geçā* ‘ночь’, *šām* — ‘вечер’, *küfr* — ‘неверие’, то *jüz* претерпевает метафорическое превращение в *gündüz* ‘день’, *sübh* — ‘утро’, *imān* — ‘вера’ и т. п.

*Zülfı tayytmyš ruх üzrā örtär imāny mägār
Rūma gālmış kālār-i-Cin yārāt-i-imān içün*
(Насими)

‘Рассыпала (она) волосы свои на лик, скрывает веру, разве
Китайский иноверец явился в Рум с целью ограбления веры’.

В этом примере «китайский иноверец» — это «волосы», «вера» — это «лик».

*Jüziṇā zülfüni tayyt gätür šāmy gedār sübhi,
Gedār zülfüni jüziṇdān gätür sübhi vā šām apar*
(Кады Бурханеддин)

‘Рассыпь волосы свои на лик свой, принеси вечер, унеси утро.
Убери волосы свои от своего лика, принеси утро, унеси вечер’.

*Zülfü ruхuṇ sirrini bilmājānā ajdaram
Küfr ilā imānymyz Kā'bā vü bütxānādür*
(Насими)

‘Тем, кто не знает секрета твоих волос и лика, я говорю:
Они суть наше неверие и вера, Кааба и капище’.

² В древнетюркском языке *meṇ* имело значение и «родимое пятно», и «корм для птиц». Думается, исторически здесь выступало одно и то же слово, которое составители «Древнетюркского словаря» расщепили на два омонима. В данном случае уместно говорить скорее о «метафоре как о пределе вариаций слова по денотату» (Ю. С. Степанов. Основы общего языкознания. М., 1975, стр. 29).

Нередки случаи, когда собственные имена легендарных личностей, этнонимы, названия городов и стран также переосмыслиются:

Xāti Xyzr, ayyzy Mārjām, sōzi Isā, lābi Jāhjā,
Ōzi Jūsif, gözi Musā, zāhi Adām zi Hävvädur

(Кады Бурханеддин)

‘Пушок ее Хызр, рот ее Марьям, слова ее Иса, губы ее Яхья,
Сама она Юсиф, глаза ее Муса, какой она прекрасный Адам,
какая прекрасная Ева’.

Чтобы понять, в каких значениях употребляются эти слова, исследователь должен быть хорошо знаком с восточной мифологией и знать определяющую черту характера названных в приведенном выше бейте мифических героев. Только в этом случае он может раскрыть смысл иносказаний и получить правильное представление о внешности возлюбленной поэта. *Хызр* — это указующий путь истины, *Марьям* — символ чистоты и невинности, *Иса* — вдыхающий жизнь, *Яхья* — вечно живой, *Юсиф* — символ красоты, *Муса* — чудотворец, *Адам* и *Ева* — символы совершенного человека. Таким образом, приведенный бейт должен быть истолкован следующим образом:

«Пушок ее (лица) направляет на путь истины, рот ее невинен и чист, слова ее способны вдохнуть в человека жизнь, губы ее — вечно живы.

Она прекрасна, глаза ее творят чудеса, она самое совершенное создание».

Приведем еще один бейт:

Älünä tiy verdün iki mästün,
Bu räsmü ädäti türkünä etdün

(Хабиби)

‘Вручила (ты) кинжалы двум пьяным,
Этот обряд ты совершила красиво’.

Так как слова *türk* и *güm* // *gümi* символизировали в средневековой восточной поэзии красоту, то слово *türkünä* в приведенном выше бейте метафорически обозначает «красиво». В связи с этим можно вспомнить строку широко известной газели великого Хафиза: *Ägär ân tork-e-şerâzî be-dâst ârâd del-e-mârâ*, в которой словосочетание *tork-e-şerâzî* понимается как «красавица Ширази».

В классической поэзии широко представлена синестетическая метафора для описания абстрактных явлений, используются слова, обозначающие физические ощущения, слова, выражающие пространственные отношения, репрезентируют и временные отношения и т. д.³ (*ažu hižgân* ‘горькая разлука’, *şirîn vüsâl* ‘сладкая встреча’, *uzun gežä* ‘долгая ночь’):

Väsli gysa hižri joğun olur imiş bu dünjâda,
Mâ’sûqânün bulınyızax saçu uzun beliınzâsi

(Кады Бурханеддин)

‘Оказывается, встреча бывает краткой, разлука — долгой в этом мире
С возлюбленной, как только находится та, что с длинными волосами
и тонкой талией’.

Нередко слова, выражающие признак или качество предмета, субстантивируются и становятся репрезентантами не только признака или качества, но и самого предмета — как на уровне речи, так и на уровне

³ См. также: С. Ульманн. Семантические универсалии. — «Новое в лингвистике». М., 1970, стр. 250—299; В. Г. Гак. К проблеме общих семантических законов. — Общее и романское языкознание. М., 1972, стр. 144—157; его же. Сопоставительная лексикология. М., 1977, стр. 113—123.

языка: *gözäl* 'красивый' → 'красавица', *garu* 'старый' → 'старуха', *goza* 'старый' → 'старик'.

Парное слово *oğu-ägri* 'вороватый люд', по-видимому, является «мертвой метафорой» по отношению к первому компоненту *oğu* 'вор'. Что же касается слова *ägri*, то оно образовано от глагола *äg-* 'гнуть', 'сгибать' и имеет значение 'кривой'. Метафорически данное слово обозначает тоже «вор». И когда Кады Бурханеддин, обращаясь к возлюбленной, спрашивает: *Oğı dägül isä göziñ ägrijä joldaş pijädür* 'Коль глаза твои не воры-грабители, то почему же они соседствуют с кривдой', — то слово *ägri* он одновременно употребляет в двух метафорических значениях: *ägri* — «брови», ибо они изогнуты, то есть дугообразны, и *oğı* — «глаза», то есть такие глаза, которые похищают у влюбленного терпение, сердце, волю и т. д., поэтому и их соседи-брови — «воры».

Для достижения музыкальности, мелодичности стиха поэты иногда повторяют одно и то же слово в разных значениях и в различном семантическом окружении. Слово в одном и том же бейте может быть употреблено в прямом номинативном и метафорическом значениях, либо же в обоих случаях в метафорическом:

*Kişvärinüñ sozidür inzü any syndırmayıl,
Kim bähäsindän düşär çün dāne-ji-inzü syna*
(Кишвери)

'Слово Кишвери — это жемчуг, не разбивай его (слово),
Ибо жемчуг убывает в цене, если разбивается'.

В данном случае *söz* 'слово' метафоризируется в 'жемчуг' и *syn-/syndırmayıl-*, сочетаясь с *söz*, также приобретает метафорическое значение, хотя в выражении с *inzü syn* употребляется в своем прямом номинативном значении. Одна из газелей Физули кончается так:

*Mähräm olmaz rindlär bāzminā mej nuş etmājān,
Ej Füzülî, çäk ajay ol bāzmdān ja çäk ajay*
'К кругу кутил не пристанет, кто не пьет вина,
О Физули, (либо) перестань ходить в тот круг, либо пей вино'.

В этом примере *ajay* в первом случае означает «нога», а во втором — «чаша вина». Глагол же *çäk-* в первом случае в сочетании с *ajay* 'нога' означает «перестать делать что-то», во втором — в сочетании с *ajay* 'чаша вина' означает «пить залпом». В современном азербайджанском языке *çäk-* имеет значение «пить» лишь в сочетании со словом *rapıros* [папирос *çəkmək* 'курить (пить) папиросу'] и в фразе *suju başına çəkmək* 'пить воду залпом'.

Eşqün ajayın tolu çäkälüm jenā hej, hej
(Кады Бурханеддин)

'О, опять выпьем до дна полную чашу вина любви'.

*Sāgijā zām tut ol āşigā kim gajyuludur
Gajyu çəkmək nā içün zām ilā ālām doludur*
(Физули)

'О кравчий, подай чашу тому влюбленному, что горюет.
Нечего горевать (досл.: пить горе), коль мир — переполненная вином чаша'.

Слово *çäk-* в сочетании с *gajyu* также метафорически означает «пить». Интересно отметить, что слова *gajyu/dārd/γām* 'горе' сочетаются с глаголом *je-* и также имеют значение «горевать».

В языкознании существует вполне справедливое мнение о том, что абстрактные значения развиваются, как правило, из более конкретных; случаи же развития конкретных значений из абстрактных встречаются

крайне редко. Исходя из этого, С. Ульманн пишет: «Мы были бы крайне удивлены, если бы нашелся такой язык, в котором метафоры с переходом значения от абстрактных к конкретному были бы более обычными, чем метафоры с обратным переходом значения»⁴.

Наблюдения показывают, что в тюркских языках метафоры с переходом значения от абстрактного к конкретному как на уровне речи, так и на уровне языка встречаются чаще, чем в европейских языках. В соответствии со средневековыми восточными канонами красоты «воображение» нередко метафорически обозначает «талия», а «предположение» — «рот»:

Cün beli xâjâl olavü ayyzy gümandur,
Ejb olmaja gâr gözü gaşy tîrû kâmandur
(Кады Бурханеддин)

‘Коль талия ее воображение, рот ее предположение,
То ничего постыдного, если глаза и брови ее лук и стрелы’.

Belünâ baxdum, nâ gördüm — bir xâjâl,
Ayyzu gördüm, nâ gördüm — bir güman
(Кады Бурханеддин)

‘Я смотрел на твою талию, что я видел — воображение,
Я видел рот твой, что я видел — предположение’.

Скрупулезное исследование классической средневековой тюркоязычной и персидской поэзии выявляет такие виды метафор, которые не встречаются в литературах других народов. Остановимся лишь на двух видах подобных метафор:

Gansy mahyn, bilmâzâm mehrinâ olmuş zâr sübh,
Hâr gün ejlâr xâlgâ bir day-i-nihân ‘zhâr sübh
(Физули)

‘Не знаю, влечением к какой луне изнывает заря,
Каждодневно показывает народу потайное клеймо заря’.

В приведенном примере day-i-nihân, то есть «потайное клеймо», употреблено метафорически и символизирует солнце — красное в момент восхода. Подобные сложные метафоры весьма трудны для восприятия даже в контексте. Для обозначения их можно использовать термин «символическая метафора»:

Nola gâr âmvatâ âhjâ versâ sübhün dâmlâri,
Zikr-i-iâ’lindir kim ejlâr dâmbâdâm tâkrâr sübh
(Физули)

‘Что если утренние зефиры в мертвецов вдохнут жизнь,
То напоминание о твоих рубинах, что повторяет всечасно заря’.

Здесь нет непосредственного указания на то, что губы возлюбленной (метафорически — «рубины») нередко метафоризируются в «живую воду», воскрешающую мертвых. Только знание специфики восточной поэзии и всей системы тропов в ней позволяет разгадать связь определенных образных представлений: губы — рубины, губы — живая вода. Поэтому такие метафоры мы называем «скрытыми метафорами».

Приведем другой пример:

Inžaldi tănüm belün içün lejk jeridür,
Cün püstâ ayyzyñ içün oldu kôñülüm täng
(Кады Бурханеддин)

‘Истощилось (досл.: стало тонким) тело мое из-за твоей талии. Это так.
Ведь из-за твоего рта-фисташки и сердце мое сжалось (досл.: сузилось)’.

⁴ С. Ульманн. Указ. раб., стр. 278.

В этом примере inžäl- 'стать тонким' и täng 'узкий' скрыто выражают соответственно bel 'талия' и аууз 'рот'. Поэтому этот бейт может быть переведен так: «Мое тело стало таким же истощенным (тонким), как и твоя талия, и сердце мое обессилело (стало узким) из-за твоих маленьких уст».

Разумеется, невозможно охватить все вопросы, связанные с системой метафорических переносов в богатейшей средневековой восточной поэзии. Перед тюркологами-лингвистами и литературоведами стоит интересная и сложная задача обобщения и систематизации всевозможных видов метафорических переосмыслений, широко представленных в восточной поэзии средних веков.

О. В. ВАСИЛЬЕВА

ВРЕМЕННЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В «КНИГЕ МОЕГО ДЕДА КОРКУТА» (НЕБЕСНЫЕ ТЕЛА)

«Книга моего деда Коркута» — выдающийся тюркоязычный памятник средневекового эпоса. Сложилась давняя традиция его изучения: памятник исследовался и исследуется историками, лингвистами, фольклористами, литературоведами¹, однако, как и всякое яркое художественное явление, «Книга Коркута» неисчерпаема для исследователей, и еще многое в ней остается неизученным. Так, например, исследователями до сих пор не освещались вопросы художественного отражения в этом памятнике пространства и времени. На материале древнерусской и западноевропейской литературы и фольклора эта проблематика уже много лет разрабатывается в трудах В. Я. Проппа, Д. С. Лихачева, Е. М. Мелетинского, М. И. Стеблина-Каменского и др.

Изучение восприятия пространства и времени в художественном произведении предполагает подход к нему как к некой модели. Как известно, всякое произведение искусства есть прежде всего отображение действительности, хотя и не вполне адекватное реальности. Создателя художественного произведения, независимо от того, индивидуальный это автор или коллективный, привлекают лишь определенные стороны изображаемого объекта, определенные его функции и состояния².

Как пишет А. Я. Гуревич, основными параметрами любой модели являются «такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство и др.»³. Наряду с этими «космическими категориями» существуют и тесно связанные с ними «социальные категории» — индивид (человек), социум (общество) и др.⁴

«Пространственно-временную систему», «сетку координат» художественного произведения образуют избранные элементы реального физического мира, которые несут повышенную нагрузку. В «Книге Коркута» такими элементами являются небесные тела, небо, земля, гора, река (=вода), дерево, жилище человека и сам человек. В тексте им часто приданы характерные особенности, которые подчас и не свойственны соответствующему элементу реального физического мира (напри-

¹ Подробную библиографию вопроса смотрите в книге: Х. Г. Короглы. Огузский героический эпос. М., 1976, стр. 205—220.

² Ю. М. Лотман. Лекции по структуральной поэтике. — «Труды по знаковым системам». Тарту, 1964, стр. 29.

³ А. Я. Гуревич. Категории средневековой культуры. М., 1972, стр. 15.

⁴ Там же, стр. 16—17.

мер, «кровавая река»). В эпосе элементы не только имеют специфические характеристики, но и находятся в особых символических связях и «взаимоотношениях» друг с другом (например, «гора» всегда находится перед человеком, «впереди» него, она может обрушиться, если человеку угрожает смерть, и вновь возвыситься, если он ожил и т. д.).

Остановимся на одном из «ключевых» элементов пространственно-временных характеристик в «Книге Коркута» — на небесных телах.

Небесные тела играют большую роль в системе представлений о мире у любого народа. Солнце, Луна, звезды помогали древнему человеку ориентироваться в пространстве и во времени, некоторые светила оказывались более значимы для одного народа и менее значимы — для другого. Это определялось географической средой, родом занятий (скотоводство, земледелие) и т. д. Подобные акценты впоследствии нашли отражение в словесном творчестве, проявляясь в образном изображении небесных тел. В «Книге Коркута» «солнце» — *gün*, «месяц/луна» — *ay*, «звезда» — *ıldız*⁵ наделены особыми свойствами и функциями.

1. Они выступают в качестве объекта сравнения, с которым сопоставляется человек или совокупность людей:

а) Луна и Солнце — воплощение красоты и чистоты человека, как мужчины, так и женщины:

«...спит красивый светлоокий молодой джигит, похожий на луну в четырнадцатый день месяца» (266, 93)⁶;
«... я пришел посватать ту, ... что чище месяца, светлее солнца» (83, 37).

В этой связи интересны рассказы, приведенные В. А. Гордлевским:

о Солнце: «Ослепительную яркость лучей солнца народ объясняет себе таким образом. Некогда солнце было красавицей-девушкой, на которую все засматривались. Солнцу наскучило в конце концов видеть вокруг себя надоедливых ухаживателей, и оно, рассердившись, стало слепить глаза»⁷;

о Луне: «Мать, боясь, как бы не сглазили ее красавца-сына, однажды плеснула ему в лицо грязной тряпкой, которой вытирала после еды посуду. С тех пор и виднеются на луне пятна и нет прежней красоты»⁸.

Представления о солнце как о женском начале, а о месяце/луне как о мужском достаточно универсальны⁹, хотя возможны и различные варианты¹⁰, как, например, в том случае, когда красавица сравнивается и с Солнцем, и с Луной одновременно;

б) с Солнцем и звездой сравнивается также совокупность людей — войско гяуров: внешний вид войска, оружие (копья) и военное облачение (шлемы):

«Пыль рассеялась; показалось светлое, как солнце, лоснящееся, как море, чернеющее, как лес, показались 16 тысяч гяуров» (127, 50);
«... что приходит светлое, как огонь,

⁵ Транскрипция дается по изданию: «Dede Korkut kitabı». Dr. M. Ergin, 1. Ankara, 1958.

⁶ Первая цифра — страница Дрезденской рукописи по указанному выше изданию, вторая цифра — страница перевода В. В. Бартольда по изданию: «Книга моего деда Коркута». М.—Л., 1962.

⁷ В. А. Гордлевский. Представления османцев о небесных телах. — «Избранные сочинения», т. 4, 1968, стр. 72.

⁸ Там же.

⁹ Подробнее об этом см.: Б. А. Литвинский. Памирская космология. — «Страны и народы Востока», вып. 16. М., 1975, стр. 253; Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. 4. СПб., 1883, стр. 191.

¹⁰ См.: Б. А. Литвинский. Указ. раб., стр. 253.

сверкающее, как звезда?» (128, 50);
 «... то, что приходит светлое, как солнце,
 это — шлемы на головах гяуров, то, что
 приходит, сверкающее, как звезда, это —
 копья гяуров» (128, 50—51).

Примеры этой подгруппы сравнений свидетельствуют о том, что Солнце и звезды воспринимаются как наиболее яркие источники света. Во втором примере «солнце» замещено «огнем», очевидно, у тюрков эти понятия ассоциировались одно с другим и совмещались¹¹.

При сопоставлении с небесными телами акцентируется излучаемый ими свет. Однако сравнение может основываться и на других особенностях небесных тел. Так, например, «красивый» и «молодой» джигит сопоставляется с Луной в полнолуние, когда ее облик и форма наиболее совершенны. Не случайно Луна в полнолуние сравнивается с «молодым» человеком в расцвете сил и красоты, ибо в течение лунного месяца она «нарождается», достигает вершины своего «развития» и на 14—15-й день принимает наиболее совершенную форму — круга, а затем постепенно «угасает». Очевидна аналогия: лунный месяц — человеческая жизнь, при этом акцентируется «пик формы» (апогей развития). Таким образом, сопоставление человека с небесным телом уподобляет его жизни циклу развития явлений природы (молодость — полнолуние). Вместе с тем в подобном сравнении акцентируется и красота — полная фаза развития, то есть привносится эстетический элемент, обнаруживающий социальную оценку.

Сопоставление человека с небесными телами в «Книге Коркута» по своей сути не столько «социальное», сколько «космическое». Даже войско — коллектив людей, в сопоставлении с Солнцем, звездой, морем, лесом осмысливается подобным явлению природы.

2. Из всех небесных тел «реально» функционирует в пространстве и во времени только Солнце:

а) Солнце появляется, восходит:

«В тот час, когда на крутых горах с прекрасным
 склоном взошло **солнце**...» (11, 14; 21, 17);
 «Миновала заря, взошло **солнце**» (90, 39);
 «С наступлением темного вечера для тебя
 восходит **солнце**» (о волке) (45, 25).

В данном случае Солнце приобретает пространственную характеристику (появляется на востоке, то есть фиксируется определенная точка пространства) и временную (появляется утром, в определенный момент времени суток);

б) Солнце находится в зените. В тексте встретилось географическое название *Гюн Ортач* буквально «солнце в зените» (231, 82), то есть фиксируется позиция безусловного верха и центра неба в полуденное время.

По-видимому, такое же положение Солнца зафиксировано в приведенном ниже примере:

«Депе-Гэз лежит, подставив спину под
солнце» (букв. «спиной напротив солнца» —
 güne karşı) (225, 80).

¹¹ Соотнесение огня, света с жизнью характерно для многих архаических и новых культур. Сопоставление «человек — источник света» (независимо от объекта сравнения, небесное ли это тело или просто свеча) — достаточно универсально. Оно встречается у самых различных народов и в полной мере свойственно тюркским, монгольским и тунгусо-маньчжурским народам, например, связь богини *Умай* и эвенкийской *того мушун* с огнем, домашним очагом, женским жизненным началом (См.: А. Ф. Анисимов. Космологические представления народов Севера. М.—Л., 1959, стр. 79; Ю. А. Шибав. Пережитки матриархата у хакасов. — «Советская этнография», 1948, № 1).

Итак, во всех этих примерах Солнце характеризуется как восходящее или находящееся в зените светило. Оно связано с наступлением утра, началом светлого времени суток, и полднем — его апогеем. В тексте «Книги Коркута» не отмечаются заход солнца, наступление вечера, конец светлого времени суток и начало ночи.

Характеристика Солнца, как нарождающегося или находящегося в зените светила, по-видимому, связана с той ролью, которую оно играло у создателей эпоса. Как пишет А. Н. Кононов, для древних тюрков наиболее характерна ориентация: «1) лицом к восходящему солнцу, т. е. на восток; 2) лицом к полуденной стороне горизонта, к тому месту, где солнце в зените (*кӱн орту*), т. е. на юг»¹².

Отметим, что Солнце в зените встречается только в одном, наиболее архаическом по своему содержанию, рассказе «Книги Коркута» — в «Песне о том, как Бисат убил Депе-Гэза», на среднеазиатское происхождение которого указывал еще В. М. Жирмунский¹³. Возможно, что это сказание создано одним из народов, ориентировавшихся по полуденному солнцу, — на юг.

* * *

В «Книге моего деда Коркута» из всех светил наиболее важная роль отведена Солнцу. Оно преобладает количественно, и только оно «реально» функционирует в пространстве и во времени. Это характерно и для древнетюркских рунических памятников. В них Солнце также встречается чаще других небесных тел и в контексте, воспроизводящем общую картину мира. Так, например, в одной из надписей, найденных на территории Тувы, сказано:

«На шестьдесят первом году (жизни) я на голубом небе
не стал видеть солнца. От вас... от моего государства,
от вас, моя земля, моя вода...» (земля+вода=Родина)¹⁴.

Другой пример:

«Солнцем, что на небе, государством, что
на земле, я не наслаждался»¹⁵.

Сочетание «небо+солнце» выступает параллельно с сочетанием «земля+государство», то есть это предельно важные элементы мироздания. Луна, как правило, встречается в контексте менее «высокого» уровня после упоминания, например, о сыне¹⁶, сподвижниках¹⁷, родственниках¹⁸, князьях¹⁹.

В «Книге Коркута» упоминается только утреннее и дневное солнце, тогда как в «Памятнике в честь Кюль-Тегина» читаем:

«Впереди, к солнечному восходу, справа
(в стране) полуденной, назади, к солнечному
закату, слева (в стране) полночной...»²⁰.

В другом памятнике:

¹² А. Н. Кононов. Термины и способы определения стран света у тюркских народов. — «VII региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Маловские чтения. Тезисы». Алма-Ата, 1973, стр. 4. Об этом см. также: W. Kotwicz. Sur les modes d'orientation en Asie Central, Lwow, 1928, стр. 2, 19—22.

¹³ См.: В. М. Жирмунский. Тюркский героический эпос. Л., 1974, стр. 589, 598.

¹⁴ «Памятники древнетюркской письменности Тувы», вып. 1. Кызыл, 1963, стр. 64.

¹⁵ Там же, стр. 32.

¹⁶ Там же, стр. 56.

¹⁷ Там же, стр. 45.

¹⁸ «Памятники древнетюркской письменности Тувы», вып. 2. Кызыл, 1963, стр. 16.

¹⁹ Там же, стр. 27.

²⁰ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 34.

«Слухи и расспросы обо мне достигли до
восхода и захода солнца»²¹.

Таким образом, здесь воспроизводится целостная, симметричная картина мира, какой она отражалась в сознании древних тюрков. В «Книге Коркута» — произведении художественном — Солнце — элемент особой образной системы, которая доносит до нас очень древние представления: «целое» несущественно, акцент переносится на наиболее значимое²².

Изображение небесных тел в «Книге моего деда Коркута» позволяет заключить, что: а) сближение человека с небесными светилами характеризует его как живое существо с аналогичным циклом развития, а также как существо «социальное» (за счет этических и эстетических оценок); б) художественная картина мира асимметрична: не отмечен запад и вторая половина суток, и напротив, — упоминаются, как правило, восток и первая половина дня. Для системы образных средств «Книги моего деда Коркута» характерны универсальные и весьма архаические представления о небесных светилах. Специфика же ее — в изображении Солнца, единственного небесного тела, принимающего непосредственное участие в моделировании художественного пространства и времени.

²¹ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности, стр. 27.

²² Ср. в «Гадательной книге»: «Заря занялась, затем осветилась земля. Затем возшло солнце... Так знайте — это хорошо». — Там же, стр. 87.

РЕЦЕНЗИИ

З. А. АХМЕТОВ. СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ И ТРАДИЦИИ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗД-ВО «НАУКА» КАЗАХСКОЙ ССР, АЛМА-АТА, 1978, 328 стр.

Глубокое осмысление казахского национального литературно-художественного опыта в тесной связи с художественной практикой многонациональной советской литературы — одна из самых актуальных проблем современного казахского литературоведения и литературно-художественной критики. В связи с этим недавно вышедшая монография члена-корреспондента Академии наук Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора З. А. Ахметова представляет несомненный интерес.

Автор монографии — известный ученый-литературовед, перу которого принадлежит ряд работ по истории и теории казахского стиха: «Лермонтов и Абай» (1954), «Казахское стихосложение» (1964), «О языке казахской поэзии» (1970) и «Теория поэтической речи» (1974), использующиеся в качестве учебных пособий для филологических факультетов вузов республики.

Новая монография ученого посвящена изучению казахской литературы в связи с общими тенденциями развития советской литературы, выявлению наиболее характерных направлений литературного процесса в условиях социалистического общества. Художественные традиции казахской литературы рассматриваются с точки зрения их значения в системе современных литературных взаимовлияний. Автор подчеркивает неразрывную взаимосвязь литератур народов СССР, составляющих органическое идейно-художественное целое. По мере все более тесного культурного сближения народов Советского Союза национальные традиции каждого из них развиваются и обогащаются достижениями культуры других республик на основе органического восприятия общесоветского опыта художественного развития. Без анализа этой важной закономерности невозможно правильное освещение проблем традиций и новаторства в современной литературе.

Творчество основоположника казахской письменной литературы Абая, его художественно-поэтическое новаторство нашли ос-

вещение в более ранних работах автора. В первой же части новой книги «Художественные традиции: Абай и истоки казахско-русских литературных связей» речь идет главным образом о русско-казахских литературных связях и переводческом опыте Абая, рассматриваемом на примерах переведенных им произведений русской литературы.

Автор отмечает характерные особенности творчества Абая — тесную связь его произведений с важнейшими социальными проблемами эпохи, глубокое отображение в них интересов народа и его устремлений, использование писателем наиболее жизненных элементов народно-поэтического искусства, освоение им достижений художественной культуры других народов и особенно русской классической литературы. Идеино-художественное новаторство и высокое писательское мастерство Абая сыграли исключительную роль в развитии казахской литературы. Поэтические традиции Абая находят свое творческое продолжение в произведениях талантливых писателей и поэтов казахской советской литературы.

Развивая и обогащая на основе новых материалов свои прежние исследования о переведенных Абаем произведениях русской классики, автор показывает, как творческое освоение достижений русской литературы помогло развитию демократических и реалистических принципов его поэзии. Содержательны с этой точки зрения главы: «Литературные связи Абая», «Пушкин и казахская литература», «Значение лермонтовского наследия для развития казахской литературы».

Скрупулезная текстологическая работа автора монографии, связанная со сравнительным изучением переводов Абая и их русских подлинников, подкупает научной добросовестностью, всесторонним сопоставительным анализом, сопровождаемым попутно разработкой теоретических вопросов перевода.

Автор отмечает, что в советскую эпоху русско-казахские литературные связи приобрели совершенно новое качество. Ныне казахская литература является неотъемлемой составной частью единой многонациональной советской литературы, наследницей традиций Пушкина и Лермонтова, Гоголя и Некрасова, Толстого и Чехова, Горького и Маяковского, Навои и Низами, Шевченко и Чавчавадзе, Ахундова и Махтумкули и многих других выдающихся писателей народов СССР.

Вторая часть монографии посвящена современным процессам развития казахской советской литературы, теоретическому обобщению характерных тенденций ее развития. В книге раскрываются новые качества советской казахской литературы — коммунистическая идейность, народность, реализм, служение насущным задачам строительства социализма и коммунизма.

«Казахская советская литература, — пишет З. А. Ахметов, — рожденная Октябрьской революцией, выступала с самого начала как художественное творчество нового типа, как литература, развивающаяся в общем русле нового социалистического многонационального искусства народов нашей страны. На примере произведений зачинателей казахской советской литературы С. Сейфуллина, М. Ауэзова, И. Джансугурова, Б. Майлина, С. Муканова и целого ряда других писателей, а также народных певцов можно со всей ясностью увидеть, что главный объект изображения молодой казахской литературы — рожденная социалистической революцией советская действительность, новая жизнь народа. В казахской литературе все более утверждались принципы социалистического реализма, правда новой жизни, образ нового человека — человека труда, борца за идеалы социализма» (стр. 147).

Анализ и обобщения эстетических достижений казахской советской литературы в русле общесоюзного литературного процесса — главный стержень названного труда. Безусловно, ценный вклад в развитие многонациональной советской литературы внесли писатели — представители всех советских наций и народностей. В золотой фонд социалистической культуры советского народа вошли отличающиеся яркой национальной самобытностью произведения выдающихся писателей братских народов СССР старшего поколения.

Автор стремится показать, что обогащение и расширение интернациональных черт казахской литературы не нивелирует ее специфики, а, наоборот, способствует дальнейшему расцвету ее национальных особенностей.

Это положение весьма аргументированно развивается в главах «Пути развития эпической прозы», «Новаторские поиски в современной поэзии и обогащение поэтического языка», «Проблемы стихотворного новаторства в современной поэзии».

Проследивая пути становления эпической прозы, автор отмечает, что казахская проза непосредственно связана с поэтическим искусством народа, с его художественно-поэтическим мышлением. Она питается образами народной поэзии, воспроизводит особенности общенародного языка, использует фольклорные приемы развертывания повествования, обрисовки характеров и т. д.

Первый роман казахской советской литературы — «Тернистый путь» С. Сейфуллина положил начало художественному изображению темы революции. К новым темам и проблемам в жанрах рассказа и повести впервые обратился Б. Майлин.

Значительное место отводится автором рассмотрению эпической прозы — романа, в разработку которого большой вклад внесли М. Ауэзов, С. Муканов, Г. Мусрепов, Г. Мустафин и ряд других казахских прозаиков.

Нельзя не согласиться с автором, когда он утверждает, что в романе-эпопее «Путь Абая» М. Ауэзов достиг многостороннего охвата действительности, подлинного мастерства в изображении характеров и глубокого раскрытия психологии человека, что позволяет смело поставить этот роман в ряд наиболее значимых произведений советской литературы.

К достижениям современной казахской советской литературы относятся и такие произведения крупной формы, как трилогия «Яик — светлая река» Х. Есенжанова, роман-трилогия «Кровь и пот» А. Нурпеисова, и некоторые другие, в которых изображение революционных событий обобщено и доведено до высокого уровня художественной типизации.

Углубление психологизма, усиление внимания к морально-этическим проблемам, стремление к глубокому раскрытию характера героев, к большому социально-психологическому обобщению и более полному овладению богатыми возможностями жанра крупной прозы с его художественно-стилистическим многообразием — наиболее характерные направления творческих поисков казахских прозаиков, отмеченные автором.

Освещая вопросы развития поэтического языка, исследователь рассматривает советскую поэзию как целостное явление, прошедшее единый идейно-художественный процесс, в результате которого в лучших ее произведениях достигнута гармония содержания и поэтической формы. Плодотворны наблюдения автора, раскрывающие всю сложность взаимодействия средств стихосложения и богатство выразительных возможностей стихотворной формы.

З. А. Ахметов стремится показать, что в казахской литературе (как и в литературах всех народов СССР) высокая идейность, народность и гражданский пафос органически сочетаются с поисками художественного совершенства формы. Этому способствуют использование многообразных изображений

тельных средств, разработка новых жанров, обогащение поэтического языка.

Обобщение идейно-художественных достижений казахской советской литературы на современном этапе имеет и важное интернациональное значение.

Опыт борьбы за социалистические преобразования жизни в Казахстане, осуществленная в республике за сравнительно короткое время культурная революция вызывают большой интерес и чувство восхищения у всех прогрессивных людей мира. Вместе с тем автор отмечает, что в условиях острой идеологической борьбы на международной арене делаются попытки дать необъективную, искаженную картину казахской литературы, умалить значение ее успехов. Так, например, в книге «Основы тюркской филологии» (т. II), изданной в 1965 году на немецком языке в Западной Германии (Висбаден), в разделе, посвященном казахской литературе, составители стремятся выдать за ее видных представителей реакционных и давно забытых деятелей литературы. В опубликованной в 1974 году в Турции «Антологии национальной поэзии» также искажена история литератур тюркоязычных народов (азербайджанской, татарской, казахской и др.), и предпринята попытка пропагандировать произведения, чуждые народу, идейно ошибочные.

Книга З. А. Ахметова дает достойную отповедь подобным измышлениям реакционных зарубежных литературоведов.

В рецензируемой работе приводятся многочисленные и разнообразные литературные факты, имена и названия произведений, отдельные из них, на наш взгляд, можно было бы опустить без ущерба для изложения.

Анализируя пути развития художественной литературы, автор стремится обобщить результаты изучения этого процесса в работах литературоведов и критиков, что представляется нам весьма ценным начинанием. Было бы желательно, чтобы в трудах, посвященных проблемам развития литературы, авторы не оставляли без внимания состояние изученности и осмысления этих важных литературоведческих проблем.

Рассмотренные в книге литературные явления присущи многим литературам народов СССР, ибо аналогичные процессы — тесное сближение национальных культур, творческое освоение достижений передовой русской литературы и литературы других братских народов — характерны для всех национальных литератур нашей страны. С этой точки зрения данная работа должна привлечь внимание широкого круга специалистов-литературоведов братских республик, а также читателей, интересующихся вопросами развития национальных литератур.

Б. Наурызбаев

Л. Т. МАХМУТОВА. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЮРКСКИХ ДИАЛЕКТОВ. МИШАРСКИЙ ДИАЛЕКТ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

ИЗД-ВО «НАУКА», М., 1978, 270 стр.

Рецензируемая книга посвящена исследованию одного из ответвлений татарского общенародного языка — мишарского диалекта, сыгравшего наряду со средним диалектом важную роль в формировании и развитии татарского литературного языка.

Автор книги Л. Т. Махмутова более двадцати лет (с 1947 года) активно изучает татарские диалекты и ведет большую работу по составлению Диалектологического атласа татарского языка (ДАТЯ). Под ее руководством проведен ряд специальных экспедиций с целью фронтального обследования мишарских и некоторых других татарских говоров. В результате накоплен богатейший фактический материал, на основе изучения которого Л. Т. Махмутовой опубликована серия статей по татарской диалектологии и мишарскому диалекту.

Данная монография является результатом более чем двадцатилетнего (1947—

1973) научного обследования, проведенного автором в Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Горьковской, Ульяновской, Саратовской областях, Мордовской и Башкирской АССР. Л. Т. Махмутовой использованы также материалы, находящиеся в диалектологическом фонде сектора языка Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова.

Монография включает введение и две главы: «Фонетика» и «Морфология». В конце работы приложена карта-схема распространения мишарского диалекта по территориям, охватываемым I и II томами ДАТЯ, и приведен список мишарских сел согласно I тому Атласа.

Во «Введении», состоящем из трех разделов, автором полно и вместе с тем кратко прослеживаются «расселение мишарей» и их этнические контакты в отдельных регионах. В описании заселения мишарями тех или иных областей, их переселений ав-

тор использует труды по истории и другие источники, не обходя также народные предания, различные фольклорные материалы. Автор приходит к выводу, что мишари, ныне расселенные на огромной территории, в силу ряда исторических причин подвергались различным иноязычным влияниям и прошли достаточно сложный путь этнического формирования.

В разделе «Классификация мишарских говоров» говоры мишарского диалекта прежде всего дифференцируются на цокающие и чокающие группы и классифицируются по территориально-лингвистическому принципу. Л. Т. Махмутова, хотя и считает, что принятая ныне классификация «в основе своей верна и нет необходимости вносить в нее существенные коррективы» (стр. 18), однако, используя новые материалы и учитывая иноязычные влияния на мишарей, а также их всевозможные этнические контакты, существенно углубляет аргументацию деления мишарского диалекта на говоры. Вполне закономерным представляется предположение о возможности участия в генезисе мишарей разных подоснов и влияния причин субстратного характера и т. д. Автор стремится учесть все факторы, имеющие непосредственное или косвенное отношение к возникновению и образованию языковых различий между отдельными говорами (см., например, смешение представителей разных групп при расселении мишарей царским правительством, о тептярском влиянии в байкибашевском говоре и т. д.).

В разделе «История изучения мишарского диалекта» (стр. 18—30) Л. Т. Махмутова подробно и последовательно анализирует работы ученых, в той или иной мере занимавшихся изучением мишарского диалекта в XIX и первой половине XX века: Н. И. Золотницкого, В. А. Казаринова, Е. А. Малова, А. Г. Бессонова, Н. Ф. Катанова, Г. Ахмарова, Н. К. Дмитриева, Х. Пасононена, Г. Вайля, Р. Лаха, С. Какука, Дж. Валиди, Л. Залая и др.

В монографии дается описание фонетики и морфологии мишарского диалекта как целостной системы, уточняются различия между его говорами. Автор сопоставляет мишарский диалект с татарским литературным языком, привлекая при этом также материалы и других современных и древних тюркских, а также некоторых финно-угорских языков, в первую очередь соседнего мордовского.

Таким образом, автором впервые вводятся в научный обиход все лингвистические данные языковой системы одного из наиболее интересных тюркоязычных диалектов — мишарского.

Фонетика мишарского диалекта рассматривается в книге в синхронном плане как система фонем со всеми их изменениями в различных сочетаниях и позициях. Монография содержит многочисленные исторические и этимологические экскурсы.

Система гласных диалекта исследуется в книге на фоне закономерностей изменения шкалы гласных в поволжско-тюркских языках. Подробно анализируются в ней нисходящие и восходящие дифтонги и монофтонгизация как одна из характерных особенностей мишарского диалекта. Четко представляются различия в развитии древнетюркских звуковых сочетаний *öj*, *üj*, *ow*, *üv*, *ev*, *eb* и т. д. в среднем и мишарском диалектах.

В системе согласных звуков выявляются отличительные особенности в их употреблении, прослеживаются расхождения в артикуляции и звуковых соответствиях. Специфическая черта мишарских говоров — цоканье рассматривается на фоне системы кыпчакских диалектов (татарского — западносибирских татар, караимского, балкарского, киргизского и азербайджанского языков), раскрываются причины возникновения и существования этого явления, закономерности его развития (стр. 6, 63—66).

Фонетическим особенностям мишарского диалекта дается Л. Т. Махмутовой глубоко научное и всестороннее объяснение. Весьма ценно то, что при интерпретации языковых явлений, как правило, привлекается большой сравнительный материал из других тюркских языков и древнетюркских памятников (см., например, соответствия *ы/е ~ а/ä*; *ый/ий ~ а/ä*; *ä ~ и*; *и ~ ä*; *о/ə*, *ы/е ~ у/ү*; *ү ~ и*; *п ~ б*; *л ~ 5*; *С ~ в*; *н ~ м*, *т ~ к*, *з ~ ж*, *р ~ л*; *с ~ ш* и др.). Заслуживает внимания раскрытие причин и особенностей монофтонгизации нисходящих дифтонгов с неслоговым *й* (*ар'ан* — литер. *айран*, *кар'ак* — *кайрак*, *бала* — *байла*, *кан'ана* — *кайнана*, *ат'-/эт-* — *эйт-* и т. д.), палатализации переднеязычных (*д'*, *н'*, *т'*, *л'*, *р'* и т. д.) и ряда других фонетических явлений.

Первая глава имеет особое значение еще и потому, что фонетика татарского языка до сих пор разработана недостаточно. Книга Л. Т. Махмутовой содержит качественную и артикуляционную характеристику звуков, сопоставляемых с их эквивалентами в татарском литературном языке и среднем диалекте. Глава «Фонетика» одновременно излагает и учение о фонемах.

Глубиной научного анализа отличается и вторая глава книги. Морфологический строй мишарского диалекта, будучи близким к морфологическому строю татарского литературного языка, имеет и ряд отличий. В работе анализируется вся система грамматических особенностей мишарского диалекта, рассматриваются все части речи, их общие и отличительные черты в сравнении с литературным языком и средним диалектом. Большое место отводится анализу глагола (стр. 134—201), его залоговым и временным формам, а также семантике. Автор выявляет древние формы глагола в мишарском диалекте, раскрывает их значения. Большинство таких глагольных

форм характерно для современных кыпчакских или кыпчакизированных тюркских языков, а также древнетюркского языка (например, формы повелительного наклонения на *-гын*, желательного наклонения на *-гай*, причастия на *-дач* и т. д.).

Подробно анализируются в монографии послелоги, союзы, модальные слова.

Значительное место уделяется в работе анализу (стр. 236—253) мало исследованных в татарском языкознании частиц. Автором обстоятельно описываются разряды частиц (указательные, определительные, усилительные и ограничительно-усилительные, модальные, формообразующие), дается их генетический анализ с привлечением большого числа примеров и сопоставлений из других языков. Л. Т. Махмутова указывает, что в мишарском диалекте наряду с частицами, возникшими на тюркской почве, имеются и заимствованные из арабского, персидского и, особенно, — русского языков. Таким образом, рецензируемое исследование вносит много нового и в изучение служебных частей речи татарского языка, существенно его углубляя.

В заключение автор выделяет мишарские формы, исторически восходящие к кыпчакским и огузским формам, и останавливается на явлениях, общих с особенностями чувашского и ногайского языков.

В монографии Л. Т. Махмутовой впервые характеризуется вся система говоров мишарского диалекта, устанавливаются его специфические особенности, определяются закономерности формирования мишарских говоров в различных условиях.

Глубокий сопоставительный анализ всех особенностей и языковых фактов мишарского диалекта позволяет автору высказать суждения и об этническом составе мишарей. Основу мишарей, по ее убежде-

нию, заложили древние кыпчаки, вероятно, ассимилировавшие часть огузов, тогда как в формировании западных групп мишарей определенную роль сыграли и ногайцы. Автор делает предположение о возможности ассимиляции предками мишарей и небольших групп финно-угорских племен.

Отличительные черты отдельных современных мишарских говоров объясняются смешением их чокающих и чокающих вариантов, а также влиянием говоров среднего диалекта. Мишарские говоры на территории Башкирии испытали непосредственное, а чаще опосредствованное влияние башкирского языка.

Вполне логичны и, на наш взгляд, совершенно справедливы выводы автора о том, «что носители мишарского диалекта — мишари — в основе своей представляют осколок попавших не позднее XI в. в бассейн рек Цна и Мокша тех древнекыпчакских племен, потомками которых принято считать караимов, балкарцев, кумыков, а также тех, кому принадлежал язык письменного памятника Codex Cumanicus и памятники половецкого языка XVI—XVII вв.» (стр. 262).

Значение работы Л. Т. Махмутовой выходит за пределы татарского языкознания и представляет значительный интерес для тюркологии в целом.

Обращает на себя внимание предельная сжатость текста монографии при емкости изложения, стройность композиции и убедительность аргументаций.

Книга Л. Т. Махмутовой, несомненно, будет встречена с интересом и признательностью студентами, преподавателями, научными работниками-филологами и всеми диалектологами-тюркологами.

Д. Б. Рамазанова, Ф. С. Баязитова

М. А. ХАБИЧЕВ. КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЕ ИМЕННОЕ ФОРМООБРАЗОВАНИЕ И СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ

КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОГО
КНИЖНОГО ИЗД-ВА, ЧЕРКЕССК, 1977, 110 стр.

Новая книга М. А. Хабичева, автора монографии «Карачаево-балкарское именное словообразование» (Черкесск, 1971), является как бы продолжением работы ученого в области морфологического строя одного из тюркских языков в сравнении с некоторыми близкородственными языками. В основу нового исследования М. А. Хабичева положен сравнительно-исторический метод, благодаря чему оно приобретает общетюркологический интерес.

Монография состоит из двух основных разделов: «Аффиксальное формообразова-

ние» (стр. 7—28) и «Именное словоизменение» (стр. 29—73). Им предшествуют список различных сокращений и введение, занимающие всего четыре страницы. Последний раздел книги «Памятник аланского языка VIII века», в целом также весьма интересный, стоит несколько особняком и непосредственного отношения к теме работы не имеет. Монография завершается сравнительными таблицами склонения имен в куманских языках (стр. 90—104). Ответственным редактором книги является видный тюрколог Э. Н. Наджип.

Новизной постановки вопроса, на наш взгляд, отличается первый раздел, где исследуется аффиксальное формообразование.

По мнению автора, аффиксы формообразования «по своему значению и употреблению стоят ближе к продуктивным аффиксам лексического словообразования... Однако между формообразующими и словообразующими аффиксами имеется существенная разница» (стр. 7), которая, считает автор, заключается в следующем: «Если аффиксы словообразования создают новые слова с новым лексическим значением, то формообразующие аффиксы, присоединяясь к первичным корням, неизпроизводным и производным основам всех имен, в основном новых слов не создают, а придают слову добавочное грамматическое значение принадлежности, указания на место, сравнения, уподобления, уменьшения, обладания, отсутствия» (там же).

Попытка автора выделить аффиксы, до сих пор рассматривавшиеся как деривационные, из числа аффиксов словообразования и ввести их в грамматическую систему языка, несомненно, заслуживает внимания. Действительно, эти аффиксы отличаются от словообразующих не только по своему значению, но и по присущей им широкой дистрибуции употребления, что дает все основания рассматривать их как новую группу агглютинативных средств выражения грамматических значений в тюркских языках. Естественно, чтобы четко установить место формообразующих аффиксов в грамматической системе языка, необходимо указать и на отличие их от аффиксов словоизменения, что и делается автором монографии. По его мнению, это отличие заключается в нижеследующем: 1) формообразующие аффиксы в основном предшествуют словоизменительным; 2) имена с формообразующими аффиксами принимают на себя аффиксы словоизменения; 3) значение формообразующих аффиксов шире значения словоизменительных; 4) аффиксы формообразования имен присоединяются только к именам и субстантивированным словам; 5) имена, оканчивающиеся на формообразующие аффиксы, выполняют в предложении функцию подлежащего, дополнения, определения и обстоятельства; 6) отдельные формообразующие аффиксы не подчиняются гармонии гласных и согласных: ср. к.-балк. *-ча* и кумык. *-нуки*; 7) формообразующие аффиксы включаются в состав основы; 8) формообразующие аффиксы способны наслаиваться друг на друга, что является выражением дальнейшего развития грамматических значений слов (стр. 8).

Хотя вышеуказанным особенностям автор пытается дать конкретное объяснение и посвящает этому вопросу несколько страниц своей книги, однако, на наш взгляд, оно не выглядит достаточно убедительным и вот почему:

1) утверждение, что формообразующие аффиксы в основном предшествуют словоизменительным, не может быть дифферен-

циальным признаком первых, ибо и словоизменительные аффиксы, например, аффиксы числа предшествуют аффиксам категории принадлежности, а эти, в свою очередь, — аффиксам категории склонения, последние же — аффиксам сказуемости; 2) способность формообразующих аффиксов принимать на себя аффиксы словоизменения, присуща также и словоизменительным; 3) имена, оканчивающиеся на формообразующие и словоизменительные аффиксы, по своей синтаксической функции также не различаются; 4) положение о том, что формообразующие аффиксы включаются в состав основы, нуждается в дополнительной аргументации, так как в этом отношении они не отличаются от словообразующих; 5) способность формообразующих аффиксов наслаиваться друг на друга присуща и аффиксам словоизменения.

Дифференцирующей может быть признака только указанная автором шестая особенность, сводящаяся к тому, что отдельные формообразующие аффиксы не подчиняются гармонии гласных и согласных. Что же касается четвертой указанной им особенности, то она ничего не говорит не в пользу формообразующих и не против словоизменительных аффиксов.

Следует, однако, отметить, что «многообразное противопоставление» формообразующих и словоизменительных аффиксов, о котором говорится на странице 8, подтверждает положение автора о том, что указанную им группу аффиксов нельзя ввести в деривационный механизм тюркских языков, ибо в ней реляционное содержание превалирует над деривационным. В этом отношении особо выделяются форма обладания, образуемая аффиксом *-лы, -ли, -лу, -лю*, и форма отсутствия, образуемая аффиксом *-сыз, -сиз, -суз, -сюз*.

В своей более ранней работе М. А. Хабицев относил эти аффиксы к словообразующим¹, хотя в семантике аффикса *-сыз* отмечал и значение формообразования².

Безусловно, попытка автора поставить в рецензируемом исследовании в один ряд с аффиксом *-сыз, -сиз, -суз, -сюз* и аффиксами *-лы, -ли, -лу, -лю* является совершенно новым в изучении грамматического строя тюркских языков. Ведь тюркологи, признавая за одним из полюсов этой полной и абсолютной антинормы «*-лы...*» *-сыз...*» (а именно, за полюсом *-сыз...*) формообразующую функцию, за другим (полюсом

¹ См.: М. Хабицев. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971, стр. 244—256.

² Там же, стр. 254; «Къарачай-малкъар тилни грамматикасы». Нальчик, 1966, стр. 149, 156; М. А. Хабицев. Местоимение в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1961, стр. 44—45, 92—93, 117, 184 и далее; М. А. Хабицев. Карачаево-балкарский язык. — «Языки народов СССР», т. II. «Тюркские языки». М., 1965, стр. 217—220, 222.

-лы...) признают лишь функцию словообразования³.

При этом хотелось бы подчеркнуть лишь один момент: формы обладания и отсутствия, будучи формами грамматического уровня, должны иметь какое-то категориальное значение. Однако об этих значениях в монографии ничего не сказано. На наш взгляд, обе эти формы относятся к категории падежа: первая — к обладательному падежу, вторая — к лишительному (абесив), что, собственно, и отмечается тюркологами⁴. Аналогично обстоит дело, по нашему мнению, и с относительной формой (стр. 14—16), образуемой аффиксом *-даггы, -деги* и выражающей адессив (относительный падеж), что характерно, например, для финского языка.

Представляется правомерным в составе аффиксов, именуемых М. А. Хабичевым формообразующими, выделить группу словоизменительных. Этот вывод напрашивается из самой рецензируемой монографии, возможно, вопреки желанию самого автора.

Интересен и второй раздел, посвященный именному словоизменению в карачаево-балкарском языке, рассматриваемому в сопоставлении с другими куманскими языками. Автор исследует в сравнительно-историческом плане все грамматические категории имен, в том числе категории: числа, принадлежности, склонения, сказуемости, особое внимание уделяя категории склонения, включающей девять падежей: основной, родительный, дательный, винительный, местный, исходный, продолжный, инструментальный, направительный. По мнению М. А. Хабичева, «в карачаево-балкарском языке семь падежей: основной, родитель-

ный, дательный, винительный, местный, исходный и продолжный. В основном все они присущи и сравниваемым языкам» (стр. 34).

Известно, что карачаево-балкарские языковеды вопросы категории падежа решают по-разному. Так, по мнению У. Байрамкулова⁵ и В. И. Филоненко⁶, в карачаево-балкарском языке семь падежей, У. Б. Алиева — шесть⁷. «Грамматика карачаево-балкарского языка» также указывает на наличие шести падежей в системе склонения⁸, что подтверждается и в последних по времени публикации исследованиях, посвященных категориям падежа этого языка⁹.

Как видно, мнение М. А. Хабичева перекликается с мнениями У. Байрамкулова и В. И. Филоненко, хотя содержание «седьмого падежа» каждым из авторов понимается различно. Так, если У. Байрамкулов рассматривает его как притяжательный, а В. И. Филоненко как творительный, то М. А. Хабичев считает его продолжным. Одному этому падежу автор рецензируемой монографии посвятил тринадцать страниц, то есть столько же, сколько всем остальным шести падежам, общепризнанным в карачаево-балкарском языкознании.

В разделе, посвященном категории склонения, привлекает внимание и утверждение автора о том, что «роль и значение родительного падежа может выполнять основной падеж, если слово, оснащенное аффиксом родительного падежа, из названия обладателя превращается в название признака: *къарачай-малкъар тили* „карачаево-балкарский язык“, *къумукъ тили* „кумыкский язык“, *къобан сууу* „кубанская вода“. Родительный падеж заменяется основным падежом и в сложных словах. Так, вместо *джазны башы* употребляется *джаз башы* „весна“, *эшикни аллы* — *эшик аллы* „двор“, „улица“ и т. д.» (стр. 37).

К сожалению, к основному падежу, выполняющему роль прямого дополнения, подобного подхода в монографии нет. Основной падеж с этой функцией М. А. Хабичев именует «неоформленным винительным падежом» (стр. 43).

В заключение хочется отметить, что монография М. А. Хабичева, несомненно, вносит много ценного в сравнительно-историческое изучение тюркских языков.

А. Ахундов

³ О том, что аффикс *-сыз...* имеет кроме деривационного и реляционное значение см.: J. Deny. *Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli)*, Paris, 1921, § 881; Е. Д. Поливанов. Фонетические особенности касимовского диалекта. М., 1923, стр. 9; В. М. Насилов. Аффиксы включения. — «Ученые записки Института международных отношений», вып. I; «Вопросы языка и литературы стран Востока». М., 1958; А. М. Щербак. Грамматический очерк языка тюркских текстов X—XIII вв. из Восточного Туркестана. М.—Л., 1960, стр. 100; М. Закиев. К вопросу о категории падежа в тюркских языках. — «Проблемы тюркологии и истории востоковедения». Казань, 1964; И. А. Андреев. К вопросу о выделении категории относительных прилагательных в тюркских языках. — «Ученые записки НИИ при Совете Министров Чувашской АССР», вып. 32, 1966, стр. 100, 102—103.

⁴ См.: Л. С. Левитская. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976, стр. 24—25.

⁵ У. Байрамкулов. Грамматика карачаево-балкарского языка. Кисловодск, 1931, стр. 49—53.

⁶ В. И. Филоненко. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940, стр. 30.

⁷ У. Б. Алиев. Малкъар тилин грамматикасы. I кесек. Нальчик, 1958, стр. 66—80.

⁸ «Къарачай-малкъар тилин грамматикасы», стр. 84.

⁹ В. Х. Хуламханова. Категория падежа в современном карачаево-балкарском языке. Автореф. канд. дисс. Баку, 1974.

И. РАСУЛОВ. УЛУФ ВАТАН УРУШИ ЙИЛЛАРИДА ЎЗБЕК ТИЛИ ЛЕКСИКАСИ

ЎЗБЕКИСТОН ССР «ФАН» НАШРИЕТИ, ТОШКЕНТ, 1977, 110 стр.

Исследование лексических богатств отдельных тюркских языков, установление специфики их развития в определенные исторические периоды, несомненно, имеет важное научно-теоретическое и практическое значение.

После Великой Октябрьской социалистической революции развитие узбекского литературного языка вступило в новый этап как в функциональном, так и в структурном отношениях. Лексика узбекского языка обогатилась тысячами новых слов. Процесс этот интенсивно продолжался и в период Великой Отечественной войны.

Рецензируемая книга профессора Кокандского педагогического института И. Расулова «Лексика узбекского языка в период Великой Отечественной войны» посвящена номинативным, семантико-стилистическим и структурным особенностям развития лексики узбекского языка в этот период. Книга включает: введение, три части текста, краткий русско-узбекский военный терминологический словарь и библиографию.

Во введении (стр. 3—8) автор характеризует экстралингвистический фон того периода, создававший предпосылки для развития лексики узбекского языка (эвакуация заводов, фабрик, научных учреждений из западных районов СССР в Узбекистан, развитие новых отраслей промышленности, сельского хозяйства, науки в республике). Обстановка военного времени обусловила своеобразие пополнения лексического состава узбекского языка (стр. 6). Этим объясняется правомерность постановки данной лингвистической проблемы и научная целесообразность настоящего исследования.

В первой части книги «Краткие сведения о лексике узбекского языка в период Великой Отечественной войны» (стр. 8—20) анализируются новые слова, появившиеся в узбекском языке в это время. Основываясь на исторических фактах, автор характеризует условия возникновения того или иного предмета — денотата слова или термина и раскрывает языковую специфику конкретной номинативной единицы.

В этом же разделе дается общая классификация новых лексических единиц:

1. Лексические единицы-термины, выражающие понятия или события, связанные с развитием тяжелой промышленности (электрификации, металлургии): *гидроиншоат* 'гидросооружение', *электрнома* 'электрописьмо', *мартен цехи* 'мартеновский цех', *пулат эритувчи* 'сталевар' и т. д.

2. Лексические единицы-термины, выражающие понятия или предметы, специфичные для военного времени: *Совет информация бюроси* 'Советское информационное

бюро', *оператив сводка* 'оперативная сводка', *эвакуация*, *капитуляция* и т. д.

3. Лексические единицы-термины, выражающие понятия ударной трудовой деятельности трудящихся: *виноградовачилар* 'последователи Виноградовой', *кривоносчилар* 'последователи Кривоноса', *беш юзчилар* 'пятисотники', *гвардиячи-термичи* 'гвардеец-сборщик (хлопка)' и т. д.

4. Лексические единицы и термины, отражающие развитие просвещения и культуры: *етуклик аттестати* 'аттестат зрелости', *синов* 'зачет' и т. д.

Автор рассматривает ряд характерных явлений, происходивших в узбекском языке: своеобразие употребления афоризмов, пословиц, отдельных слов и фразеологизмов, присущих фольклору, обогащение их новыми ситуативными значениями, заимствование русских афоризмов и идиом узбекским языком, выявляет особенности синтактико-ситуативных номинативных единиц — призывов периода Великой Отечественной войны.

Второй раздел книги «Изменения в военной лексике в годы Великой Отечественной войны» (стр. 20—48) посвящен подробному рассмотрению обогащения военной лексики узбекского языка.

Автор дает подробную классификацию военных терминов, обозначающих воинские звания и должности, ранее отсутствовавших в узбекском языке, в том числе термины, обозначающие ранги командного состава и военных специалистов. (*Совет Иттифоки Маршали* 'Маршал Советского Союза', *авиация генерал-майори* 'генерал-майор авиации' и т. д.), офицерского, сержантского, рядового состава (*полковник*, *лейтенант*, *старшина*, *ефрейтор*, *матрос* и т. д.).

Автор останавливается и на терминах, обозначающих звания и должности служащих транспорта (*генерал-директор*, *1-, 2-ва*, *3- ранг тяга директори* 'директор тяги 1-го, 2-го и 3-го ранга', *харакат директор полковниги* 'директор-полковник движения', *тяга инженер майори* 'инженер-майор тяги', *алока инженер-лейтенанти* 'инженер-лейтенант связи', *алока бригадири* 'бригадир связи' и т. д.).

В данной подгруппе автором учтены и новые для узбекского языка термины, обозначающие звания работников юстиции, возникшие в годы Великой Отечественной войны: *юстициянинг 1 — даражали давлат маслахатчиси* 'государственный советник юстиции 1-го класса', *1 — даражали юрист* 'юрист 1-го класса', *юстиция маслахатчиси* 'советник юстиции' и т. д.

И. Расуловым выявлены, классифицированы и описаны также термины, относя-

щиеся к другим лексико-семантическим разрядам, обозначающие виды военного оружия (*винтовка, автомат, гранат, миномет, снаряд, катюша* и т. д.), обозначающие военные действия и способы ведения боя (*атака, маневр, разведка, актив мудофаа тактикаси* 'тактика активной защиты', *пластунча эмаклаш* 'ползать по-пластунски', *залп* и т. д.), обозначающие организационное членение армии (*рота, батальон, Гарбий фронт қўшинлари қўмондонлиги* 'Командование войск Западного фронта', *Олий Бош Қўмондонлик Ставкаси* 'Ставка Верховного Главнокомандования' и т. д.), обозначающие понятия военной инженерии (*окоп, траншея, бошпана* 'бомбоубежище', *қўзатиш пункти* 'наблюдательный пункт' и т. д.), обозначающие понятия военной связи (*радиолакация, радиолакация станцияси* 'станция радиолокации', *дала почта станцияси* 'станция полевой почты', *қора хат* 'извещение о смерти' и т. д.), относящиеся к другим областям военного дела (наименования боевых медалей и орденов, например, *«Москва мудофааси учун»* 'За оборону Москвы' и т. д.).

В данной главе попутно определяются лексико-семантические особенности исследуемых лексических единиц и различные причины их появления: историческая обусловленность (*комиссар*), синонимическая конкуренция и архаизм бытующих терминов (*винтовка/милтик* 'оружие', *аэроплан/самолет*), расширение, развитие значения слова и метафоризация (*солдат, офицер, гвардия, артиллерия* — *уруш худоси* 'артиллерия — бог войны', *танк-йўлбарс* 'танк-тигр'), следствие билингвизма, употребления в узбекской речи русских слов (*мирно, вольно, равняйсь*), проявление «военного табу» (*Н. қисм* 'энская часть', *Б. дарёси* 'река Б'), экономия языковых единиц (*Лавочкин/Лак, Яковлев/Як*), речевая вариативность терминов (*танкист/танкчи, танка қашши отадиган қўрол/танк отар қўрол* 'противотанковое оружие') и т. д.

В третьей части книги «Источники развития узбекской лексики в период Великой Отечественной войны» (стр. 48—86) рассматриваются основные источники и способы формирования в этот период новых единиц узбекской лексики. Как показывает автор, этими источниками являлись внутренние ресурсы самого узбекского языка, а также заимствования из русского языка и кальки.

Лексические единицы, образованные на основе внутренних ресурсов узбекского литературного языка — слова, созданные морфологическим способом, например, образованные посредством аффиксов: *-чи, -дош, -зох*: *ўқчи* 'стрелок', *фронтош* 'однополчанин', *жангош* 'поле битвы', *сувдон* 'фляга' и т. д.; слова, образованные синтаксическим способом: *танкотар* 'противотанковое ружье', *сим тўсиқ* 'проволочное заграждение' и т. д.; лексические единицы,

образованные семантическим способом, употребляющиеся в новых значениях: *босмачи* 'бандит' → гитлеровец, *куч* 'сила' → Советская Армия, *тил 'язык'* → плен и т. д. Автор подробно анализирует явление изменения семантики слов — употребление старого слова в новом значении, сужение или расширение значения слов, позволяющее использовать уже известные слова для номинации новых понятий, возникших в период Великой Отечественной войны.

И. Расулов хорошо показал роль русского языка как одного из основных источников развития узбекской лексики в период Великой Отечественной войны. Влияние русского языка проявлялось в заимствовании и калькировании русских слов.

Рассматривая заимствования типа *генерал-майор, генерал-полковник, генерал-лейтенант* и т. д. (стр. 63—64), автор подчеркивает, что подобные слова по структуре и синтаксическому взаимоотношению компонентов сходны с узбекскими (тюркскими) парными словами, но по своей языковой природе и особенно по своим семантическим признакам коренным образом отличны от них.

Заимствованные сокращенные слова: КП — командный пункт — *команда пункти*, комдив — командир дивизии — *дивизия командири* и т. д. классифицируются автором по структурным признакам.

Отмечает автор и слова, возникшие в результате калькирования русских слов: (полное калькирование) взаимодействие — *ўзаро харакат*; огневая точка — *ўт очиси нуқтаси*; оборонительный бой — *мудофаа жанги* и т. д.; (неполное калькирование) концентрационный лагерь — *концентрацион лагерь*; оккупационная армия — *окупацион армия* и т. д.

В этом же разделе выявляются и следующие специфические особенности калькирования (неполного) из русского языка в узбекский а) замена словообразовательного аффикса русского языка узбекским: гвардеец — *гвардиячи*, автоматчик — *автоматчи*, зенитчик — *зенитчи* и т. д.; б) структурное изменение (слитность, сокращенность, раздельность): военнопленный (слитное) — *харбий асир* (раздельное), главнокомандующий (слитное) — *бош қўмондон* (раздельное), артподготовка (сокращенное) — *артиллерия тайёргарлиги* (раздельное) и т. д. Подробно рассматриваются в книге способы калькирования в узбекском языке русских составных терминов, образованных путем примыкания и другими способами. Заимствованные слова, термины анализируются и с точки зрения их компонентов: по принадлежности к той или иной части речи и синтаксическим признакам.

Суммируя свои наблюдения над словами, выполняющими функции терминов, автор отмечает присущие им типичные признаки: точная номинативная функция, системность, стилистическая нейтральность.

В конце третьей главы кратко характеризуются военные термины, существовавшие в начале войны, отмечается их нестабильность, критикуются некоторые тенденции искусственного терминотворчества, выявляется объективная потребность в совершенствовании и развитии терминологической лексики в словарном составе узбекского языка. Автор опирается при этом на статистические данные и различные печатные источники.

К книге приложен «Краткий русско-узбекский военный терминологический словарь», включающий основные, активно употребляющиеся военные термины, вошедшие в язык в годы Великой Отечественной войны.

В конце книги дана библиография использованной литературы.

Однако рецензируемая работа содержит и некоторые недостатки. Автор исследовал в основном специфические особенности военной лексики периода Великой Отечественной войны. В соответствии с названием книги было бы желательно показать также специфику лексики и других сфер жизни народа того периода, тем самым представив

широкую панораму формирования различных лексических пластов узбекского языка.

Во введении или в соответствующих разделах (а не только в конце книги) целесообразно было бы дать хотя бы общую характеристику состояния лексики в довоенный период, накануне войны и выявить основные тенденции образования терминов в узбекском языке. Это позволило бы автору более четко определить специфические особенности лексического состава узбекского языка исследуемого периода.

В работе имеются и повторы. Так, например, на страницах 28—29 дана этимология слов, обозначающих военное оружие, хотя этому вопросу специально посвящена третья глава книги.

Монография И. Расулова, несомненно, представляет интерес не только для исследователей конкретных тюркских языков, но и для тех, кто изучает такие общие вопросы языкознания, как язык и действительность, принципы языковой номинации, языковое развитие и экстралингвистические факторы и т. д.

А. Базаров, К. Мусаев

Б. УРИНБАЕВ. СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТРОЙ УЗБЕКСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

ИЗД-ВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР, ТАШКЕНТ, 1978, 144 стр.

В рецензируемой книге Б. Уринбаева освещаются особенности синтагм и именных словосочетаний, выражающих изафетные отношения однокоренных словосочетаний (параллелизмов), присоединительные конструкции, типы простых предложений и предложений, осложненных вставными, вводными элементами и обращениями, а также вопросы инверсии.

Как известно, узбекскому литературному языку и его функциональным типам посвящен ряд исследований. Слова Т. Винокура: «Однако сущность речевого явления, определяемого термином „разговорная речь“, его место в системе общенародного языка, отношения между стилями литературного языка и разговорной речи, признаки разговорной речи как самостоятельной системы, как речевой формы и другие вопросы еще в достаточной степени не выяснены, четко не определены»¹ — могут быть в полной

мере отнесены и к узбекской разговорной речи. Б. Уринбаев отмечает, что специфические особенности узбекской разговорной речи еще нуждаются в углубленном изучении.

Остановившись на теоретических положениях общего языкознания, относящихся к разговорной речи, Б. Уринбаев выделяет различные особенности последней. К ним автор относит следующие: разговорная речь — это устная речь; устная разговорная форма литературного языка; один из типов речи; одно из функциональных явлений языка; одно из стилистических явлений языка; одно из стилистических явлений устной речи; одна из форм речи; одно из явлений устного литературного языка; речь повседневного обихода; речевое явление, стоящее между устной формой литературного языка и территориальными диалектами; самостоятельное, обособленное явление речи, имеющее свой стиль и свою форму, свои лингвистические признаки и лексико-семантическую систему и т. д. (стр. 4). Автору удалось осветить состояние синтаксического строя разговорной речи. Так как в синтаксическом формировании разго-

¹ Т. Винокур. К характеристике понятия «разговорная речь». — Журн. «Русский язык в национальной школе», 1965, № 2, стр. 20.

ворной речи диалогичность, эмоциональность, ситуативность и экстралингвистические факторы играют большую роль, она отличается от письменного типа языка организацией словосочетаний, членов предложений, сложных предложений и порядка слов в предложении. Кроме того, синтаксис разговорной речи богат присоединительными конструкциями и параллелизмами, обеспечивающими выразительность, лаконизм, актуализацию и контактирование речи.

В разделе «История изучения вопроса» автор дает краткий обзор работ по интересующей его проблеме и отмечает, что некоторые смешивают разговорную речь с диалектной. Б. Уринбаев справедливо полагает, что «некоторые языковеды, хотя и считают разговорную речь одним из функциональных видов литературного языка, все больше склоняются к тому, что это отдельный литературный язык. Однако между литературным языком и разговорной речью существует большая разница» (стр. 11—12). И поэтому, по мнению многих, «состав литературного языка не будет окончательно установлен, пока не будет выяснена природа разговорной речи как одной из его функциональных разновидностей» (стр. 12). Интересно отметить, что в 50-е годы на страницах журнала «Вопросы языкознания» широко обсуждались проблемы функциональной стилистики. Именно в тот период разговорная речь толковалась как один из функциональных стилей литературного языка.

В последнее время увеличилось число исследований, посвященных разговорной речи как явлению системы литературного языка. Так, например, О. Б. Сиротинина пишет: «Все характеристики разговорной речи даются только на основании записей речи людей, полностью владеющих нормами литературного языка. Для сравнения иногда привлекаются и дополнительные материалы — записи речи детей и людей с более низким культурным уровнем...»². Далее автор приводит слова О. Б. Сиротининой о том, что разговорная речь является «разновидностью литературного языка, используемой в условиях непосредственного, персонального, главным образом неофициального общения. Это означает, что она не может быть приравнена к функциональному стилю...» (стр. 17).

Б. Уринбаев пишет: «Некоторые языковеды считают, что на первоначальной стадии изучения разговорной речи можно опираться на материалы этой речевой системы, находящиеся в художественной литературе» (стр. 16). Не соглашаясь с подобным мнением, автор отмечает: «Разговорная речь в художественной литературе и разговорная

речь в системе литературного языка не одно и то же явление. В составе разговорной речи наряду с формами, подчиняющимися нормам литературного языка, мы встречаем формы, присущие диалектной речи» (стр. 16).

Б. Уринбаев далее подчеркивает, что в разных исследованиях в термин «разговорная речь» вкладывается различное содержание; ее определяют то как повседневную бытовую речь, то как устную разновидность литературного языка, то как промежуточную форму между устной литературной и народной разговорной речью и т. д. Автор предлагает свое определение разговорной речи: «По нашему мнению, характеризую термин разговорная речь, необходимо учитывать существующую в ней коммуникацию, потому что разговорная речь, хотя и обращена прямо к слушателю, обладает и диалогическим характером» (стр. 17).

Определение лингвистической сущности разговорной речи во многом зависит от степени изученности этой речевой системы. Так, в узбекском языкознании современное состояние изучения разговорной речи (в основном изучен ее синтаксис) не позволяет выявить все признаки разговорной речи и подробно ее охарактеризовать (стр. 17).

В разделе «Предложение как основная синтаксическая единица речи» рассматриваются: синтаксическое членение предложения, словосочетания, выражающие изафетные отношения, параллелизмы, присоединительные конструкции и их особенности, присоединительные конструкции в роли второстепенных членов, присоединительные конструкции в функции главных членов предложения, присоединительные предложения.

Известно, что для синтаксиса узбекской разговорной речи на современном этапе его развития характерны активная и пассивная конструкции предложения, основными признаками которого являются относительная законченность по смыслу, словесному выражению и интонации, наличие главных членов и взаимосвязи всех слов. Именно поэтому в данном разделе автор обращает особое внимание на интонацию, ритм, смысл предложения.

Признавая, что «изафет как синтаксическая категория существует и в узбекском языке», Б. Уринбаев пишет: «Изафетная конструкция состоит из двух частей, вокативный эпитет ее стоит с именем собственным. Он характеризует предмет или человека и добавляется к его имени. Эпитет может выражаться и именем существительным» (стр. 22—23). Под термином вокативный эпитет автор понимает формулы обращения, употребляемые вместе с именами или без них, и в качестве примера приводит: *ўртоқ, биродар, жаноб, жўра, ошна, гражданин*. «Эти формулы обращения, — пишет автор, — используются непосредственно в разговорной речи. Вокативность

² О. Б. Сиротинина. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974, стр. 4—5.

их отметил и Л. В. Щерба» (стр. 23). Таким образом, на основе фактического материала автор приходит к выводу, что «члены изафетного сочетания располагаются в строгой последовательности, образуя группу, в которой замыкающим является определяемое имя» (стр. 24).

В разделе «Параллелизмы в разговорной речи» Б. Уринбаев анализирует зависимые параллелизмы с синтаксической точки зрения и разделяет их на три типа: 1) синтаксическо-конструктивные параллелизмы; 2) параллелизмы приложения; 3) параллелизмы, образованные из повторов членов предложения. Причем эти типы он анализирует как в составе простого, так и сложного предложений. В составе простого предложения повторы могут быть сказуемым, дополнением, определением, а в сложном встречаются самые различные типы параллелизмов.

Б. Уринбаев дает краткую характеристику присоединительных конструкций и их особенностей в узбекской разговорной речи. Это прежде всего: специфическая ритмо-мелодика; своеобразная семантическая структура и порядок слов.

Автор доказывает, что в речи даже главные члены предложения могут формироваться как присоединительные конструкции. Кроме главных членов предложения, формирующихся как присоединительные конструкции, существуют еще целые предложения, выполняющие функции этих конструкций. Они разделяются на: повествовательные, вопросительные и восклицательные.

На наш взгляд, раздел «Типы простых предложений в разговорной речи», где детально описаны все ситуации, в которых применяются слова-предложения, является в книге одним из главных. Этот раздел охватывает подразделы: «Роль разговорной речи в формировании слов-предложений», «Слова-предложения с оттенком отрицания», «Слова-предложения, обозначающие оттенок утверждения», «Вопросительные слова-предложения», «Использование вокативных предложений в разговорной речи», «К истории исследования вокативных предложений», «О составе вокативных предложений» и др. Несмотря на важность исследования данной проблемы, «Концептуально-семантическое преобразование предложений до сих пор не было объектом исследования тюркологов. Объясняется это обстоятельство отчасти малочисленностью подобных образований в литературных языках — в противоположность диалектам и говорам, отчасти ограниченностью тематических рядов, в которые они входят»³.

³ М. Ш. Ширалиев. Предложение-слово (на материале азербайджанского языка). — В кн.: «Современные проблемы литературоведения и языкознания». М., 1974, стр. 467—468.

Б. Уринбаев отдельно останавливается на специфических особенностях употребления слов-предложений и определяет их отличие от других простых предложений; считает необходимым учитывать причины неделимости слов-предложений на члены предложения, их семантику, цель высказывания, лексико-морфологический состав, интонацию и другие особенности. Автор приходит к заключению, что «по своим специфическим особенностям слова-предложения не делятся на члены предложения. Эта особенность отличает их от других структурных предложений» (стр. 43).

В разделе «Предложения-реплики в разговорной речи» автор говорит о коммуникативной направленности и структурном строении реплики. Как известно, диалогические реплики, с одной стороны, тесно связаны с письменным литературным языком, а с другой — с живым разговорным. Поэтому Б. Уринбаев рассмотрел особенности реплик с учетом их коммуникативной направленности и структуры.

В небольшом по объему разделе «Сложные предложения в разговорной речи» Б. Уринбаев анализирует повторы сложного предложения и отмечает, что «параллелизмы в качестве синтаксических единиц в разговорной речи широко используются и состоят из повтора слов. Они служат для повышения эмоциональности разговорной речи. Параллелизмы выражают прочную связь компонентов сложных предложений, что способствует возникновению определенного интонационного ритма, выполняющего задачу грамматических связей (стр. 117).

Последний раздел книги «Порядок слов в разговорной речи» посвящен месту подлежащего и сказуемого в предложении, порядку второстепенных членов, инверсии дополнения и сказуемого, обстоятельства и сказуемого, определения и определяемого, а также присоединительным конструкциям и инверсиям, порядку слов в прямой речи, порядку слов, грамматически не связанных с членами предложения.

Нарушение порядка слов в предложении, происходящее в результате диалогического характера разговорной речи, ситуативности и эмоциональности, связано и с характером заданного вопроса. Исходя из этого, Б. Уринбаев отмечает, что задаваемые вопросы в узбекском языке уточняют цель говорящего, его намерения, конкретизируют информацию говорящего, его состояние в момент речи и используются говорящим в обиходе с определенными целями.

В конце своей работы Б. Уринбаев приходит к выводу, что в большинстве предложений, особенно вопросительных и отрицательных чувствуется стремление сохранить правильный порядок слов, а «диалогический характер разговорной речи приводит к нарушениям правильного порядка слов в предложении и этим привлекается внимание собеседника к действию, состоянию» (стр. 135).

В заключение хотелось бы отметить, что в рецензируемой монографии Б. Уринбаева с большой точностью и полнотой представ-

лена общая картина синтаксического строя узбекской разговорной речи.

Ш. Шукуров, М. А. Мамедов

Georg KARA — Peter ZIEME. DIE UIGURISCHEN ÜBERSETZUNGEN
DES GURUYOGAS «TIEFER WEG» VON SA-SKYA PANDITA
UND DER MAÑJUŚRĪNĀMASAMGĪTĪ

BERLINER TURFANTEXTE VIII. — «SCHRIFTEN ZUR GESCHICHTE UND
KULTUR DES ALTEN ORIENTS». BERLIN, 1977, 148+L стр.

Со времени выхода в свет первого выпуска «Berliner Turfantexte» (BTT) прошло немногим более шести лет, в течение которых один за другим увидели свет следующие семь выпусков этой серии. Большая часть из них была посвящена исследованию тюркоязычных письменных памятников. Удачно подобранный и квалифицированно подготовленный материал, публиковавшийся в этих выпусках, существенно дополнил данные, известные ранее, и позволил по-новому осветить некоторые вопросы, касающиеся истории и культуры народов Центральной Азии. Небезынтересен, с этой точки зрения, последний выпуск серии (BTT VIII). Памятники, изданные в BTT VIII, составляют единый комплекс с памятниками, опубликованными Г. Кара и П. Циме в предшествующем седьмом выпуске BTT, и отражают малоизученные стороны уйгурской культуры, а именно, уйгуро-тибетские культурные связи в монгольское время. До сих пор фактически не проводилось систематического исследования памятников этого круга, хотя, с точки зрения изучения культурного наследия народов, населяющих Центральную Азию, их значение весьма велико.

В BTT VIII опубликованы части двух произведений из Турфанского собрания Центрального института древней истории и археологии Академии наук Германской Демократической Республики: 1) уйгурского перевода «Гуруйоги» — сочинения, созданного в XII веке тибетским государственным деятелем и литератором Са-скья Пандита; 2) уйгурского перевода «Маñjuśrīnāmasamgiti» — буддийского канонического произведения, посвященного восхвалению одного из популярных божеств в буддийском пантеоне — бодхисаттвы Манджушри. В соответствии с составом публикуемого материала рецензируемая работа делится на два основных раздела (стр. 17—79 и стр. 83—121), которым предпослана общая часть, состоящая из вступительного слова, условных сокращений, списка литературы, перечня публикуемых фрагментов с указанием их старых и новых шифров, пояснений в отношении принципов транскрипции и перевода текста (стр. 5—13). Завершающая часть работы состоит из указателя слов к обоим текстам

(стр. 123—148) и пятидесяти таблиц — факсимиле публикуемых текстов (стр. I—L). В основных разделах работы представлены: транскрипция текстов вместе с предисловием, переводом, комментариями (в соответствии с традицией), а также транскрипция тибетского текста «Гуруйоги», тибетско-уйгурской словарь и дополнения к тексту «Mañjuśrīnāmasamgiti».

Текст А («Гуруйога» Са-скья Пандита) по содержанию — один из обобщающих трудов по теории и практике эзотерического ламаизма. Основные положения учения, изложенные в сжатой, лаконичной форме, перемежаются в нем цитатами из канонических сочинений и произведений известных деятелей буддизма и примерами из устных преданий. В этом сочинении четко изложено кредо учения, требующего от его последователей безоговорочного подчинения в телесном, духовном и материальном отношении. Судя по тому, сколь настойчиво подчеркивается в сочинении необходимость материальных пожертвований, этой стороне вопроса отводилось отнюдь не последнее место (ср., например: *baxši birlä körüsdük-intä quruq ilgin körüsmämäk bo oq bir upadıñ ārür* 'на встречу с Гуру не являться с пустыми руками — вот одно из предписаний' — А 136—138). Известно много разных версий «Гуруйоги». Сочинение Са-скья Пандита отличается от прочих прежде всего тем, что оно создано в тибетской культурной среде XII века и в обобщенном виде отражает атрибуты и понятия эзотерического ламаизма тибетского типа. Трансмиссия специфических понятий этого религиозного направления в уйгурскую языковую среду не могла быть осуществлена без определенного «приспособления» языка для этой цели. Конечно, нельзя не отметить того, что в языке памятника представлены выразительные средства, характерные для классической древнеуйгурской литературы: ритмический и синтаксический параллелизм, парные словосочетания, фразеология, отличающая литературную речь от обыденной (*alp bulıuluq ayır sadıv-lıy ād tavar* 'трудно добываемое и дорогое ценимое добро' — А 130) и т. п. Все это свидетельствует о том, что переводчику был известен весь комплекс художественных приемов, характер-

ных для классического литературного языка. Но вместе с тем язык этого памятника своеобразен и не вполне идентичен последнему. Своеобразие это проявляется не только в привлечении переводчиком лексических единиц и выражений, отсутствующих или редко встречающихся в других уйгурских памятниках (см. об этом стр. 19), в формальной недостаточности и искусственности некоторых синтаксических построений и в необычном порядке слов, объяснимых в какой-то мере влиянием языковой стихии тибетского оригинала (*birikgü-singä päng sizig yoq sözlämis boldi* 'было сказано, [что] нет сомнений в их схождении' — А 174—195; *baxšim utä manga... tözüp mančuširi kösündi* 'мой Гуру предстал передо мной в виде Агуа Маңжуш-ги' — А 177—179, *baxši ärgü burxan baxši ärgü* поэт. 'Гуру есть будда, Гуру есть дхарма' — А 269—270), в отступлении от норм морфологии, как, например, употребление аффикса сочинительной связи *-li* только при одном из однородных членов (*balıq-lı käyik* 'рыба и дичь' — А 427) и т. п. Своеобразие языка памятника выражается также и в том, что специальным (эзотерическим) терминологическим содержанием в нем наделены нередко «обычные», ходовые слова общего языка (ср.: *baxši* 'Гуру', *tudum* 'часть, доля', *tiltav basutčılar* 'благоприятствующие обстоятельства', *artıuqraq uylımaq* 'предельное сосредоточение' и многие другие). При подобном способе использования языковых элементов фактическое, специальное содержание текста может быть скрыто за его внешней тривиальностью. Но, несмотря на глубокую специфичность материала, рецензируемую работу отличают предельно корректная дешифровка и интерпретация текста, что является несомненным достижением авторов.

В предисловии к первому разделу дана характеристика текста в разных аспектах. Здесь представлены сведения о внешних данных рукописи, о содержании текста, его отличительных особенностях в отношении графическом, фонетическом, морфологическом, лексическом и синтаксическом. Специальный параграф посвящен сравнению по ряду признаков уйгурского перевода с тибетским оригиналом. Представленные в нем наблюдения, в частности, о распределении некоторых языковых элементов в уйгурском языке в сравнении с их распределением в тибетском, ценны не только с точки зрения задач собственно текстологического исследования, но имеют и большое теоретическое значение.

Текст В («*Mañjuśrīnāmasaṃgiti*») — один из многих сочинений, посвященных богословию Манджушри. Известны различные версии этого сочинения, развернутые и сокращенные редакции. Для издания привлечены 36 фрагментов уйгурского перевода сочинения в полной редакции. Предис-

ловие к изданию содержит полное описание используемых фрагментов и, так же как предисловие к первому разделу, включает заметки о графике и языке сочинения, об особенностях его содержания (с перечнем глав на санскритском, тибетском, монгольском и уйгурском языках). Заслуживает внимания и то обстоятельство, что в тексте памятника при некоторых словах сбоку от строки приведены также глоссы на письме брахми северо-туркестанского типа «б» (см. полный список этих глосс на стр. 84—85). Сочинение включает в себе обширный набор стереотипных формул и эпитетов, используемых при апологии. Благодаря этому уйгурский перевод может явиться полезным источником для изучения способов передачи такого рода штампов на другой язык.

В отношении внешнего оформления публикации авторы придерживаются в основном принципов, выработанных в предшествующих выпусках ВТТ, хотя ими внесены и некоторые необходимые коррективы.

Указатель слов включает все встречающиеся в тексте лексические единицы и их типические сочетания, за исключением лексикой фрагментов, приведенных в дополнении к тексту «В». В комментариях дано по возможности исчерпывающее толкование не только новых данных публикуемых памятников, но и языковых элементов, известных по другим памятникам, значение которых до последнего времени оставалось не вполне ясным (ср.: *yog-luv* 'полезный' — стр. 35, прим. А 73 и многие другие). Необходимо отметить также компактное и удобное для пользования расположение материала, лаконичность изложения, сочетающаяся с информативной насыщенностью.

Некоторые вопросы, возникающие при чтении работы, касаются лишь деталей. Например, правомерно ли именовать форму на *-siy* в сочетании *alp qısiy* нецелеситативом, так как по своим семантическим признакам в этом сочетании она скорее может быть причислена к атрибутивам. На фоне общей картины фонологических противопоставлений, отраженных в транскрипции, не вполне ясны мотивы передачи слова в значении «вид, сорт» в форме *tör* (А 51, 85, 308, 395 и др.), при которой теряется основа противопоставления в ряду: *tür* 'вид, форма'/*tör* 'почетное место в юрте'.

В рецензируемом выпуске ВТТ как бы сфокусированы достижения уйгуроведения последних лет. Впервые знакомя с материалом, относящимся к особой, малоизученной области центральноазиатской культуры, этот выпуск, несомненно, привлечет внимание специалистов в соответствующих областях знания. С точки зрения принципов текстологической обработки материала, он может представлять интерес и для более широкого круга исследователей.

Л. Ю. Тугушева.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРОБЛЕМЫ ЭПОСА ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

С 17 по 19 мая 1978 года в Элисте проходила Всесоюзная научная конференция «Эпос „Джангар“ и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов». Конференция была организована Научным советом по фольклору при отделении литературы и языка Академии наук СССР, Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР и Научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории при Совете Министров Калмыцкой АССР. В ее работе принимали участие ученые союзных и автономных республик РСФСР, Средней Азии и Казахстана, а также представители Москвы и Ленинграда. Было заслушано и обсуждено более 80 докладов и сообщений. Настоящая краткая информация знакомит с рассмотренными конференцией основными общетеоретическими проблемами, касающимися тюрко-монгольских эпических связей.

На пленарном заседании были прочитаны доклады *Г. И. Михайлова* (Москва), *А. Ш. Кичикова* (Элиста), *И. К. Илишкино* (Элиста), посвященные вопросам типологии эпоса монгольских народов, подводящие итоги изучению «Джангариады». Доклад *Б. Л. Рифтина* (Москва) «Синьцзянская версия эпической поэмы о Хонгоре» вызвал живой интерес новизной привлеченных материалов. Сопоставляя поэму о Хонгоре с калмыцким эпосом «Джангар», докладчик отметил их общие черты и различия.

Х. Г. Короглы (Москва) в своем докладе «Тюрко-монгольские эпические связи» дал сравнительный анализ ряда сходных сюжетов и мотивов эпоса тюрко-монгольских народов, совпадающих по содержанию и морфологической структуре. Изучая эти сюжеты и мотивы в историко-эволюционном плане, докладчик не только выявил их общетипологическое сходство и установил контактные связи создававших их народов, но и пришел к заключению, что функциональная совпадаемость анализируемых им сюжетов и мотивов обусловлена в основном генетической общностью. Это наблюде-

ние подтверждается еще и тем фактом, что в большей своей части мотивы и сюжеты совпадают не только по своим художественным функциям, их сближает общность мировоззрения, связанного с мифологическими и тотемными представлениями древних тюркоязычных и монголоязычных племен. Тотемы «волк» и «бык» широко распространены в этих генеалогических преданиях.

Б. Н. Путилов (Ленинград) выступил с докладом «Актуальные задачи изучения типологии искусства эпических певцов», особо подчеркнув значение исследования своеобразия творчества отдельных сказителей, и поныне популярных у тюркоязычных и монголоязычных народов. Докладчик наметил конкретные пути научного изучения особенностей искусства сказителя, которое должно вестись по единой программе и учитывать коллективную природу его творчества. Практикуемый в научной литературе чисто биографический подход к изучению индивидуального творчества сказителей не вскрывает в должной мере сложных процессов и взаимосвязей, существующих между сказителем и произносимым им эпическим текстом.

Р. Бердибаев (Алма-Ата) в докладе «Роль сказителя в системе эпической традиции тюрко-монгольских народов» сопоставив некоторые типы сказителей эпоса и проследив их творчество в разных условиях и под различным углом зрения (социально-историческим, психологическим и т. д.), выявил множество сходных творческих приемов и особенностей, хотя у тюрко-монгольских народов они и называются по-разному (казахские *жириш*, *жирау*, калмыцкие *джангарчи*, киргизские *манасчи*, якутские *олонхосуты* и др.).

На пленарном заседании был прочитан совместный доклад *С. И. Вайнштейна* и *Р. С. Липецца* (Москва) «Проблема взаимосвязи эпоса и народного изобразительного искусства кочевников Евразии», в котором говорилось об использовании материалов

скифо-сибирского звериного стиля для интерпретации и хронологизации наиболее ранних историко-генетических пластов эпоса тюрко-монгольских народов. Ряд параллелей, проведенных докладчиками между эпосом и изобразительным искусством, позволяет предположить, что возникновение эпоса древних кочевников Евразии относится к VIII—VI векам до нашей эры.

Дальнейшая работа конференции проходила по секциям.

В первой секции — «„Джангар“ и проблемы поэтики эпоса» несколько докладов было посвящено вопросам сравнительного изучения поэтики эпоса тюрко-монгольских народов. В своем докладе «Описание богатырского похода в эпосе тюрко-монгольских народов» *И. В. Пухов* (Москва), исходя из разностадийной специфики эпоса, проследил эволюцию в нем описания богатырского похода. По его наблюдению, в архаическом эпосе это описание содержит больше мифологических элементов, нежели в развитом героическом эпосе, где доминируют черты реальной действительности. В докладе *Дж. Таштемирова* (Фрунзе) «Исторические корни фольклорных связей тюркоязычных народов» была охарактеризована степень взаимосвязи ряда произведений народов, близких по этническому составу и территориально (киргизы, казахи, узбеки, туркмены и др.). В докладе *П. А. Троякова* (Абакан) «К вопросу о выяснении социально-бытовых истоков в эпических жанрах» были рассмотрены роль и значение этнографических и социально-бытовых реалий в последовательной трансформации сюжетов (в том числе и мотивов) в сказке и эпосе.

Ряд докладов был посвящен изучению различных типовых особенностей национальных эпосов тюркоязычных народов: *А. И. Чудояков* (Новокузнецк) «Принципы типизации в древних мотивах и сюжетах шорского эпоса», *А. Сыдыков* (Ош) «Эволюция героических мотивов в эпосе „Манас“», *С. А. Галин* (Стерлитамак) «К вопросу о соотношении стиха и прозы в башкирском эпосе», *Б. Мамедязов*, *А. Дурдыева* (Ашхабад) «Фантастико-приключенческие мотивы в контексте эпоса „Героглы“» и др.

В докладах на второй секции «„Джангар“ и проблемы типологии эпоса» рассматривались различные аспекты этой проблемы: идейно-эстетические принципы, традиции,

образы, бытовые реалии, а также сюжет, мотив, изобразительно-выразительные средства и т. д. Сопоставление данных уровней и планов эпического повествования на материале разноразнонациональных эпосов позволило докладчикам выявить общетипологические соответствия. Здесь следует отметить доклады *Ш. Халмухаммедова* (Ашхабад) «Общие черты калмыцкого и туркменского народных эпосов», *Ф. В. Ахметовой* (Казань) «„Джангар“ и эпос западносибирских татар», *М. М. Сагитова* (Уфа) «О некоторых сходных мотивах и образах в башкирском и калмыцком эпосе», *Р. Кыдырбаевой* (Фрунзе) «Степень и характер взаимосвязи эпоса „Манас“ с тюрко-монгольским эпосом», *Ш. Ибраева* (Москва) «К вопросу о социально-исторической детерминированности изобразительно-выразительных средств эпоса» и др.

А. М. Аджиев (Махачкала) в докладе «„Джангар“ и кумыкский эпос» на основе контекстуального изучения кумыкского и калмыцкого эпосов установил контактные связи, а также генетико-типологическую общность отдельных элементов эпоса указанных народов.

Некоторым особенностям эпоса тюрко-монгольских народов были посвящены доклады и сообщения: *Н. Ц. Биткеева* (Элиста) «Сюжетная структура „Джангара“», *В. Чичинова* (Г.-Алтайск) «Об особенностях эстетических представлений калмыков и алтайцев», *А. Г. Мигирова* (Элиста) «Древо жизни в эпосах тюрко-монгольских народов» и др.

В работе третьей секции «„Джангар“ и лингвистические проблемы изучения эпоса» доклады и сообщения были посвящены современному состоянию изученности языка устных произведений. При этом основное внимание было уделено языковым особенностям эпоса монгольских народов.

Заключительное заседание конференции носило практический характер. На нем выступили профессиональные сказители-джангарчи, после чего рядом участников конференции были проанализированы их творческие приемы.

Конференция, таким образом, подвела итоги изучению эпоса тюрко-монгольских народов на современном этапе, а также внесла определенный вклад в решение ряда проблем и вопросов фольклористики, прежде всего — эпоса.

Ш. Ибраев

«АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭСТЕТИКИ И ПОЭТИКИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА В ЛИТЕРАТУРАХ СОВЕТСКОГО ВОСТОКА»

18—20 октября 1978 года в Казани состоялась Всесоюзная научная конференция на тему «Актуальные проблемы эстетики и

поэтики социалистического реализма в литературах Советского Востока» — третья по счету теоретическая конференция, по-

священная вопросам творческого метода в восточных литературах нашей страны. Если на двух предыдущих (бакинской — 1972 и ташкентской — 1975) говорилось в основном об истоках и формировании социалистического реализма в литературах этого региона, то в центре внимания казанского форума литературоведов и критиков стояли проблемы этого творческого метода, выдвигаемые в наши дни, в эпоху развитого социализма и научно-технической революции.

Конференция была созвана Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР, Союзом писателей СССР, Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала Академии наук СССР и Союзом писателей Татарии.

На пленарном заседании и в двух секциях было заслушано сорок пять докладов и сообщений, посвященных основным чертам и тенденциям современного литературного процесса, актуальным методологическим и теоретическим проблемам изучения социалистического реализма.

В докладах отмечалось, что современная многонациональная советская литература развивается в условиях построенного в нашей стране общества развитого социализма, что оказывает решающее влияние на дальнейшее углубление ее идейно-эстетического единства.

М. Х. Хасанов (Казань), выступивший с докладом «Социалистический реализм и вопросы развития татарской советской литературы», подчеркнул, что «формирование в нашей стране новой исторической общности — советского народа — содействовало возникновению и новой эстетической общности», для которой характерно значительное расширение диапазона литературных взаимосвязей и взаимодействия. Связи национальных литератур стали еще более многосторонними и действенными, и это обстоятельство — важнейшее условие их взаимообогащения и успешного развития по пути социалистического реализма.

Участники конференции указывали, что современная советская литература представляет собой весьма сложную и многообразную эстетическую общность, и это делает особенно актуальным типологическое изучение метода социалистического реализма в литературах народов СССР. Этому вопросу посвятил свой доклад «Типология социалистического реализма и литературы Советского Востока» А. Н. Изютов (Ленинград). Он выделил в советской литературе следующие типы художественной изобразительности: собственно-реалистический, революционно-романтический и реалистически экспрессивный. Докладчик отметил, что для литератур Советского Востока особенно характерен третий тип, восходящий в творчестве писателей этого региона в значительной мере к наиболее исконным и глубинным для национально-эстетического самосознания народа худо-

жественным традициям. Посредством реалистически экспрессивного типа изобразительности лучшие представители литератур Советского Востока «органически включаются в мировой литературный процесс, ибо этот тип изобразительности свойствен методу социалистического реализма как всемирно-историческому явлению». Ускоренное развитие каждой из современных литератур Советского Востока, по мнению докладчика, позволяет за счет все более тесного и многостороннего взаимодействия с другими братскими литературами, активного освоения их опыта отражать завоевания всей советской литературы и достойно представлять ее в мировой литературе. Художественные поиски и достижения писателей Советского Востока убедительно раскрывают новаторскую природу социалистического реализма, его неограниченные творческие возможности. Между тем последнее обстоятельство порой оспаривается или даже игнорируется. Причем не только нашими идейными противниками за рубежом. Нормативный подход к трактовке эстетической сущности социалистического реализма, особенно его поэтики, иногда можно встретить и в советской литературоведческой науке. С критикой подобных представлений выступил В. А. Дмитриев (Москва), сделавший доклад на тему «Социалистический реализм как исторически открытая система правдивого постижения жизни». Полемизируя с теми, кто утверждает, что социалистический реализм, в отличие от других эстетических систем, будто бы характеризуется совокупностью ограничений, докладчик подчеркнул: «Эта концепция ограничений не справляется с задачей принципиального критического анализа новейших явлений советской литературы, литературы других социалистических стран».

Рассматривая современную многонациональную советскую литературу как новую эстетическую общность, динамически развивающееся единство, М. Х. Хасанов (Казань) и А. А. Гаджиев (Баку) указали на то, что способствует активному и многостороннему творческому взаимодействию и взаимообогащению отдельных национальных литератур. Кратко проследив историю развития татарской советской литературы по пути социалистического реализма, М. Х. Хасанов показал, что опыт этой одной литературы позволяет раскрыть важнейшие проблемы всей советской литературы. В докладе А. А. Гаджиева «Вопросы теоретического изучения межлитературных связей и взаимодействия на современном этапе» отмечалось, что в наше время национальный литературный процесс невозможно глубоко осмыслить без привлечения общесоюзного художественного опыта, ибо каждая национальная литература находится в разносторонних связях с другими литературами и интенсивно развивается и обогащается за счет приобщения к их коллективному опыту. Отсюда вытекает важный методологический принцип изучения

современной национальной литературы, требующий подхода к ней как к органической части общесоюзного художественного процесса. А в основе такого подхода опять-таки лежит метод социалистического реализма.

Проблемы социалистического реализма в докладах рассматривались как в их современном проявлении, так и в ретроспекции. Очень важный методологический вопрос о генезисе социалистического реализма был поднят в докладе З. С. Кедринной (Москва) «Социалистический реализм как результат многонационального художественного творчества». Актуальность изучения генезиса нового метода в литературах Советского Востока докладчик аргументировала тем, что «для этих литератур с их особым историческим прошлым, со спецификой литературного развития правильное решение проблемы генезиса является и решением проблемы национального своеобразия, того общего и особого, что характеризует каждую литературу в системе единого многонационального искусства нашей страны». Решительно отвергая утверждения, будто «овладение» методом социалистического реализма равноценно вступлению «в некую школу литературного чистописания», З. С. Кедрина проследила проблему генезиса метода на примере трех классиков советской литературы: С. Айни, М. Ауэзова и А. Упита, показав при этом, как эти писатели обогатили общую сокровищницу советского искусства национально-историческими традициями, обновленными и развитыми в процессе взаимосвязей и взаимодействия литератур. Тем самым эти писатели внесли весомый вклад в «самозарождающийся и саморазвивающийся живой организм метода социалистического реализма». Отметив в творчестве этих трех художников три типа «самообразования» нового метода, З. С. Кедрина подчеркнула, что С. Айни шел от тысячелетнего опыта восточной поэзии, А. Упит опирался на мировой литературный процесс, прежде всего на французскую и русскую классику, а М. Ауэзов в равной мере исходил из трех источников: родного фольклора, старовосточных традиций и русского классического реализма. З. С. Кедрина остановилась также на развитии традиций этих классиков литературы социалистического реализма современными советскими писателями.

Вопросам формирования социалистического реализма в литературах Советского Востока был посвящен также доклад И. А. Султанова (Ташкент) «Романтизм в дореволюционной и послереволюционной узбекской литературе». Докладчик остановился на роли романтизма в формировании и развитии социалистического реализма в узбекской литературе. При этом он отметил качественное отличие послереволюционного романтизма от дореволюционного. «Если романтическое направление в литературе дореволюционного прошлого базируется на отрицательном отношении к дей-

ствительности, — подчеркнул И. А. Султанов, — то в советский период романтизм, как и критический реализм, принимает на себя новую функцию. Романтизм советской литературы находит свой идеал в самой действительности». Говоря о роли романтизма в формировании творческого метода советской литературы, докладчик особо отметил, что становлению социалистического реализма во многом способствовало тяготение романтического мышления к исключительному в жизни. Эта черта романтического мышления, ярко проявившаяся в творчестве С. Айни и А. Кадыри, дает о себе знать в узбекской литературе и по сей день. Наряду с этим докладчик отметил недооценку роли романтического начала многими современными писателями, что объясняется недопониманием значения романтизма, неправильным отнесением его к до-реалистическому этапу развития литературы. Между тем романтическое мышление, по мнению докладчика, всегда сопутствовало и впредь будет сопутствовать человеческому восприятию окружающей действительности. И поэтому слабость романтического начала в современной литературе должна быть расценена как ее серьезный недостаток.

В литературе социалистического реализма свои качественные отличия имеет и такой сущностный фактор творческого метода, как эстетический идеал, не являющийся чем-то неизменным, раз и навсегда данным. Напротив, он представляет собой историческую категорию, изменяющуюся, обновляющуюся под воздействием самой действительности. Об этом говорила Ю. Г. Нигматуллина (Казань) в докладе «Некоторые особенности эстетического идеала в современной советской литературе». Она остановилась на некоторых особенностях эстетического идеала в современной многонациональной советской литературе, обусловленных его прогностической функцией. На этой основе докладчик делает вывод, что «именно благодаря возможности предвидеть будущее через осознание прекрасного, метод социалистического реализма является исторически открытой эстетической системой, открытой по отношению к будущему и в плане творческого развития прогрессивных традиций литературы прошлого». Как одну из характерных черт современной литературы, порожденную эпохой интенсивного научно-технического прогресса, Ю. Г. Нигматуллина отметила космизацию художественно-эстетического сознания писателей и на многочисленных примерах показала, что этот процесс протекает в различных формах и на разных уровнях.

Активное взаимодействие литературы и жизни в наше время весьма отчетливо проявляется в художественной трактовке образа героя. Эта проблема также привлекла внимание участников конференции. Ряд докладов был посвящен влиянию условий общества развитого социализма на формирование личности и отражению этого про-

песса в литературе. В докладе «Литература и формирование человека коммунистического общества» Л. И. Залеская (Москва) указала на несколько одностороннюю трактовку этой сложной и многогранной проблемы в некоторых произведениях, в которых выводится образ «делового героя», то есть человека, наделенного в основном лишь такими качествами, как профессионализм, организаторские способности и т. п. В целом, сказала Л. И. Залеская, «современная литература стремится к овладению многообразием социально-нравственной проблематики, а не только к изображению НТР и современного человека».

Осмысливая своих литературных героев как представителей новой исторической общности людей — советского народа, писатели стремятся глубже раскрыть истоки формирования этой общности. Л. И. Залеская показала это на примере произведений многонациональной советской литературы.

В докладах Г. Я. Хлебникова (Чебоксары) «Черты нового в эстетическом идеале современных чувашских писателей», Б. Б. Бадмаевой (Элиста) «Художественная концепция личности в калмыцкой литературе на современном этапе», Г. С. Мухомедовой (Казань) «Традиции А. М. Горького в изображении интонационального характера в современной литературе», Э. Г. Нигматуллина (Казань) «Концепция мира и человека в современной татарской прозе», Ф. М. Хатинова (Казань) «Духовный мир героя в произведениях социалистического реализма», Н. Н. Лаисова (Елабуга) «Концепция „человек и природа“ в современной поэзии» суммировался опыт отдельных национальных литератур в создании образа героя наших дней.

Одной из характерных черт современной литературы является историзм. Писатель А. Кекильбаев (Алма-Ата) в своем выступлении подчеркнул, что историзм ныне является вообще «одной из главных черт мировоззрения современного человека, ежедневно и ежечасно наглядно удостоверяющегося в общественной значимости своего дела и творческих дерзаний, осознающего себя не только творцом своей судьбы, но и главным субъектом исторического творчества своего времени». Свидетельством возросшего историзма литератур Советского Востока участники конференции считают обращение писателей к многовековому историческому прошлому своих народов. В выступлениях писателей А. Кекильбаева и К. Кулиева (Ашхабад) отмечалось большое социально-нравственное и идеологическое значение разработки исторической тематики, роль фольклора и мифологии в ее освещении, соотношение документа и художественного вымысла. Л. А. Бекизова (Черкесск) в докладе «Историзм характера в современной прозе Северного Кавказа» как на одно из свидетельств возросшего историзма литератур этого региона указала на успешное развитие в них жанра историче-

ского романа, тяготеющего к эпическому воплощению исторического и историко-революционного прошлого народов Северного Кавказа.

В некоторых докладах принцип историзма рассматривался, как историческая категория, в движении, развитии. М. Ш. Шукurov (Душанбе) в докладе «Историческая память: эволюция историзма в современной таджикской прозе» проследил эволюцию этой категории в таджикской советской прозе при отображении исторической памяти личности и общества. Путем сопоставления произведений основоположника таджикской советской литературы С. Айни с творчеством современных таджикских писателей докладчик показал, что у С. Айни «предметом художественного исследования были напряженная борьба и практическая деятельность трудящихся масс по созданию современной истории», тогда как в современной прозе «большее значение приобретают историческое мышление, историческая память». Это — одно из свидетельств дальнейшего углубления историзма современного художественного мышления, позволяющего выявить качественные изменения, происшедшие в обществе, в сознании людей.

Ф. М. Мусин (Казань) в докладе «Ленинский принцип историзма и некоторые вопросы его воплощения в современных литературах Советского Востока» как на наиболее показательный пример возросшего внимания современной советской литературоведческой науки к историзму в его движении, развитии указал на повышенный интерес к так называемому «осознанному историзму». Полемизируя с теми литературоведами, которые «осознанный историзм» считают одной из особенностей лишь литературы социалистического реализма, докладчик настаивал на необходимости рассмотрения его как исторической категории. Опираясь на известное высказывание Ф. Энгельса, Ф. М. Мусин подчеркнул, что «осознанный историзм», как таковой, не может быть особенностью лишь одного отдельно взятого творческого метода, что он в той или иной мере характерен для художников разных эпох, однако уровень воплощения его в творчестве находится в прямой зависимости от уровня развития общественно-политической и идейно-эстетической мысли эпохи.

Большая группа докладов была посвящена эстетическому и поэтическому богатству метода социалистического реализма, воплощенному в современных литературах Советского Востока. В докладах М. К. Кошчанова (Ташкент) «Стилевое многообразие социалистического реализма в современной узбекской литературе», Г. Б. Хусаинова (Уфа) «Некоторые особенности поэтики социалистического реализма в современной башкирской поэзии», А. Садыкова (Фрунзе) «Роль интернационального фактора в обогащении социалистического реализма в современной киргизской литературе»,

А. Мамедова (Ашхабад) «Социалистический реализм и его стилевые направления в туркменской литературе», С. Х. Ахмедова (Махачкала) «Социалистический реализм и его стилевое многообразие в современной дагестанской прозе», Р. Х. Свергина (Казань) «Стилевые особенности современной татарской прозы» было убедительно раскрыто заметное обновление и усложнение стиливой структуры конкретных литератур. Аналогичные изменения в жанровой системе литератур были показаны в докладах Р. Бердибаева (Алма-Ата) «М. Ауэзов и современный казахский роман», А. Г. Ахмадуллина (Казань) «Художественные искания в современной татарской драматургии», А. Х. Вахитова (Уфа) «Жанровые стиливые особенности современного башкирского историко-революционного романа» и А. А. Билюкиной (Якутск) «Художественные особенности современной якутской драматургии».

Об исторических судьбах романа, его месте в современном художественном процессе, о примечательных изменениях, происходящих в его жанровой структуре, говорил писатель А. Нурпеисов (Алма-Ата). Выступивший с докладом «Проблемы новаторства и обогащения казахского поэтического языка в современных условиях», З. А. Ахметов (Алма-Ата) высказал мысль, что разработка подобных проблем «расширяет наши представления о национальных литературах, о художественно-эстетических традициях, о процессе их сближения в советскую эпоху». Н. Г. Юзеев (Казань) в докладе «Обогащение формы художественного мышления в современной татарской поэзии», показав обновление и усложнение поэтики современной татарской поэзии в результате более активного и углубленного освоения традиций национальной и русской классики, общесоветского и мирового поэтического опыта, высказался за «обновление и обогащение методов и способов научного исследования поэтики для того, чтобы она оказывала большее влияние на поэтическую практику, стала более „нужной“, более „необходимой“ для поэтов».

Отдельные способы и средства обогащения поэтики социалистического реализма были рассмотрены в докладах А. Г. Яхина

(Казань) «Опыт комплексного исследования поэтики остроумного мышления», Т. Н. Галиуллина (Елабуга) «Социалистический реализм и роль художественной условности в современной поэзии» и Ф. В. Ахметовой (Казань) «Фольклоризм современной татарской прозы в свете эстетических критериев социалистического реализма».

Своими наблюдениями и соображениями об идейно-художественных исканиях в современных литературах поделились писатели А. Коптяева (Москва), П. Кадыров (Ташкент), Г. Ахунов (Казань), Ф. Исангулов (Уфа), Б. Укачин (Горно-Алтайск).

Доклады и выступления участников конференции показали, что, все глубже овладевая основополагающими принципами социалистического реализма и активно приобщаясь к общесоветскому опыту, современные литературы Советского Востока сами накопили значительный творческий опыт, приобрели общесоюзное и мировое художественное звучание. Расцвет литератур народов СССР, их признанные достижения убедительно опровергают лживые измышления буржуазной пропаганды, которая, как указывалось в докладе Л. П. Кюмова (Ташкент) «Критика „критиков“ социалистического реализма», в последнее время проявляет повышенный интерес к культуре народов Советского Востока и старается всячески умалить ее огромные успехи, достигнутые за годы Советской власти.

Подводя итоги конференции, ее руководители — член-корреспондент Академии наук СССР Г. И. Ломидзе и секретарь правления Союза писателей СССР Ю. И. Суровцев — подчеркнули, что она прошла на высоком идейном и научно-теоретическом уровне. В докладах были поставлены и освещены актуальные теоретические и методологические проблемы изучения развития социалистического реализма на современном этапе, в эпоху развитого социализма и НТР. Вместе с тем конференция в известной мере осветила также пути дальнейшего развития теории социалистического реализма и совершенствования методологии ее изучения.

Ф. Мусин

PERSONALIA

ГИБАД ХАБИБУЛЛОВИЧ АЛПАРОВ

(К девяностолетию со дня рождения)

Исполнилось девяносто лет со дня рождения известного ученого-языковеда, педагога и общественного деятеля, профессора Гибада Хабибулловича Алпарова, внесшего значительный вклад в развитие татарской культуры. Его имя, наряду с именами виднейших татарских и тюркских филологов Дж. Валиди, М. Курбангалиева, Г. Шарафа, Г. Ибрагимова, Г. Саади, Б. В. Чобанзаде, А. Фитрата и других, прочно вошло в историю тюркологии.

Гибадулла Хабибуллович Алпаров (Г. Алпар) родился 20-го ноября (3-го декабря) 1888 года в бывшей Уфимской губернии (ныне деревня Курманаево Авыргазинского района Башкирской АССР). Начальное образование он получил в сельской школе, среднее — в медресе Уфы, а затем в Казанской татарской учительской школе. В 1920—1926 годах Г. Х. Алпаров обучался

в Уфимском институте народного просвещения, а с 1926 года стал студентом известного Тюркологического семинария при Ленинградском восточном институте им. А. С. Енукидзе, окончил в 1930 году аспирантуру этого института.

Творческая биография Г. Х. Алпарова начинается с переводческой деятельности. В 1908—1909 годах он переводит на татарский язык ряд книг с русского и турецкого языков. Уже с этого времени он выступает как горячий сторонник дружбы тюркоязычных народов с русским народом, видя в ней залог их счастливого будущего. Занимаясь педагогической деятельностью в Стерлитамаке и Троицке, он публикует свои первые статьи в журнале «Шуро», издававшемся в Оренбурге. В Казани выходят его первые книги «Наш алфавит и орфография» (1912) и «Татарская азбука» (1913), посвященные актуальным вопросам татарской орфографии. Значение этих работ для своего времени было исключительно большим.

С первых же дней установления Советской власти Г. Х. Алпаров все свои силы и знания отдает благородному делу народного просвещения, развитию филологической науки и активной общественной деятельности. В 1917 году он избирается делегатом I Всероссийского съезда мусульман, проходившего в Москве, в 1919 году вступает в ряды партии большевиков. В 1919—1921 годах Г. Х. Алпаров работает учителем в Уфе и одновременно плодотворно сотрудничает в газетах «Кызыл юл» («Красный путь»), позднее переименованной в «Шэрык ярлылары» («Бедняки Востока»), и «Урал» — сначала в качестве секретаря, затем редактора. В своих многочисленных статьях, опубликованных на страницах этих газет, он обращается к актуальным вопросам политики и культуры.

Напряженная работа в трудные годы гражданской войны подорвала здоровье Г. Х. Алпарова. В 1921 году, находясь на лечении в Ташкенте, он читает лекции в партийной школе, ведет активную работу

по ликвидации неграмотности среди казахов и киргизов.

С октября 1922 года Г. Х. Алпаров выполняет обязанности секретаря редакции казахского журнала «Чолпан» и сотрудничает в газете «Ак жол» («Светлый путь»). В 1922—1924 годах он работает в Туркменском научном совете при Государственном ученом совете Наркомпроса Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики.

Живо откликаясь на все злободневные вопросы, Г. Х. Алпаров принимает активное участие в разработке татарской, туркменской, узбекской, уйгурской и каракалпакской орфографий и терминологий, пишет учебники для тюркоязычных школ.

В 1924—1925 годах Г. Х. Алпаров — секретарь Научного центра при Народном комиссариате просвещения Башкирии и секретарь журнала «Белем» («Знание») при Академцентре, а с 1926 года — научный сотрудник Наркомпроса Татарии.

Г. Х. Алпаров был делегатом Первого Всесоюзного тюркологического съезда, состоявшегося в Баку в 1926 году.

В становлении Г. Х. Алпарова как ученого большую роль сыграли прослушанные им в аспирантуре курсы лекций таких выдающихся советских ученых-лингвистов, как академики А. Н. Самойлович, В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов и др. По окончании аспирантуры он ведет преподавательскую и научно-исследовательскую работу по татарскому и общему языкознанию в Казанском педагогическом институте.

В 1934 году Г. Х. Алпаров возглавляет научную экспедицию по изучению языка рабочих и колхозников татар, в состав которой вошли известные татарские ученые Г. Шараф, Ш. А. Рамазанов, Х. Бадиги, Н. Хакимов, Л. Заляй, В. Хангильдин, Ф. Хамидуллин и другие (всего 20 человек).

До последних дней своей жизни (Г. Х. Алпаров умер от туберкулеза легких 31 июля 1936 года) ученый продолжает свои исследования, руководит аспирантами и молодыми специалистами.

Г. Х. Алпаровым написаны десятки научных работ, посвященных различным областям тюркского языкознания. Его многочисленные труды связаны главным образом с вопросами алфавита, орфографии и грамматики татарского, башкирского, туркменского и узбекского языков. В его «Избранные труды», изданные в 1945 году, вошли лингвистические работы по различным проблемам языкознания. Ныне подготовлено к печати второе, исправленное и дополненное издание этой книги.

Наиболее оригинальной и ценной работой Г. Х. Алпарова является «Татарская грамматика на формальной основе» (1926) — первый опыт научного исследования татарского языка. Несмотря на некоторые недостатки, эта работа ознаменовала собой начало нового этапа в развитии татарского советского языкознания. Для специалистов-тюркологов по сей день представляют интерес научные наблюдения ученого в области фонетики, морфологии и синтаксиса (например, о лабиализации гласного звука «а», о сингармонизме, о продуктивных и непродуктивных словообразовательных аффиксах, о фонетическом способе словообразования и т. д.). Это исследование содержит богатый иллюстративный материал, приведенный в сравнении с другими близкородственными языками — узбекским, туркменским, киргизским и др. Не утратили своего значения и такие статьи Г. Х. Алпарова, как «Об агглютинативной особенности татарского языка» (1927), «Сложные виды слов в татарском языке» («Татар телендә кушма төрләр» (1928), «Функциональные слова» (1933) и «Имеются ли придаточные предложения в татарском языке?» (1937), основные идеи которых были в дальнейшем использованы при разработке кардинальных вопросов грамматики татарского языка.

Г. Х. Алпаров внес заметный вклад в татарское языкознание и тюркологию в целом, поэтому мы всегда с благодарностью будем вспоминать его светлое имя.

Г. К. Якупова

ХРОНИКА

СЕМИНАР-СОВЕЩАНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗОН ПО СОСТАВЛЕНИЮ «ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОГО АТЛАСА ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ СССР»

20—22 декабря 1978 года в Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялось совещание представителей четырех зон по составлению «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» (ДАТЯ).

Это было первое из координационных совещаний, намеченных к проведению в центрах зон IV расширенным рабочим симпозиумом, посвященным проблемам «Реальных исследований в этнографии и языкознании», состоявшимся в 1978 году в Ленинграде.

В совещании принимали участие представители зон: М. И. Исламов, А. Г. Агаев (Кавказская зона), Ш. Ш. Шаабдурахманов, Г. Б. Бакинова, А. Нурмагамбетов, А. Иманбаев, Г. Я. Сапарова (Среднеазиатская зона), В. М. Наделяев, Н. Н. Широкова (Сибирская зона), а также сотрудники отдела узбекской диалектологии и ряда других языковедческих подразделений Института языка и литературы им. А. С. Пушкина. К сожалению, в работе совещания не смогли принять участия представители 2-й (Поволжской) зоны.

Совещание открыл заместитель директора института Э. И. Фазылов, ознакомивший участников совещания с работой отделов и с результатами, полученными сотрудниками института.

Ш. Ш. Шаабдурахманов в докладе «Диалектное членение узбекского языка» раскрыл сложный этногенетический процесс формирования современной системы узбекских диалектов.

Выступивший с сообщением В. М. Наделяев изложил некоторые положения к типологии артикуляционных баз. Он указал на связь артикуляционной базы с этносом и на пути перестройки фонологических систем родственных языков, получивших распространение в различных этнических группах.

20—21 декабря под председательством М. И. Исламова была проведена работа по

сведению накопленных материалов в таблицы и выработке языка карты.

Условные знаки были приняты для следующих вопросов:

1) соответствие *й-д-т-з-р* внутри и в конце слова (№ 124—128);

2) *ч-ж-ш-с* в конце слова (№ 130);

3) *б-в-ф/г-й-нуль звука* внутри и в конце слова (№ 131—134);

4) по всем разделам лексики (кроме дополнительных вопросов и тех, для которых условные знаки были предложены ранее).

При обсуждении разделов морфологии возникли некоторые расхождения во взглядах, в частности, в вопросе об аффиксе обладания, что потребует дальнейших уточнений.

Совещание приняло решение:

1. Провести очередное совещание представителей зон в Новосибирске, в мае 1979 года.

2. Представить к совещанию следующий материал: 1) по лексике два вопроса из дополнительного вопросника — *мать, дерево*; 2) по фонетике: а) соответствие гласных заднего и переднего ряда; б) соответствие широких и узких гласных (№ 1—29); 3) по морфологии: а) словоизменение, склонение имен: винительный и родительный падежи безличного склонения; б) раздел: времена и наклонения глагола, настоящее и будущее времена (исключая модальные и видовые формы); 4) раздел: повелительное-желательное наклонение, 2-е лицо единственного и множественного числа; 5) причастия.

3. Представить к совещанию также сводные таблицы по зонам. В случае если представители той или иной зоны не смогут принять участия в совещании, материал по такой зоне должен быть прислан к началу работы совещания по адресу: 630090, Новосибирск-90, проспект Науки, 17, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР.

4. В ходе работы над материалами для ДАТЯ обнаружились расхождения в си-

стемах обозначения (принятых в разное время), что сделало необходимым введение единой редакции знаков и сводных карт. В связи с этим совещание обратилось с просьбой к Советскому Комитету тюркологов определить состав соответствующей рабочей редакции.

5. Продолжить составление сводных таблиц и карт, поручив эту работу Н. Н. Широбоковой (Новосибирск).

Н. Н. Широбокова, Ш. Насыров

ШКОЛА МОЛОДЫХ КОМПАРАТИВИСТОВ

Проблемная комиссия по сравнительно-историческому языкознанию Института языкознания Академии наук СССР организовала школу молодых компаративистов, призванную способствовать творческому росту научных кадров в этой области советской лингвистики.

С 24 по 27 апреля в Москве проводился первый цикл лекций, прочитанных ведущими компаративистами Института языкознания и Московского государственного университета, слушателями которых были молодые специалисты из различных городов страны: Москвы, Ленинграда, Казани, Нальчика, Риги, Саратова, Сыктывкара, Таллина. Лекции были посвящены многим важным проблемам сравнительно-исторического языкознания: праязыку, приемам реконструкции (фонологической, морфологической и синтаксической), типологии раннеиндоевропейского праязыка, состоянию сравнительно-исторических исследований древних и среднетюркских памятников, принципам изучения изолированных индоевропейских языков и др.

Б. А. Серебренников в своей лекции «О праязыке» назвал установление семей родственных языков великим открытием в истории языкознания. Он подробно остановился на аргументах противников праязыковой гипотезы, обычно свидетельствующих о непонимании основных закономерностей развития языков и возникших под влиянием вульгарно-социологического учения Н. Я. Марра, показав их неубедительность.

Главное значение праязыковой гипотезы состоит в том, по мнению лектора, что она предлагает модель древнего состояния языков и позволяет проследить дальнейшее изменение этого состояния на протяжении длительного исторического периода. Отказ от праязыковой гипотезы фактически означает отказ от воссоздания истории языка, поскольку история отдельных языковых явлений не дает представления об истории языка в целом.

В лекции «Основные приемы реконструкции» Б. А. Серебренников показал, на чем основывается возможность реконструкции архетипов и воссоздания истории звуков, форм и синтаксических конструкций. Реконструкция широко использует факты неравномерности изменения звуков, форм и синтаксических конструкций в различных

родственных языках. Консервация в отдельных родственных языках более архаичных явлений может быть использована при изучении истории языков. Среди некоторых лингвистов широко распространен предвзвешенный, будто изучение истории тюркских и монгольских языков требует каких-то совершенно особых методов, которые не следует отождествлять с методами изучения истории индоевропейских языков. В действительности же приемы реконструкции едины и, хотя специфика языков учитывается, сущность самих приемов не изменяется.

Лекция Б. А. Серебренникова «О связи явлений языка с историей народа» была посвящена детальному рассмотрению методологического требования о необходимости увязки явлений языка с историей общества. На конкретных примерах из истории различных языков Б. А. Серебренников показал, какие трансформации в языке обусловлены социальными факторами, а какие — внутриязыковыми.

Основная идея лекции В. К. Журавлева «Сравнительно-историческая грамматика и грамматика праязыка» заключалась в обосновании необходимости разграничения предмета и метода сравнительной грамматики родственных языков и предмета и метода науки о праязыке.

Впервые эта идея зародилась на славянском языковом материале и была выдвинута Г. А. Ильинским в 1916 году. Обоснование этой идеи позволило славистам добиться существенных результатов в реконструкции славянского праязыка: в настоящее время он реконструируется не только как таковой, но и как язык, имеющий свою историю и диалектное членение.

В лекции «Принципы диахронической фонологии» В. К. Журавлев рассмотрел четыре возможных аспекта лингвистических концепций относительно фактора времени: синхронический, панхронический, полихронический и диахронический. Доказано, что в популярном анализе по синхронным срезам исторических исследований выражается полихроническая концепция, где антиномия Ф. де Соссюра: синхрония — диахрония остается непреодоленной. Лишь диахроническая концепция способна преодолеть эту антиномию и выявить развитие языковой системы.

Суть диахронической концепции заключается в последовательном анализе от оп-

позиции к корреляции и далее к системе в целом. Такой подход позволяет показать внутривидовое развитие языка как цепь причинно-следственных отношений.

В лекции К. Е. Майтинской рассматривались вопросы морфологической реконструкции. В словообразовании отмечались четыре пути возникновения морфологических единиц: конвергентное развитие элементов, переразложение основы, переход слов в словообразовательные морфемы, переосмысление формообразовательных морфем в словообразовательные.

В словоизменении характерным для языков различных типов являются переходы: личных и притяжательных местоимений в личные окончания, полнозначных слов в форманты, словообразовательные элементов в словоизменительные. В лекции характеризовались также принципы и механизмы заимствований в области морфологии.

Н. З. Гаджиева, анализируя приемы синтаксической реконструкции, отметила, что синтаксическая реконструкция существенно отличается от фонетической и морфологической. Если фонетическая и морфологическая реконструкции дают возможность восстановить первоначальный фонетический облик слова, его морфемный состав, то синтаксическая реконструкция связана с восстановлением отдельных синтаксических моделей. Н. З. Гаджиева выделила следующие операционные приемы синтаксической реконструкции: а) восстановление структурно-семантической модели; б) восстановление морфологического опорного элемента, формирующего данную структурно-семантическую модель. В лекции подчеркивалось, что при осуществлении синтаксической реконструкции используются приемы типологических и ареальных исследований.

В лекции Н. Д. Андреева были изложены результаты его исследований по реконструкции раннеиндоевропейского праязыка (РИЕ). Основываясь на концепции двух-согласного РИЕ корня, а также в большей степени, чем его предшественники, опираясь на законы эволюции РИЕ велярных спирантов, Н. Д. Андреев восстанавливает корнеслов, в котором, по полученным им данным, содержатся 203 корня. Далее лектор продемонстрировал на примерах, что в основе более поздних РИЕ процессов словообразования и словоизменения лежало РИЕ двучленное корнеслово. В заключение он проанализировал семантические поля, существовавшие внутри РИЕ корнеслова, и показал, что они свидетельствуют о верхнепалеолитическом характере племен, говоривших на РИЕ праязыке.

Остановившись на изучении языков древних и среднетюркских памятников, Э. Р. Тенишев подчеркнул необходимость разграничения в древних и среднетюркских письменных памятниках языков двух ти-

пов: литературного языка и народно-разговорных диалектов. Он отметил, что литературные языки представлены в памятниках в двух разновидностях: 1) языки большого временного действия (VII—XIX вв.), нанизанные на стержень единой письменной-языковой традиции (огузско-уйгурской); 2) литературные языки меньшего сравнительно с первым географического и временного масштаба, не связанные между собой языковой традицией (Закавказье, Малая Азия, Египет, Поволжье, XIII—XVIII вв.). «Масштабность» одной группы литературных языков и более узкое поле действия другой группы состоят в прямой связи с интенсивностью исторического, социального и культурного процессов.

Э. Р. Тенишев указал, что наряду со структурно-генетическим изучением языка тюркских памятников их необходимо исследовать и в функциональном аспекте.

В лекции В. П. Нерознака были изложены принципы изучения так называемых «малых» индоевропейских языков, то есть изолированных, не входящих ни в одну из известных групп как живых (албанский, армянский, греческий), так и исчезнувших (палеобалканские языки, скифский, древние языки Италии, Испании). На ряде примеров из области лексики и других уровней языка были показаны роль и значение фактов изолированных индоевропейских языков для сравнительно-исторических исследований и для наиболее полной реконструкции интердиалектных и межъязыковых ареальных отношений внутри индоевропейского языкового континуума. Уникальность лингвистических фактов живых и древних изолированных индоевропейских языков дает возможность развить и углубить историю индоевропейских языков в целом. Лектор отметил необходимость создания корпуса «Древние языки Европы», который бы включал все языковые памятники древних реликтовых индоевропейских языков.

В лекции Н. А. Слюсаревой «Компаративистика в трудах Ф. де Соссюра» говорилось о том, как складывался подход Ф. де Соссюра к сравнительно-историческому анализу индоевропейских языков и в какой мере занятия диахронической лингвистикой подвели его к осознанию важности синхронического рассмотрения языка как знаковой системы.

Характеризуя потенциальные возможности сравнительно-исторического метода, Н. С. Чемоданов в своей лекции показал на ряде примеров исключительное значение относительной хронологии для определения последовательности языковых изменений в дописьменный период развития языков.

В 1979 году школа молодых компаративистов продолжит свою работу.

Р. М. Бирюкович

«ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И СОВРЕМЕННОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ УЗБЕКСКИХ ДИАЛЕКТОВ»

2 октября 1978 года на заседании Специализированного совета при Институте языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР состоялась защита диссертации на тему: «Проблемы исторического развития и современного функционирования узбекских диалектов (по материалам говоров низовья Кашкадарьи)», представленной Шерматовым Азамом, доцентом Ташкентского государственного педагогического института им. Низами, на соискание ученой степени доктора филологических наук.

Диссертация посвящена монографическому и лингвогеографическому исследованию структуры всех узбекских говоров низовья Кашкадарьи — древнейшей территории расселения тюркоязычных народов Средней Азии. В основу работы положены полевые материалы, собранные диссертантом в рукописях и магнитофонных записях в течение пятнадцати лет в более чем двухстах населенных пунктах.

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и приложения.

В первой главе исследованы фонетические и морфологические особенности узбекских говоров низовья Кашкадарьи. Как установил диссертант, узбекские говоры низовья Кашкадарьи по своим языковым особенностям образуют следующие диалектные зоны: а) карлукскую, б) кыпчакскую, в) разнородную. Диссертант на основе

большого фактического материала, собранного по этим зонам, выявил общие и специфические черты, характерные для всех узбекских говоров низовья Кашкадарьи.

Вторая глава диссертации посвящена анализу лексики говоров низовья Кашкадарьи. Диссертант выявил лексические пласты, охватывающие, кроме общетюркских, также иноязычные слова и термины, вошедшие в узбекские говоры в различное время из таджикского, арабского, монгольского и русского языков, дифференцировал их по тематическим группам и составил словарь (более 1000 слов).

Третья глава посвящена картографированию диалектов данного региона. Основываясь на собранных и систематизированных им материалах, диссертант составил 137 карт атласа узбекских говоров низовья Кашкадарьи (2 карты — общие, 34 — по фонетике, 22 — по морфологии, 79 — по лексике), каждая из которых снабжена подробными комментариями. В картах нашли отражение все основные особенности и специфические языковые явления, присущие узбекским говорам низовья Кашкадарьи.

Выступившие на защите в качестве официальных оппонентов доктора филологических наук, профессора Э. И. Фазылов, Ш. Ш. Сарыбаев и А. Ю. Алиев, а также неофициальные оппоненты академик А. Н. Кононов, действительный член АПН СССР В. В. Решетов, доктора филологических наук, профессора Ф. А. Абдуллаев и А. А. Абдуазизов и другие дали высокую оценку диссертации. Члены Специализированного совета единогласно проголосовали за присуждение А. Шерматову ученой степени доктора филологических наук.

Р. Данияров, Э. Шадманов

«СЕМАНТИКА ГЛАГОЛОВ РЕЧИ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ»

5 октября 1978 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Ташкентском государственном университете им. В. И. Ленина состоялась защита докторской диссертации «Семантика глаголов речи в узбекском языке (компонентный и валентный анализ)», представленной доцентом кафедры общего языкознания филологического факультета Ташкентского государственного университета Кучкартаевым Иристаем Кучкаровичем.

Диссертация И. К. Кучкартаева является первым капитальным исследованием, посвященным семантике отдельной лексической группы словарного состава современного узбекского литературного языка.

Диссертация состоит из предисловия, введения, двух основных глав и библиографии.

В вводной части дается обзор научной литературы в русском, тюркском в целом и узбекском языкознании, выявляются основные свойства лексико-семантической группы

глаголов речи как определенного объекта лингвистического исследования.

В первой главе диссертации («Компонентный анализ семантики глаголов речи в узбекском языке») излагаются основные теоретические положения о семантике глаголов речи применительно к исследуемому фактическому материалу (семантический объем лексических единиц, полисемия, сущность семемы, компонентный состав семем, системная организация лексико-семантической группы глаголов речи как определенного участка словарного состава узбекского языка), а также проводится компонентный анализ лексических значений узбекских глаголов речи, подразделенных на девять семантических групп.

Во второй главе диссертации («Валентный анализ глаголов речи в узбекском языке») рассматриваются: понятие семантической валентности слова (в частности глагола), способы реализации семантических валентностей, валентная модель лексических единиц вообще и глаголов речи в частности, а также некоторые другие вопросы,

связанные с сочетаемостно-синтаксическим аспектом семантики глаголов речи. Диссертантом обстоятельно анализируются валентные модели узбекских глаголов речи, специфика реализации семантических валентностей агента, контрагента, объекта, содержания, цели и адресата.

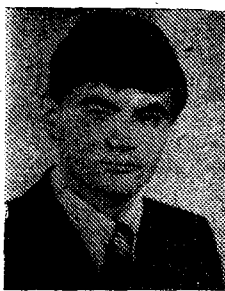
Принципиально важным для узбекского языкознания является последовательное использование И. К. Кучкартаевым методов компонентного, особенно валентного анализа, впервые примененного им к узбекскому языковому материалу.

Официальные оппоненты — д-р филол. наук Э. А. Грунина, д-ра филол. наук, профессора Е. Б. Бердимуратов и А. П. Хаджиев, а также выступившие на заседании Совета д-ра филол. наук, профессора А. Г. Гулямов, В. М. Никитевич, М. М. Копыленко, кандидаты филол. наук, доценты Л. Л. Ким и С. И. Зинин отметили, что диссертация И. К. Кучкартаева вносит весомый вклад в изучение семантики словарного состава узбекского языка с применением современных методов компонентного и валентного анализа.

Специализированный совет вынес единогласное решение ходатайствовать перед ВАК о присуждении И. К. Кучкартаеву ученой степени доктора филологических наук.

Х. Абдурахманов

«МОРФОЛОГИЯ ЯЗЫКА ВОСТОЧНОТЮРКСКИХ ПАМЯТНИКОВ XI—XII ВЕКОВ»

20 ноября 1978 года на заседании Специализированного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук по специальности «тюркские языки» при Институте языкознания им. Насими Академии наук Азербайджанской ССР состоялась защита докторской диссертации «Морфология языка восточнотюркских памятников XI—XII вв. (по материалам сочинений Юсуфа Баласагунского, Махмуда Кашгарского и Ахмада Югнакского)», представленной доцентом кафедры узбекского языка Бухарского государственного университета Нигматовым Хамидом Гуламовичем.

Диссертант поставил целью применить принцип конструирования научного понятия об объекте, выработанного диалектиче-

ской логикой, к интерпретации конкретных языковых фактов.

Во введении к работе диссертантом подвергаются критическому пересмотру и диалектическому осмыслению содержание основных понятий системной лингвистики: природа грамматического значения и характер привативных отношений, взаимоотношения системы и элемента, языка и речи, константности и развиваемости, варианта и инварианта в свете фундаментальных положений диалектики — единства противоположностей, развиваемости, субстанциальной целостности, неисчерпаемости связей и отношений вещей, конкретности каждого суждения (утверждения) о них и т. д., формулируются единые и четкие принципы исследования грамматического строя языка памятников.

В первой главе диссертации рассматриваются основы классификации частей речи, аргументируется мысль о том, что последовательно-непротиворечивая классификация возможна только по одному признаку, однако количество основ классификации практически неисчерпаемо, а каждая после-

довательная классификация вскрывает новую сторону классифицируемых объектов.

Вторая и третья главы работы посвящены исследованию морфологических категорий: числа, падежа, принадлежности, залога, склонения/времени, лица/числа и функциональных форм глагола. Во всех формах этих категорий диссертантом выявляются противоположные типы значений и функционирований, обосновывается их единство посредством закона включенного третьего диалектической логики, выявляется их парадигматическое значение как набор разнородных сем — оппозиционных признаков.

В четвертой главе обобщается понимание диссертантом природы грамматического значения тюркских форм и категорий, впервые в тюркологии даются классификации тюркских форм и категорий как по их синтаксическим потенциям, так и по закреп-

ленности за частями речи или членами предложения.

Научный консультант диссертанта академик А. Н. Кононов, официальные оппоненты: доктора филологических наук С. Н. Иванов, Дж. В. Каграманов и А. А. Ахундов в своих отзывах подчеркнули большое теоретическое значение защищаемой диссертации, развивающей новое — системно-диалектическое направление в тюркологии и выдвигающей на передний план вопросы методологических основ лингвистической интерпретации.

Специализированный совет принял единогласное решение ходатайствовать перед ВАК СССР о присуждении Х. Г. Нигматову ученой степени доктора филологических наук.

Н. Г. Наджафов

НЕКРОЛОГИ

ИЛЬЯ АЛЬБЕРТОВИЧ КИССЕН

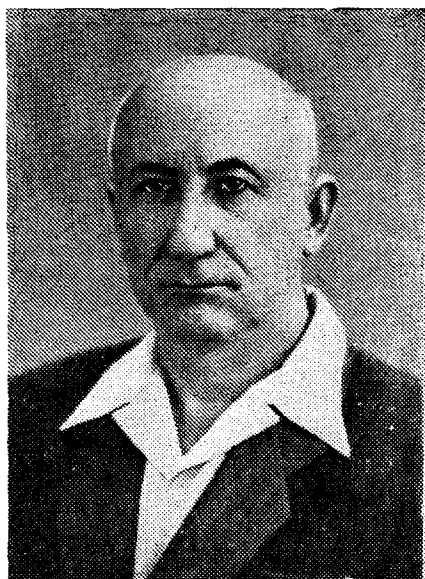
8 октября 1978 года в Ташкенте после продолжительной болезни скончался выдающийся специалист по современному узбекскому языку Илья Альбертович Киссен.

И. А. Киссен родился 5 сентября 1901 года в г. Чарджуе (ныне г. Чарджоу, Туркменской ССР) в семье служащего, переехавшей затем в 1910 году в г. Коканд. В 1912 году И. А. Киссен поступил в Кокандское коммерческое училище, закончив которое в 1919 году, начал работать учителем школы № 2 г. Коканда, а в 1920 году был назначен заведующим этой школы.

В июне 1920 года И. А. Киссен был призван в ряды РККА, где прослужил до февраля 1929 года, сперва красноармейцем, а потом в должности учителя и библиотекаря.

В 1920 году, еще будучи красноармейцем, И. А. Киссен поступил на факультет общественных наук Туркестанского государственного университета, основанного в том же году в Ташкенте. В 1922 году, ввиду перевода воинской части, в которой служил И. А. Киссен, в Бухару, он вынужден был временно оставить университет. В 1926 году, находясь по-прежнему на военной службе, И. А. Киссен вновь оказался в Ташкенте, где поступил на восточный факультет Среднеазиатского университета — САГУ (преобразованного в 1923 году из Туркестанского государственного университета; с апреля 1960 года — Ташкентский государственный университет им. В. И. Ленина), который закончил в 1933 году по специальности тюркской (по тогдашней терминологии — турецкой) филологии (узбекский цикл).

По окончании университета И. А. Киссен был оставлен в аспирантуре при кафедре узбекской филологии с одновременным поручением преподавать узбекский язык на химическом факультете САГУ. Будучи постоянно занятым преподавательской работой и подготовкой учебных пособий по узбекскому языку для узбеков и для русских, И. А. Киссен мало заботился о приобретении ученых степеней и званий: только в 1943 году им была защищена диссертация

на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. С мая 1945 года И. А. Киссен — доцент Ташкентского государственного университета, а затем — заведующий кафедрой. Здесь он проработал вплоть до ухода на пенсию в 1966 году.

Незаурядные педагогические способности И. А. Киссена подкреплялись и совершенствовались полувековой практикой преподавания узбекского и русского языков, многолетней работой в области методики преподавания узбекского языка русским и русского языка узбекам.

Внимательно изучая основные этапы развития узбекской литературы советского времени, И. А. Киссен особое внимание уделял методике переводов произведений русских писателей на узбекский язык («Дело Артамоновых» М. Горького) и узбекских — на русский язык (рассказы А. Каххара, отрывки из романа Айбека «Солнце не померкнет»).

Особое место в научно-педагогической деятельности И. А. Киссена занимало составление программ (для различных учебных заведений) по курсу «Узбекский язык».

Ученый-специалист в области узбекского языкознания и знаток современного узбекского литературного языка — И. А. Киссен, помимо основной научно-педагогической работы в университете, вел научно-исследовательскую работу в Институте языка и литературы Академии наук Узбекской ССР, где в течение девяти лет руководил сектором словарей. И. А. Киссен — соавтор ряда узбекско-русских словарей, автор «Частотного словаря узбекского языка» и сопоставительной грамматики русского и узбекского языков, грамматического справочника по узбекскому языку, самоучителя и нескольких учебников узбекского языка для взрослых, а также целого ряда статей исследовательского и методического характера. Он принимал самое активное участие во внедрении нового узбекского алфавита на основе русской графики. Перу И. А. Киссена принадлежат 55 печатных работ.

И. А. Киссен — научный редактор ряда трудов: «Граматики узбекского языка» А. Н. Кононова (первое издание); «Сопоставительной грамматики русского и узбекского языков» А. А. Азизова; «Учебника арабского языка для филологических факультетов университетов и педагогических институтов» Б. З. Халидова и др.

За время своей многолетней педагогической деятельности И. А. Киссен подгото-

вил сотни специалистов по узбекскому языку, многие из которых ведут успешную преподавательскую и исследовательскую работу.

Биографические данные об И. А. Киссене хотелось бы дополнить хотя бы несколькими штрихами, характеризующими отношение Ильи Альбертовича к его коллегам, ученикам и друзьям.

Скромный до застенчивости, бескорыстно преданный своему профессиональному долгу, мягкий и отзывчивый человек, готовый словом и делом прийти на помощь всякому, нуждающемуся в нем, И. А. Киссен всегда держался в тени, как бы не желая обнаруживать своего превосходства над многими своими коллегами.

Высокий профессионализм педагога, вдумчивого исследователя у Ильи Альбертовича сочетался с преданнейшей любовью к узбекскому языку, почти родному для него, которым он владел блестяще, восхищая узбеков изяществом используемых им синтаксических конструкций, точностью и совершенством произношения.

Илья Альбертович Киссен, выросший в Узбекистане, связанный с ним всей своей долгой трудовой жизнью, внес весомую лепту в дело подготовки специалистов по узбекскому языкознанию. Имя его навсегда останется в летописи культурного строительства Советского Узбекистана.

А. Н. Кононов

АГЯХ СЫРРЫ ЛЕВЕНД

28 октября 1978 года в Анкаре после тяжелой и продолжительной болезни скончался выдающийся турецкий ученый, педагог, организатор науки — бывший генеральный секретарь, а затем председатель Турецкого лингвистического общества — Агях Сырры Левенд.

А. С. Левенд родился 26 января 1894 года на Родосе, в семье крупного судейского чиновника. Начальное образование получил в Эдирне (Адрианополи), среднее образование, начатое в Стамбуле, завершил в Кони в 1913 году и поступил на литературный факультет Стамбульского университета, окончив его лишь в 1919 году, так как почти четыре года прослужил в турецкой армии (1914—1917).

Еще будучи студентом Стамбульского университета, А. С. Левенд начал преподавать турецкую литературу в одной из средних школ Стамбула.

А. С. Левенд был прирожденным педагогом, блестящим лектором, крупным знатком старой турецкой и тюркской поэзии. Один из пионеров эти строки в 1965 году, присутствуя на лекции А. С. Левенда в Анкарском университете, мог лично убедиться в глубоких познаниях и педагогическом мастерстве ныне покойного профессора, отдавшего пятьдесят лет своей жизни преподаванию турецкой литературы.

В 20-е и 30-е годы А. С. Левенд много времени и труда отдавал организации школьного дела.

Богато одаренная натура А. С. Левенда требовала широкого поля деятельности: он выступал как журналист, писатель (назовем, например, его роман «Asılag», 1928), поэт, издатель журналов. Однако главной его привязанностью была история литературы.

Посвятив тридцать лет своей жизни изучению биографии и творчества Алишера

Навои, А. С. Левенд внес большой вклад в навоиведение. Он первым среди турецких ученых описал более пятидесяти рукописей Алишера Навои¹ и привел ценные сведения о шести списках арабского словаря поэта². Как видно из его описания, в библиотеках и музеях Турции хранятся два великолепных поэтических *куллията* (сборника) поэта, четырнадцать рукописей «Гарайиб-ус-сигар» («Диковины детства»), а также «Навадир-уш-шабаб» («Редкости юности») и «Бадае-ул-васат» («Диковины средних лет»), три фолианта «Фавайд-ул-кибар» («Полезные советы старости») и другие рукописи. Примечательно, что многие из этих рукописей переписаны в Герате, на родине Алишера Навои, известными каллиграфами: Султаном Али Мешхеда, Пир Мухаммедом Искандером, Мухаммедом Али бинни Мухаммед Хасаном. Благодаря А. С. Левенду узбекские литературоведы располагают важными сведениями об уникальном куллияте Навои в Реванской библиотеке Стамбула. Этот сборник, включающий двадцать шесть произведений поэта, переписан знаменитым гератским каллиграфом Дарвешом Мухаммедом Таки в 1497—1499 годах. Рукопись представляет огромную ценность для науки: она содержит интересные сведения о книжном деле, об искусстве миниатюры и узбекском литературном языке XV века.

Продолжая изучать жизнь и творчество Навои, А. С. Левенд в 1965—1968 годах издал в Анкаре четырехтомное собрание сочинений Алишера Навои³. В первом томе содержатся интересные сведения о жизни, творчестве и мировоззрении поэта, в остальные три тома включены газели, поэмы и другие произведения. Из библиографии, приведенной в названном издании, видно, что А. С. Левенд был хорошо знаком с трудами советских навоисведов.

А. С. Левенду же принадлежит хорошо выполненное издание «Mantiku t-tayr» (Анкара, 1955) с предисловием, литературоведческой исследовательской частью, текстом, факсимиле.

Работы А. С. Левенда по истории турецкой литературы эпохи средневековья и нового времени: «Edebiyat Tarihi dersleri» (до Танзимата, Танзимат. «Сервет-и фюнун»), «Türk edebiyatı»; книги и статьи, посвященные отдельным турецким (докемалистским) писателям, представляют для специалистов исключительный интерес⁴.

Последнее по времени сочинение покойного ученого «Türk edebiyatı tarihi» (Анкара, 1973) является обстоятельным введением к проектируемому десяти tomному изданию «Истории турецкой литературы».

А. С. Левендом немало сделано и в области развития турецкого языкознания. Его фундаментальный труд «Türk dilinde gelişme ve sadeleşme evreleri», выдержавший три издания (Анкара, 1949; 1960; 1972), является полезным пособием для изучающих историю развития и становления турецкого письменного-литературного языка. Энергичный и неутомимый ученый А. С. Левенд был одним из инициаторов создания (пока еще не осуществленного) «Türkiye Türkçesinin tarihsel sözlüğü», пробный образец которого был опубликован Турецким лингвистическим обществом (Анкара, 1972)⁵.

Полувековая педагогическая и научно-исследовательская работа А. С. Левенда гармонично сочеталась с его общественной деятельностью: в 1935 году он был избран председателем «Народного дома» в одном из районов Стамбула (İstanbul Eminönü Halkevi başkanı), в 1940—1946 годах — депутатом Великого Национального Собрания Турции; в 1945—1951 и 1961—1963 годах А. С. Левенд — главный редактор «Турецкой энциклопедии»; в 1951—1960 — генеральный секретарь, а в 1963—1966 годах — председатель Турецкого лингвистического общества (основано в 1932 году).

¹ «Türkiye kitaplıklarındaki Nevai yazmaları». — «Türk Dili Araştırmaları yillığı — Belleten», Ankara, 1958.

² «Nevai'nin Arapça sözlüğü». — «Türk Dili Araştırmaları yillığı — Belleten», Ankara, 1956.

³ «Ali Şir Nevai», cilt I—IV, Ankara, 1965—1968.

⁴ Подробнее см.: İbrahim Kutluk. Ağâh Sırrı Levend. Hayatı ve eserleri. İstanbul, 1963.

⁵ См. еще: Ağâh Sırrı Levend. Türkiye Türkçesinin tarihsel sözlüğü. — «Türk Dili», sayı 236. Mayıs 1971, стр. 97—101.

А. С. Левенду как руководителю Турецкого лингвистического общества принадлежала ведущая роль в определении направления всей деятельности Общества и, в первую очередь, в ориентации языкового строительства на очищение турецкого языка от арабских и персидских заимствований.

А. С. Левенд с неизменным дружеским вниманием относился к советским туркологам; в 1964 году он посетил Баку и Москву.

Кончина А. С. Левенда — большая утрата для турецкого литературоведения и язы-

кознания. Он оставил после себя многочисленные ценные научные исследования и светлую память о благородном человеке и ученом⁶.

А. Н. Кононов, Э. А. Умаров

⁶ См. некрологи: *Ömer Asım Aksoy. Güle güle sevgili arkadaşım.* — «Türk Dili», sayı 327. Aralık 1978, стр. 629—631; *Ibrahim Olgun. Yorulmayan savaşçı Ağâh Sırrı Levend.* — Там же, стр. 632—635.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ
«СОВЕТСКАЯ ТЮРКОЛОГИЯ» В 1978 ГОДУ (№№ 1—6)

	№	Стр.
Кононов А. Н. (Ленинград). Некоторые вопросы дальнейшего развития тюркского языкознания в СССР	2	3—8
СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА		
Абдуллаев К. М. (Баку). Сложное синтаксическое целое как объект семантико-грамматического анализа	5	10—19
Абдуллаева Н. (Баку). Синтаксические параллели	1	29—37
Ахметов М. А. (Уфа). Залоги глагола в языке орхоно-енисейских памятников и их отношение к современному башкирскому языку	4	9—20
Баскаков Н. А. (Москва). Форма прошедшего времени глагола на -ѣх ~ -ѣи в тюркских языках и ее происхождение	4	3—8
Благова Г. Ф. (Москва). К теории тюркского склонения	5	3—9
Благова Г. Ф. (Москва). Об ареальных системно-тематических исследованиях по грамматике тюркских языков	1	8—28
Володин А. П., Храковский В. С. (Ленинград). Особенности строения императивной парадигмы в сопоставлении с индикативной	6	3—11
Насилов В. М. (Ленинград). Некоторые особенности словообразования в древнетюркских памятниках	3	3—6
Серебренников Б. А. (Москва). Два этюда из истории тюркских языков	1	3—7
Сибатагов Р. Г. (Уфа). Модальность как структурно-семантическое единство	4	21—30
Цалкаламанидзе А. А. (Тбилиси). Глаголы эмоционального состояния в современном узбекском языке	2	9—18

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

Гукасян В. Л. (Баку). Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода	2	19—33
Исхакова С. М., Валеев Ф. Т. (Казань). Таджикский компонент в народно-разговорном языке западносибирских татар	4	31—39
Кошанов К. М. (Нукус). Словообразование существительных на базе русских и интернациональных слов в каракалпакском языке	4	40—43
Сетаров Дж. С. (Шяуляй, Литовская ССР). Тюркизмы в русских названиях домашних животных	1	38—54
Тимонина Л. Г. (Таганрог). Тюркские заимствования в коттском языке	3	7—13
Юналеева Р. А. (Казань). Лексико-семантическое развитие тюркских названий головных уборов в русском языке	5	20—25

	№	Стр.
ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКИ		
Маштакова Е. И. (Москва). Проблемы турецкой средневековой литературы в советской тюркологии	3	14—21
Урманчеев Ф. (Елабуга). По следам Белого Волка	6	12—23
Урманчеев Ф. (Елабуга). Сказание «Йир Тюшлюк» у тюркоязычных народов	1	55—63
ОНОМАСТИКА		
Мизиев К. А. (Москва). О топонимии Балкарии	2	34—40
Моллазаде С. М. (Баку). О значении диалектных данных в изучении топонимии	6	24—30
Саттаров Г. Ф. (Казань). Татарская антропотопонимия и этнолингвистические связи	3	22—32
Федотов М. Р. (Чебоксары). Этацизм и итацизм в свете тюркских названий реки Волги	4	44—47
ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ		
Ахматов И. Х. (Нальчик). Соотношение между формальной структурой и семантикой односоставного предложения в карачаево-балкарском языке	5	26—32
Ахметьянов Р. Г. (Казань). О генеалогической классификации кыпчакских тюркских языков	6	31—36
Грач А. Д. (Ленинград). О так называемых «„Древнетюркских“ неурядицах»	6	45—48
Гукасян В. Л. (Баку). О фонемном новообразовании	5	33—43
Данияров Р. (Ташкент). Роль терминов-словосочетаний в обозначении технических понятий	6	37—44
Дондуков У.-Ж. Ш. (Улан-Удэ). К происхождению слова-этнонима «якут»	4	51—53
Закиев М. З. (Казань). Об этнониме «мишар» и происхождении мишарей	3	42—49
Мусаев К. М. (Москва). Основные проблемы изучения лексики тюркских языков	3	33—41
Соколов С. А. (Москва). Синтаксические функции конструкций с прямой речью в турецком языке	2	41—47
Трофимов М. И. (Ош). О фонетическом способе словообразования в современном уйгурском языке	4	48—50
ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТЮРКОЛОГИИ		
Аракин В. Д. (Москва). Н. К. Дмитриев и тюркская лексикология	5	52—59
Лунин Б. В. (Ташкент). Павел Александрович Фалев	5	60—62
Оконешников Е. И. (Якутск). Э. К. Пекарский — выдающийся лексикограф	5	44—51
СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ		
Абдуллаев А. Б. (Бухара). К отграничению конструкций с прямой речью от сложных предложений в узбекском языке	3	50—55
Абдуллаева Н. Дж. (Баку). К проблеме синтаксической синонимии	6	49—55
Аганин Р. А. (Москва). Турецкая лексикография в СССР (1917—1977)	3	80—94
Аракин В. Д. (Москва). Об омонимах в турецком языке	2	48—61
Асланов В. И. (Баку). О характере метафорических переносов в средневековой тюркоязычной поэзии	6	61—67
Ахундов А. (Баку). Названия частей тела человека, оканчивающиеся на -z в азербайджанском языке	3	70—75
Васильев Д. Д. (Москва). Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала (II)	5	92—95

	№	Стр.
<i>Васильева О. В.</i> (Ленинград). Временные и пространственные представления в «Книге моего деда Коркута» (небесные тела)	6	68—72
<i>Джаббарова Р. Дж., Гиясов С. Т.</i> (Бухара). Применение метода компонентного анализа к изучению качественных прилагательных узбекского языка	2	69—76
<i>Джафарзаде М.</i> (Кировабад). Об одном пути возникновения сложно-подчиненных предложений в тюркских языках	4	54—62
<i>Закиев М. З., Каримуллин А. Г.</i> (Казань). Первопечатной «Азбуке татарского языка» — 200 лет	4	99—101
<i>Кушев Г. К.</i> (Баку). Лексико-семантическое развитие глаголов слухового восприятия в тюркских языках юго-западной группы	5	70—78
<i>Лившиц В. А.</i> (Ленинград). О происхождении древнетюркской рунической письменности	4	84—98
<i>Насилов Д. М.</i> (Ленинград). В. В. Радлов и проблемы алтаистики	1	96—102
<i>Потапова Т. Д.</i> (Москва). Об ударении в турецких топонимах	5	79—91
<i>Рамазанов К. Т.</i> (Баку). Парные слова в тюркских языках юго-западной группы	1	68—77
<i>Рачева М.</i> (София). К этимологии слова <i>бисер</i>	1	78—84
<i>Сафиуллина Ф. С.</i> (Казань). О диалектном синтаксисе	4	63—71
<i>Соколов С. А.</i> (Москва). О соотношении «асиндетона» и «бессоюзия»	5	63—69
<i>Тушмалишвили Г. В.</i> (Тбилиси). О диалектной лексике говора азербайджанцев Гардабанского района Грузинской ССР	4	77—83
<i>Умаров Э. А.</i> (Ташкент). О «неизвестном» слове <i>sañ</i> 'качество'	3	76—79
<i>Хахимзянов Ф.</i> (Казань). Двухязычный болгарский памятник	2	62—68
<i>Чернов М. Ф.</i> (Чебоксары). Изучение тюркской фразеологии в работах советских тюркологов	1	85—95
<i>Шервашидзе И. Н.</i> (Тбилиси). Аналитические формы глагола в языке тюркских рунических надписей	1	64—67
<i>Шерер В. Э.</i> (Ростов-на-Дону). К проблеме послелога в современной лингвистике	6	56—60
<i>Шерматов А.</i> (Ташкент). Некоторые характерные особенности узбекских говоров низовья Кашкадарьи	4	72—76
<i>Эфендиева Т. А.</i> (Баку). Стилистические неологизмы — художественно-выразительные средства языка	3	56—69

РЕЦЕНЗИИ

<i>Ализаде З. А.</i> (Баку). З. И. Будагова, Ш. М. Саадиев, А. К. Алекперов. Самоучитель азербайджанского языка	2	87—88
<i>Ахундов А.</i> (Баку). М. А. Хабиев. Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение	6	77—79
<i>Ахундов А.</i> (Баку). <i>Nağıye Memova-Süleymanova. Türk dili sesbilgisi</i>	2	88—90
<i>Базаров А., Мусаев К.</i> (Москва). И. Расулов. Улуг ватан уруши йилларида ўзбек тили лексикаси	6	80—82
<i>Будагова З. И., Абдуллаев К. М.</i> (Баку). Минаж Чавадова. Шах Исмайл Хатаинин лексикаси	1	107—109
<i>Вахидов Р. Дж., Нигматов Х. Г., Сафаров О. Т.</i> (Бухара). Т. Қораев. Хиромий. (Ҳаёти ва ижоди)	3	102—104
<i>Демесинова Н., Джунусбеков А.</i> (Алма-Ата). Қ. Неталиева. Қазақ тілінің орфоэпиялық сөздігі	3	100—102
<i>Дмитриева Л. В.</i> (Ленинград). «Языки народов Сибири»	4	105—106
<i>Добродомов И. Г.</i> (Москва). <i>Gunnar Jarring. Gustaf Raquette and Qassim Akhun's Letters to Kamil Efendi</i>	3	104
<i>Доспанов У. Д.</i> (Нүкус). Д. С. Насыров. Становление каракалпакского общенародного разговорного языка и его диалектная система	2	84—86
<i>Закиев М. З., Сафиуллина Ф. С.</i> (Казань). «Татар теленең аялтамлы сүзлеге»	2	77—80
<i>Зейналов Ф. Р., Азизов Э. И.</i> (Баку). Б. Хожаев. Түрки диллерин гүнорта-гүнбаттар топарында ортак ишлик формалары	1	106—107

	№	Стр.
Зиннатуллина К. З., Юсупов Р. А. (Казань). М. З. Зәкиев. Татар халкы теленең барлыкка килүе	3	97—100
Кабулов В. К., Салихов З. М., Усманходжаев Н. И., Абдуллаев А. М., Хамдамов Т., Шермухамедов А. Т. (Ташкент). «Терминологический словарь по автоматическому управлению»	4	106—109
Копыленко М. М., Сарыбаев Ш. Ш. (Алма-Ата). І. Кенесбаев. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі	2	80—83
Курбанов А., Шюкуров А. (Баку). А. Н. Қононов. Очерк истории изучения турецкого языка	1	103—106
Мокиенко В. М. (Ленинград). «Паремиология Узбекистана»	5	100—102
Мурадов А., Соегов М. (Ашхабад). «Түркмен дилинің грамматикасы»	2	83—84
Наурызбаев Б. (Алма-Ата). З. А. Ахметов. Современное развитие и традиции казахской литературы	6	73—75
Нигматов Х. Г., Киличев Э. (Бухара). И. Қўқортоев. Сўзнинг маъноси ва унинг валентлиги	5	96—99
Отаров И. М. (Нальчик). «Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис»	3	95—97
Рамазанова Д. Б., Баязитова Ф. С. (Казань). Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов	6	75—77
Тажмуратов А., Бегжанов Т. (Нукус). У. Доспанов. Қарақалпақ тили туслик диалектининг лексикасы	5	99—100
Тугушева Л. Ю. (Ленинград). Georg Kara—Peter Zieme. Die uigurischen Übersetzungen des Guruyogas «Tiefer Weg» von Sa-skya Pandita und der Mañjuśrīnamasamgiti	6	85—86
Умаров Э. А. (Ташкент). Проф. Э. Э. Оручов. Азәрбајҹанча-русча фразеолоҹија лүғәти	4	102—103
Ходжиев А. П., Мухамеджанов К. М., Данилова Л. В. (Ташкент). Аҳмад Ишаев. Қорақалпоғистондаги ўзбек шевалари	4	103—105
Шукуров Ш., Мамедов М. А. (Джизак). Б. Уринбаев. Синтаксический строй узбекской разговорной речи	6	82—85

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бондаренко И. В., Скрибник Е. К. (Новосибирск). «Проблема связей в сложном предложении в языках разных систем»	2	91—92
Ибраев Ш. (Москва). Проблемы эпоса тюрко-монгольских народов	6	87—88
Курбатов Х. (Казань). «О языке и стиле современной татарской художественной литературы»	3	105—106
Мусин Ф. (Казань). «Актуальные проблемы эстетики и поэтики социалистического реализма в литературах Советского Востока»	6	88—92
Скворцов М. И. (Чебоксары). Научная сессия по проблемам исторической лексикологии чувашского языка	5	103—107
Хабичев М. А. (Карачаевск). «Советский опыт создания и усовершенствования алфавитов и орфографий языков народов СССР»	1	110—117

PERSONALIA

Багиров А. (Баку). Хады Исмаил оглы Мирзазаде	1	120—121
Кононов А. Н. (Ленинград), Гамкрелидзе Т. В. (Тбилиси). Сергей Симонович Джикия	5	108—109
Муратов С. Н. (Ленинград). Карл Генрих Менгес	2	93—94
Якупова Г. К. (Казань). Гибад Хабибуллович Алпаров	6	93—94
Якупова Г. (Казань). Шигап Алимович Рамазанов	1	118—119
Яшен К., Султанов И., Абдусаматов Х., Туйчиев У. (Ташкент). Хамиль Исламович Якубов	3	107—108

ХРОНИКА

Бирюкович Р. М. (Саратов). Школа молодых компаративистов	6	96—97
Благова Г. Ф. (Москва). Четвертое пленарное заседание Советского комитета тюркологов	2	95—103

	№	Стр.
<i>Бородина М. А., Кручинина А. А. (Ленинград), Чумакаева М. Ч., Широбокова Н. Н. (Новосибирск). «Проблемы исследования тюркоязычных ареалов»</i>	1	122—124
<i>«Жанровые и идейно-художественные особенности дастанов „Гор оглы“»</i>	2	104
<i>«Морфология языка восточнотюркских памятников XI—XII веков»</i>	6	99—100
<i>«Основы узбекской пунктуации»</i>	2	104—105
<i>Офросимова-Серова Л. Г. (Москва). Памяти Владимира Михайловича Насилова</i>	3	109—110
<i>«Проблемы исторического развития и современного функционирования узбекских диалектов»</i>	6	98
<i>«Семантика глаголов речи в узбекском языке»</i>	6	98—99
<i>Широбокова Н. Н. (Новосибирск), Насыров Ш. (Ташкент). Семинар-совещание представителей зон по составлению «Диалектологического атласа тюркских языков СССР»</i>	6	95—96

НЕКРОЛОГИ

<u>Киссен Илья Альбертович</u>	6	101—102
<u>Левенд Агях Сырры</u>	6	102—104
<u>Севортян Эрванд Владимирович</u>	2	106—110

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

- А. П. Володин, В. С. Храковский (Ленинград). Особенности строения императивной парадигмы в сопоставлении с индикативной 3

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

- Ф. Урманчеев (Елабуга). По следам Белого Волка 12

ОНОМАСТИКА

- С. М. Моллазаде (Баку). О значении диалектных данных в изучении топонимии 24

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

- Р. Г. Ахметьянов (Казань). О генеалогической классификации кыпчакских тюркских языков 31
Р. Данияров (Ташкент). Роль терминов-словосочетаний в обозначении технических понятий 37
А. Д. Грач (Ленинград). О так называемых «Древнетюркских» неурядицах» 45

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

- Н. Дж. Абдуллаева (Баку). К проблеме синтаксической синонимии 49
В. Э. Шерер (Ростов-на-Дону). К проблеме послелога в современной лингвистике 56
В. И. Асланов (Баку). О характере метафорических переносов в средневековой тюркоязычной поэзии 61
О. В. Васильева (Ленинград). Временные и пространственные представления в «Книге моего деда Коркута» (небеенные тела) 68

РЕЦЕНЗИИ

- Б. Наурызбаев (Алма-Ата). З. А. Ахметов. Современное развитие и традиции казахской литературы 73
Д. Б. Рамазанова, Ф. С. Баязитова (Казань). Л. Т. Махмутова. Опыт исследования тюркских диалектов 75
А. Ахундов (Баку). М. А. Хабичев. Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение 77
А. Базаров, К. Мусаев (Москва). И. Расулов. Улуғ ватан уруши йилларида ўзбек тили лексикаси 80
Ш. Шукуров, М. А. Мамедов (Джизак). Б. Уринбаев. Синтаксический строй узбекской разговорной речи 82
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Georg Kara—Peter Zieme. Die uigurischen Übersetzungen des Guruyogas «Tiefer Weg» von Sa-skya Pandita und der Mañjuśrīnāmāsa-mgiti 85

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Ш. Ибраев (Москва). Проблемы эпоса тюрко-монгольских народов 87
 Ф. Мусин (Казань). «Актуальные проблемы эстетики и поэтики социалистического реализма в литературах Советского Востока» 88

PERSONALIA

- Г. К. Якупова (Казань). Гибад Хабибуллович Алпаров 93

ХРОНИКА

- Н. Н. Широбокова (Новосибирск), Ш. Насыров (Ташкент). Семинар-совещание представителей зон по составлению «Диалектологического атласа тюркских языков СССР» 95
 Р. М. Бирюкович (Саратов). Школа молодых компаративистов 96
 «Проблемы исторического развития и современного функционирования узбекских диалектов» 98
 «Семантика глаголов речи в узбекском языке» 98
 «Морфология языка восточнотюркских памятников XI—XII веков» 99

НЕКРОЛОГИ

- Илья Альбертович Киссен 101
 Агях Сырры Левенд 102
 Указатель статей, опубликованных в журнале «Советская тюркология» в 1978 году (№№ 1—6) 105

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- A. P. Volodin, V. S. Khrakovsky (Leningrad). Imperative paradigm in comparison with indicative 3

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

- F. Urmancheyev (Elabuga). By the tracks of «White Wolf» 12

ONOMASTICS

- S. M. Mollazade (Baku). On the role of dialectal data in study of toponymy 24

DISCUSSIONS

- R. G. Akhmetyanov (Kazan). On genealogical classification of the Kipchak Turkic languages 31
 R. Daniyarov (Tashkent). The role of word-combination terms in denotation of technical concepts 37
 A. D. Grach (Leningrad). On the so-called «„Ancient Turkic” messes» 45

REPORTS, SURVEYS

- N. Dzh. Abdullayeva (Baku). Towards the problem of syntactic synonymy 49
 V. E. Sherer (Rostov-on-Don). Towards the problem of postposition in modern linguistics 56
 V. I. Aslanov (Baku). On the character of metaphors in medieval turkic poetry 61
 O. V. Vasilyeva (Leningrad). Temporal and spatial images in «The Book of Dede Korkut» (heavenly bodies) 68

REVIEWS

- B. Nauryzbayev* (Alma-Ata). З. А. Ахметов. Современное развитие и традиции казахской литературы 73
- D. B. Ramazanova, F. S. Bayazitova* (Kazan). Л. Т. Махмудова. Опыт исследования тюркских диалектов 75
- A. Akhundov* (Baku). М. А. Хабичев. Карачаево-балкарское именное формообразование и словоизменение 77
- A. Bazarov, K. Musayev* (Moscow). И. Расулов. Улуг ватан уруши йилларида ўзбек тили лексикаси 80
- Sh. Shukurov, M. A. Mamedov* (Djizak). Б. Уринбаев. Синтаксический строй узбекской разговорной речи 82
- L. Yu. Tugusheva* (Leningrad). Georg Kara—Peter Zieme. Die uigurischen Übersetzungen des Guruyogas «Tiefer Weg» von Sa-skya Pandita und der Mañjuśrināmasamgiti 85

SCIENTIFIC LIFE

- Sh. Ibrayev* (Moscow). Epos problems of the Turk-Mongolian peoples 87
- F. Musin* (Kazan). «Aesthetics and poetics actual problems of socialist realism in literatures of the Soviet East» 88

PERSONALIA

- G. K. Yakupova* (Kazan). Gibad Habibullovich Alparov 93

CHRONICLE

- N. N. Shirobokova* (Novosibirsk), *Sh. Nasyrov* (Tashkent). The conference of representatives zones on compiling «Dialectological atlas of the Turkic languages in the USSR» 95
- R. M. Biryukovich* (Saratov). A school of young comparativists 96
- «Historical development problems and modern functioning in the Uzbek dialects» 98
- «Semantics of speech verbs in the Uzbek language» 98
- «Morphology of the Eastern Turkic written records in the XI—XII-th centuries» 99

OBITUARIES

- Ilya Albertovich Kissen 101
- Agyah Syrry Levend 102
- References of the articles published in «Soviet Turkology» in 1978 (№№ 1—6) 105

Технический редактор Б. А. Абдуллаев

Рукописи не возвращаются

Корректоры Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова

Сдано в набор 22/XII-1978 г. Подписано к печати 12/IV-1979 г. ФГ 11090. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 4. Физ. печ. л. 8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4. Заказ 860. Тираж 3200. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист» ул. Авакяна, 529 квартал